

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить.
Сбежавшая невеста

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Леаттия Брафорт, наследница старинного, но обедневшего и потерявшего все привилегии рода, считала себя самой счастливой девушкой города, если не страны. Ее выбрал в жены сам герцог и уже пять лет терпеливо ждал момента, когда юная невеста достигнет совершеннолетия, попутно забрасывая ее подарками, нарядами и цветами.

Счастливая сказка рассыпалась пеплом в тот же миг, когда Леаттия увидела изуверские забавы своего возлюбленного.

С той минуты она желала лишь одного – сбежать подальше от жестокого монстра. И знала наверняка, что мечтает о невозможном, ведь его светлость позаботился о надежных оковах для своей избранницы.

- [Вера Чиркова](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)

- [Глава двадцать четвертая](#)

Вера Чиркова

**Спасти нельзя оставить. Сбежавшая
невеста**

Глава первая

– Войдите! – Леаттия привычно отерла платочком слезы и отвернулась от окна.

– Добрый день, ваша милость. – В дверях стояла немолодая, очень худая женщина в сером плаще и черных поношенных шелковых перчатках. – Простите за беспокойство, но у меня небольшой вексель.

– Давайте. – Леа прошла к столу, опустилась на свое место и взмахом руки предложила незнакомке сесть. – Когда ее милость брала у вас деньги?

– Не брала ваша матушка денег, а купила свечи и полотно, – так и не села посетительница. – Для себя, как я поняла.

Женщина положила перед Леаттией расписку на шестьдесят серебряных, быстро оглянулась и ловко сунула девушке свернутую крохотным квадратиком бумажку.

– Что? – Графиня Брафорт ошеломленно подняла взор и увидала сначала умоляющие глаза гостьи, а потом и ее палец, прижатый к губам в немой просьбе о молчании.

– Тут все написано, – склонившись к листку и водя пальцем по строчкам, начала пояснять незнакомка, убедившись, что девушка все поняла верно и слуг звать не будет. Потом еле слышно добавила: – Раньше я прийти не могла... не хотела вас расстраивать.

– Шестьдесят монет меня не расстроят. – Проверив подпись и оттиск печати, хозяйка достала кошель и услышала над ухом торопливый шепоток:

– Прочтите в умывальне и сожгите... умоляю. Иначе мне не жить.

Не считая, забрала монеты, раскланялась и исчезла так же внезапно, как появилась.

Леаттия разжала кулак, неверяще оглядела неожиданное послание и почти сразу увидела свое имя, выведенное до боли знакомым бисерным почерком. Вот этого, совершенно невозможного подарка она никак не ждала от коварной судьбы, и сложный букет эмоций, от безумной надежды на спасение до вновь обострившейся боли потери вмиг расцвел в ее душе, заставив едва слышно застонать. Однако девушка тут же спохватилась, сумела подавить желание расплакаться и, поспешно приподняв подол, сунула конвертик в чулок. А потом решительно направилась в умывальню и в этот раз запирала дверь с особой старательностью.

Постепенно успокаиваясь и начиная обдумывать случившееся,

графиня с горечью и раскаянием осознала, насколько сильно рисковала незнакомка. Ей вообще сказочно повезло. Если бы Леа до сих пор оставалась в прежнем неведении насчет любовных предпочтений своего жениха, как всего луну назад, то непременно подняла бы шум и погубила и себя, и гостью. Но теперь, когда юная графиня успела прозреть и побывать на самом дне пропасти, зовущейся безнадежностью, она собиралась в точности исполнить все указания тайного спасителя. Ведь кроме этого непрочитанного еще послания никакой надежды на избавление от страшной участи у нее нет. И даже если здесь Леаттию ждет ловушка, хуже все равно уже не будет.

Просто не может быть ничего страшнее случайно подсмотренной сценки, вдребезги разбившей жизнь девушки и до сих пор стоящей у нее перед глазами.

Мать тогда еще держалась, но к вечеру ей резко стало хуже, и растерявшаяся, перепуганная Леа отважилась попросить помощи у жениха. Разумеется, его светлость герцог Манрех Кайор Брафортский вовсе не сам должен был сидеть возле постели будущей тещи, а прислать лекаря и опытную сиделку, у его невесты к этому времени из всех слуг остались лишь семейная пара, горничная и повар. Да и те устроились всего год назад и проявили необычайное упорство, уговаривая матушку их принять. Но лишь после смерти графини Расельены Гардез Брафорт девушка поняла, откуда они взялись так кстати. И где получают основное жалованье, причем вовсе не за обязанности простых слуг.

А в тот день, не найдя от отчаяния лучшего выхода, Леа накинула темный плащ с капюшоном и побежала во дворец, благо находится он всего в пяти минутах ходьбы.

Сухощавый и длинноносый дворецкий, смерив невесту господина пронзительным взглядом, лично провел ее в парадную гостиную второго этажа и настойчиво попросил подождать, у его светлости важный гость.

И Леа честно ждала, даже в мыслях не допуская возможности выйти из комнаты и лично отправиться искать его светлость. Но вот усидеть на месте не смогла, от волнения за матушку нервно ходила по комнате и в какой-то момент оказалась возле распахнутой двери на галерею, проходящую вдоль всего здания. Безо всякого сомнения шагнула прочь из комнаты, беспокойно прошлась взад-вперед по широкому балкону и, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, принялась рассматривать сад и постройки, прикидывая, где будет гулять после свадьбы.

Полный муки женский крик, раздавшийся откуда-то слева, невольно привлек внимание Леаттии, и она опасливо сделала несколько шагов в ту

сторону, не зная, пора ли бежать несчастной на помощь.

А едва завернув за угол, оцепенела, потрясенная увиденным. За распахнутыми настежь окнами виднелась очень странно обставленная комната, но это припомнилось Леа значительно позже. В первые мгновения она не могла отвести взора от окровавленной исхлестанной спины нагой женщины и такого же нагого мужчины, с упоением полосующего ее плетью.

Леа смотрела на них всего пару секунд, затем сбежала стремительно, как заяц, за которым гонится стая волков. И только в гостиной, переведя дух, с ужасом поняла, кого минуту назад ей «повезло» лицезреть.

Собственного жениха, герцога Манреха Кайора Брафортского, приходящегося ей настолько дальним родственником, что этого не могло показать даже родовое древо.

Вот в тот миг и рухнуло, как песочная крепость, придуманное ею прекрасное будущее, в котором она сидит на троне рядом с мужем в окружении сыновей и подданных. И хотя далеко не сразу Леаттия до конца осознала, чем грозит ей брак с человеком, развлекающимся таким постыдным образом, но уже ненавидела его так же горячо, как совсем недавно обожала.

Потому и поступила так, как ей более всего хотелось. Опустила пониже капюшон и ушла из дворца.

Ринувшемуся наперерез дворецкому Леа, всхлипывая от пережитого ужаса и омерзения, сообщила, что больше ждать не может, опасаясь не застать матушку в живых. И домчалась до родного дома, не видя ни дороги, ни людей, всего за пару минут.

Мать была еще жива, но очень плоха, и Леаттия в одиночестве просидела рядом с ней два часа, оплакивая и ее веру в то, что дочь удачно пристроена, и собственные разбившиеся мечты.

А ведь и раньше доходили до нее намеки и сплетни, хотя и редко, герцога в Югрете боялись просто до дрожи. Но тогда юная графиня не придавала им никакого значения, народ всегда сплетничает о своих правителях и зачастую плетет несусветные небылицы. А вот после той, несостоявшейся аудиенции Леа припомнила все. И скоропостижную кончину первой жены Манреха, якобы упавшей из окна в заросли гигантских кактусов, и слишком быстро исчезающих из дворца герцогских фавориток. Нет, ни одна не умерла, все они уехали по вполне безобидным причинам. Наследство, замужество, уход в монастырь. И ни одна больше не появилась в Югрете.

Леа всхлипнула еще горше, осознав, что ей самой даже бежать будет

некуда, ведь у нее не осталось больше ни одного из близких родичей.

А потом появился встревоженный герцог, окинул настороженным взглядом комнату, опухшее от слез лицо невесты и, заметно успокоившись, начал уверенно раздавать приказы и гонять посыльных. Леаттию отправили умываться и обедать, возле постели умирающей уселась опытная сиделка в крахмальном чепце и фартуке, слуги принялись готовить гостиную и спальни для тех, кто придет проститься с графиней Брафорт, кровной праправнучкой великого герцога Юлиара Брафортского.

Никто в герцогстве не знал точно, отчего в древности, после трагической гибели очередного герцога Брафорта, титул и власть наследовали не его дочери, а сыновья троюродной сестры, но спорить с задиристыми вояками Кайорами, имевшими в тот момент под рукой больше трех тысяч хорошо вооруженных ратников, не рискнул ни один из законных наследников.

С тех пор уже почти триста лет потомки Юлиара числились просто графами, постепенно беднели и вымирали. Но пять лет назад Манрех пожелал снова соединить разошедшиеся когда-то пути двух старинных родов. Он действовал очень решительно: едва Леаттии исполнилось пятнадцать, приехал с предложением помолвки, уверенно пообещав, что не будет настаивать на свадьбе до третьего совершеннолетия невесты.

И граф Брафорт вынужден был дать согласие, еще не зная, что дожить до этой свадьбы не суждено ни ему самому, ни его жене.

Леаттия горько вздохнула и усилием воли задвинула подальше эти воспоминания. Помочь родителям она уже ничем не могла, но нужно было попытаться спасти хотя бы свою судьбу.

Стыдно вспомнить, как глупа и доверчива она была. Впрочем... она и до сих пор такой осталась, раз намеревалась прочесть принесенное незнакомкой с полей вечности письмо и даже заранее ему верила.

Но, как вскоре оказалось, не верить не было никаких оснований. В написанной рукой матери записке были намеки на события, которых не могли знать посторонние, а оттиск печатки полностью совпадал с кольцом, которое уже почти луну украшало палец Леаттии.

Второй листок был исписан незнакомым, нарочито безликим почерком и состоял всего из пяти четких указаний, каждое из которых графиня сразу же признала непреложным и потому намеревалась выполнить как можно точнее.

– Чай будете пить, ваша милость? – заглянула в комнату крепкотелая

женщина средних лет со взглядом ищейки.

– Спасибо, Берта, – кротко поблагодарила хозяйка, как обычно сидящая в кресле у окна, – пока не хочу. Схожу в склеп, помолюсь за матушку, тогда и пообедаю.

– Может, хватит уже истязать себя? Ваша милость скоро на тень станет похожа, – с деланой жалостью вздохнула шпионка, но в ее взоре не промелькнуло и искры сочувствия.

– Еще несколько дней, ты же знаешь закон, – уныло выговорила Леа, изо всех сил стараясь ни в чем не отступить от сложившегося за эти дни порядка. – Но ты можешь посидеть в зале прощания и выпить горячего чаю, если возьмешь с собой корзинку. Там и в самом деле прохладно.

– Прихватчу и на вашу долю, – так же привычно отозвалась Берта, и Леа тихо усмехнулась ей вслед.

Служанка непременно все возьмет и не забудет бутылочку с малиновкой, которую считает лучшим средством от простуды, даже не догадываясь, что Леа уже высыпала туда несколько порошков снотворного.

И все остальное успела приготовить, хотя и носилась по спальне, как белка. Надела на себя самую простую и удобную одежду, взамен нижних юбок – пару темных отцовских штанов плотного полотна, а вместо обшитого оборочками и кружевом корсажа – три темные блузки и замшевый отцовский охотничий жилет, в карманы которого рассовала все самое ценное. Сверху с трудом натянула юбку для верховых прогулок и самое простенькое и темное из материнских платьев. Хотя за последний месяц Леа сильно исхудала и собственные наряды висели на ней как с чужого плеча, но даже они не налезли на все надетое ранее.

Потом, начиная задыхаться от духоты и понимая, что иначе нельзя, ведь ей придется изображать довольно плотную Берту, графиня закутала плечи в теплую шаль, благо в фамильной усыпальнице всегда холодно. А выходя из комнаты, накинула еще и черный траурный плащ, вытащив заранее из его карманов все мелочи и оставив только ключи и свечи.

Берта ждала хозяйку у выхода, и вид у нее был почти довольный, следовательно, бутыл с наливкой уже пристроена на дне корзинки.

Повар, замещавший при случае и кучера, и дворецкого, проводил их внимательным взглядом и вернулся к приготовлению фаршированного гуся. Прист слегка сожалел, что непыльная работенка скоро закончится, давно уже ему не выпадало пожить так сытно и вольготно. Подопечная только тихо плакала и пыталась изображать из себя справедливую хозяйку, но даже не думала ни бежать, ни подкупать их с напарницей, наивно

позволяя почти в открытую диктовать свои правила. И хотя втайне опытный шпик чуточку сочувствовал худой зареванной дурехе, но был почти уверен, что ничего особо плохого с ней не случится, пока не родит мужу пару сыновей. Ну а каким ликом жизнь повернется к герцогине к тому времени, не дано предвидеть никому из смертных. О том, что своенравная судьба уже спутала ровные нити прежнего узора, он пока не мог и догадываться.

Берта шагала все неспешнее и, не дойдя до двери в спальню всего пару шагов, неожиданно споткнулась. Потом еще, а едва дотянувшись до стены, начала медленно оседать. Встревоженная Леаттия бросилась к ней, заглянула в лицо и увидела закрывающиеся глаза и обвисшую нижнюю губу. Пахнуло малиной, и до графини начал доходить весь ужас ее ошибки. Шпионка явно не стала ждать, пока доберется до места, и пропустила рюмочку заранее.

И сейчас свалится прямо здесь, одним махом разрушив все тщательно подготовленные планы незнакомой спасительницы. А Леаттии придется признаваться герцогу в попытке побега, и можно не сомневаться, как он накажет за это строптивую невесту.

Леа всхлипнула, подхватила Берту под руку и больно ущипнула, пытаясь разбудить хоть на минуту. Шпионка и в самом деле дернулась, приоткрыла мутные глаза и попробовала мотнуть головой, но та снова безвольно повисла. Этих секунд графине едва хватило, чтобы толкнуть тяжелую дверь и пнуть внутрь выпавшую из рук Берты корзину. Затем ей пришлось поднырнуть служанке под руку и на себе втащить в спальню тяжеленное тело. Спина, казалось, вот-вот треснет от навалившейся на нее туши, ноги Берты, волочившиеся по гранитным плитам пола, стали почему-то бесконечно длинными.

Всего пять шагов, но они показались Леаттии невыносимо долгим каторжным трудом. Хрипя и задыхаясь, графиня волокла спящую шпионку и с ужасом ожидала оклика Приста, неустанно следившего за ней с почти нескрываемым пренебрежительным превосходством.

И Леа его понимала, уж этот прожженный шпион никогда не стал бы сидеть целыми днями у окна, оплакивая свою судьбу, а давно уже был далеко отсюда. Но он этому где-то учился, тренировался, а Леа даже гостиницу снять не сумеет, не говоря о том, чтобы нанять повозку и купить место в обозе.

Да и бесполезно это. Едва Манреху доложат о ее бегстве, он немедленно закроет все ворота Югрета и пошлет своих гвардейцев в

погоню за всеми покинувшими город обозами и путниками.

Как собирается решить эту проблему незнакомка, Леа не думала. Бросив Берту прямо на полу, девушка плотно прикрыла дверь и тяжело, со всхлипами дыша, обессиленно опустилась на каменную скамью. Но отдыхала недолго: понимание, как быстро тают надежды на успешный побег, заставило вскочить и схватить корзинку. Покопавшись там, Леаттия нашла чайничек с горячей водой, плеснула немного в бокал и сунула в рот одну из пилюль, прихваченных из шкатулки с целебными снадобьями. Лекарство было еще матушкиным, и она всегда говорила, что пилюли снимают боль и придают бодрость.

Ждать, пока снадобье подействует, графиня не стала, неуклюже присев, развязала чепец Берты и тихо ругнулась, рассмотрев, как коротко стрижена ее служанка.

В глубине ее головного убора лежал скрученный клубком шелковый шарф, и в нем было что-то завернуто. Леа лишь мгновение колебалась, брать его или нет, потом все же сунула клубок в карман, сразу став крутобокой, как селянка. В другой карман она для равновесия положила собственную шляпку и решительно натянула чужой чепец.

Затем, так же уверенно стащив с Берты простую серую накидку, Леаттия набросила ее на себя, взамен накрыв служанку собственным плащом. Послала последнее «прости» в сторону ведущего в склеп прохода и, моля богов о помощи, тихонько открыла дверь наружу. Секунду постояла, с замирающим сердцем оглядывая запущенный сад и начиная понимать, как зря тряслась от страха, таща Берту в усыпальницу. Окон кухни, где остался хозяйничать Прист, отсюда рассмотреть было невозможно, их загораживали ветви начинавших зеленеть деревьев.

Переведя дух, Леа свернула на дорожку, ведущую в глубь сада, и некоторое время брела неспешно, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Если за их замком кроме подставных слуг следит кто-то еще, он ни в коем случае не должен заподозрить подмены. А Берта всегда ходила неторопливо... хотя теперь Леа понимала, что это было всего лишь притворством.

Простая мысль, что неизвестный наблюдатель давно бы уже задался вопросом, зачем это соглядатайка идет в самую глухую часть сада, и сейчас мчался бы за ней следом, пришла Леаттии на ум только минуты через две. К этому времени начала понемногу действовать пилюля, и действительно откуда-то появились и силы, и решительность. А последнее соображение заставило девушку запаниковать, замедлить шаг и несколько раз оглянуться. Выдавать своих спасителей хотелось меньше всего. Ведь если

ее герцог просто запрет в своих покоях, то их прикажет засечь на площади, и вся вина за чрезмерно суровое наказание ляжет ей на душу тяжким камнем.

Однако погони по-прежнему не было, и Леа двинулась дальше, незаметно даже для самой себя двигаясь все быстрее.

К ограде, где с незапамятных пор вывалилось несколько камней, открыв перелаз на заросший кустами и орешником довольно крутой берег протоки, графиня почти прибежала. А добежав, остановилась, сраженная наповал неожиданно сделанным открытием: оказывается, герцог про этот тайный ход знал. И даже позаботился о том, чтобы вернуть стене былую целостность и неприступность, об этом свидетельствовал не успевший потемнеть раствор идеально ровной кладки.

Несколько секунд Леа, захлебываясь подступившими слезами, смотрела на это свидетельство незыблемости намерений жениха, потом развернулась и побежала вправо, туда, где росла возле стены раскидистая шелковица. Единственное дерево, на которое юная графиня умела влезать без посторонней помощи. И единственное, с которого можно было перебраться на стену.

– Стой! – догнал ее негромкий, но злой окрик. – Куда помчалась?

– Стою... – уронив руки, медленно повернулась она к сидящему на стене шпиону, – никуда не бегу.

– Не стой, иди сюда! – мгновенно поправился незнакомец. – Я лестницу спущу.

– Зачем? – безнадежно буркнула графиня, разом потеряв и силы и желание бежать.

– Чтобы тебя оттуда вытащить. Да поторопись.

– Я не влезу по лестнице... – еще неуверенно пробормотала Леа, рассматривая бородатого мужчину в низко надвинутом на глаза пастушьем колпаке, и вдруг решила: – Лучше по дереву.

Развернулась и помчалась к шелковице, не обращая внимания на едва слышное возмущенное шипение незнакомца. Пусть поворчит, она и сама себя корит. Ну с чего ей померещилось, будто принеся вексель женщина намерена лично встречать беглянку у стены? Чем она смогла бы помочь? Ведь тащить графиню через стену женщине не по силам. Ну а раз они тщательно обдумали план побега, то непременно должны были проверить, на месте ли перелаз и не сторожат ли его гвардейцы герцога. И изобрести, как Леаттии преодолеть стену.

Шелковица, к которой стремилась графиня, оказалась на месте, и ни одна ветка не исчезла. Видимо, никто не мог и предположить, что покорная

и скромная графиня додумается лазить по деревьям. Леаттия поспешно сбросила накидку и шаль, свернула тючком и привязала за спину приготовленным шнуром, это действие она продумала заранее, готовясь к побегу. Потом решительно приподняла юбки до колен, заткнула подол за пояс и привычно поставила ногу на нижнюю ветвь. Через минуту она была наверху и уверенно продвигалась по толстой ветви к стене. Незнакомец уже тоже добрался до этого места, внимательно следя за ее действиями, и протянул руку, едва Леа оказалась почти рядом.

Спеша оказаться на стене, графиня шагнула чуть шире и едва не оступилась, но крепкая рука вцепилась в ее ладонь, сильно дернула, и в следующий миг Леа уже была крепко притиснута к груди незнакомца.

– Лазать по деревьям ты умеешь, – усмехнулся он, – а вот с выдержкой плоховато. И слишком доверчива. Разве тебе не написали пароль?

– Написали, – от огорчения прикусила губу беглянка. – Но я...

– Говори.

– Вечером будет гроза, – и не подумала упрямитесь Леаттия.

Признавать свою неправоту очень непросто, но она этим умением обладала.

– Зато утром будет солнечно, – вздохнул он с откровенным облегчением, и графиня снова почувствовала себя наивной неумехой.

Ведь не одна она рисковала, доверяясь чужим людям, они могли заплатить в случае провала гораздо большим. Герцог никогда не прощал тех, кто осмелился пойти поперек его указов или желаний.

– Уходим. – Пособник уже зацепил за ветку какую-то металлическую штучку, застегнул на талии Леаттии широкий ремень, к которому был привязан второй конец веревки, и подвинул девушку к краю. – Просто держись подальше от стены и поглядывай вниз, чтобы нога не попала между камней. Я сам тебя спущу.

Перекинул веревку через плечо и толкнул со стены не успевшую и слова сказать графиню. Леа испуганно ахнула, но почти в тот же миг пояс ощутимо дернул ее, и графиня заболтала ногами в воздухе.

– Кричать не нужно, – сердито сообщили сверху, и стена, напротив которой висела Леа, быстро поползла вверх.

Вскоре девушка почти успокоилась и вспомнила, что ей велено смотреть вниз. Попыталась изогнуться и расстроено сжала губы: поднятые юбки и набитые карманы – вот все, что ей удалось разглядеть. Ну еще краешек штанин, заправленных в крепкие дорожные ботинки.

Каменистый склон ударил по пяткам неожиданно, но стоявший на стене незнакомец мгновенно придержал веревку, не давая графине упасть.

Она поспешно пошарила ногами, вставая поудобнее, и расслышала выданный шепотом приказ:

– Прижмись к стене.

Леа немедленно выполнила его, бросилась к ограде, споткнулась и едва не упала, но успела опереться о камень, хотя и ободрала ладонь. Но даже не ойкнула, хорошо осознав за время спуска, как осмотрительно нужно вести себя за пределами своих владений.

Бывших владений, пора посмотреть правде в глаза. Вернуть все, что принадлежало ей всего несколько минут назад, Леаттии не суждено никогда. Больше она не увидит место, где спят вечным сном ее предки, и не войдет в родной дом, в комнатах и залах которого провела, как внезапно выяснилось, лучшую часть жизни.

Только в одном случае графиню Брафорт привезут сюда, но уже под охраной, как преступницу, – если ей не удастся уйти далеко. И этого нужно постараться избежать любым способом, иначе участь ее будет ужаснее, чем у самых бесправных рабов.

Глава вторая

Прист почувствовал неладное, когда вынул из духовки гуся и поставил на разделочный стол немного остыть. Берта обычно к этому времени уже являлась и молча подвигала ему свою тарелку, требуя сложить туда ее любимые части гусиной тушки. Затем он выбирал куски для себя и лишь после этого резал ломтиками оставшееся мясо и красиво раскладывал по блюду, перемежая маринованными овощами и посыпая зеленью. Но и из этого большую часть доедали они с Бертой на ужин, молоденькая хозяйка ела очень мало.

Подождав несколько минут, временно исполняющий обязанности повара и дворецкого соглядатай снял фартук и накинул куртку, скрупулезно проверив, все ли на месте в карманах. Пока неясно, доведется ли сюда вернуться, но всегда лучше быть готовым к самому плохому – не будешь после жалеть о собственной недалекости.

Шагнув за порог, шпион оглянулся на румяную тушку, приготовленные овощи и накрытый полотенцем свежий хлеб, усмехнулся и крепко прикрыл дверь. Пусть все остается так, если ничего не произошло, этот гусь никуда от него не денется. Зато в случае беды никто не сможет даже заподозрить, будто шпион готовился к побегу.

Дверь в спальню была плотно закрыта, и, едва приотворив ее, Прист убедился в правильности своих действий. Сразу за порогом лежало тело, накрытое черным траурным плащом хозяйки. «Неужели Берта ее убила и сбежала?» – мелькнула первая, безумная мысль, но тут же растаяла, едва шпион рассмотрел видневшиеся из-под плаща башмаки напарницы, слишком хорошо ему знакомые, чтобы ошибиться. Он сам время от времени пришивал к их подошвам куски плотного фетра, для бесшумности.

Выходит, это графиня убила напарницу.

И это не казалось бы особой бедой, если бы герцогская невеста тоже лежала рядом в обмороке. Но ее не было, значит, девчонка оказалась хитрее, чем он думал. И скорый на расправу Кайор не будет выяснять, чем занимался в тот момент Прист. Мгновенно отправит к палачу и сам придет туда же, опробовать какую-нибудь новую игрушку, после которой узник сам будет молить богов о смерти. Следовательно, нужно бежать, и немедленно, и, стало быть, верно он сделал, присмотрев заранее незаметную лазейку на волю.

Прист развернулся, закрыл дверь и, опасливо озираясь по сторонам, помчался к пустой конюшне, откуда наружу вело небольшое оконце для навоза. Как раз впору, чтобы ускользнуть незаметно. Жалеть о прибыльной работе шпион и не думал, давно зная, что однажды придется бежать, бросив все. Потому и не держал своих ценностей ни в банке, ни в бумагах, а прятал очень далеко и надежно.

Леаттия о судьбе шпионов не думала, ей хватало волнений о своей собственной. Едва спаситель спустился со стены, жизнь графини вмиг стала похожа на охоту, причем зверем была она сама. И одновременно на байку о проделках разбойников, и жертвой тоже была Леа.

Незнакомец безапелляционно отобрал у спасенной – или жертвы, решить, что точнее, графиня пока не могла, – тюк с вещами и оттягивающие ее пояс кошель с золотом и драгоценностями. Забрал отцовское оружие, шарф Берты и шляпку Леаттии и сложил все в мешок вместе с веревкой.

А потом задумчиво уставился на графиню и хмуро спросил:

– У тебя под платьем есть еще одежда?

– Да, – бледнея, выдавила графиня.

– Тогда его лучше снять, с длинными юбками здесь замучаешься. А носить тебя я не буду.

Леа с тоской оглядела непроходимые заросли прошлогодних репьев и молодой крапивы, тайком потерла уже обожженную руку и обреченно вздохнула. Она теперь больше не графиня и не наследница знатного рода, а безымянная сирота, и выбирать не приходится.

– Отвернись.

– Нет, – подступил ближе незнакомец. – Сама ты будешь копать полчаса, а время сейчас дороже бриллиантов. Я помогу, и не смотри так возмущенно. Ты ведь сама приняла решение, и назад хода все равно нет.

Решительно ухватил подол платья и потянул его вверх.

Графиня в отчаянии стиснула зубы. Умом она понимала, как он прав, но принять эту правоту сердцем не могла. А сопротивляться или спорить не имела достаточно смелости.

Спаситель же ловко снял с нее одно платье, одобрительно хмыкнул и почти мгновенно стащил и юбку.

Едва сдерживая слезы, Леаттия с вызовом уставилась на бородача... и растерялась, рассмотрев, с каким изумлением он изучает надетый на нее мужской жилет.

– Это тоже придется снять, – буркнул бородач, заметив ее взгляд,

и словно ненароком пощупал рукав блузы. – Ты натянула всю одежду, какая была в доме?

– В записке было...

– Я знаю, сам писал, – умело и стремительно расстегивая на ней жилет, сообщил он. – Надеюсь, ты ее сожгла?

– И вексель тоже, – отрешенно кивнула беглянка. – А еще все документы, которые не вошли в тайник и не могла взять с собой.

Говорить о том, что тайник запирала еще матушка и она же три дня, роняя горькие слезы, жгла свои дневники, письма отца и записки всех предков, которые имели пристрастие к сочинительству мемуаров, Леаттия не собиралась.

– Понятно, – нахмурился спаситель, заглянул во внутренние карманы жилета, но доставать ничего не стал.

Туго свернул все вещи и отправил в свой почти не раздувшийся серый мешок. Взамен достал выцветший синий платок в мелкий горошек и сам накрыл им голову девушки, низко надвинув на лоб и завязав узлом под подбородком. Затем закинул мешок за спину, велел не отставать и торопливо направился вдоль стены в ту сторону, где раньше был пролом.

Леа всхлипнула и крепко стиснула губы, стараясь сдержать готовые брызнуть слезы. Хотя не могла не понимать, насколько незначительна по сравнению с остальными утратами ее последняя потеря – длинная юбка, обязательная только для самых знатных дам. Богатым горожанкам разрешались наряды покороче, едва прикрывавшие щиколотки, а прислуге во дворцах и замках предписывалось шить платья на палец выше края ботиночек. Селянки и бедные служанки и вовсе носили короче на ладонь, и это было правильно, ведь им приходилось частенько нагибаться. И только женщинам, вынужденным путешествовать с обозами, позволялось носить мужские костюмы, но надевать к ним короткую, чуть ниже колена, юбку.

Юная графиня иногда тайком завидовала им всем, когда со всевозможными уловками выбиралась после прогулки из-под испачканного подола. А вот теперь ей, последней наследнице славного рода основателей и властителей Брафорта, вообще никакой юбки не досталось. Больно сжималось сердце и перехватывало непрошеными рыданиями горло от осознания того, как сурово расправилась с ней судьба. Но вовсе не сейчас, когда Леа сама выбрала безвестность и бедность, предпочтя их участи жертвы собственного мужа и понимающим взглядам всезнающих слуг и приближенных Манреха. А много раньше, год назад, когда так страшно и непонятно погиб отец, оставив их с матерью без последней защиты и поддержки.

Некоторое время, постепенно успокаиваясь, Леа покорно брела следом за незнакомцем, раздвигая руками сорняки и ветви. И с каждым шагом все яснее понимала, как не права была несколько минут назад, так огорчаясь из-за потери привычных юбок. Сейчас ей пришлось бы тащить длинный подол амазонки, по моде обязанный подметать позади пол, вместо того чтобы следить, как бы не оцарапаться о сухие стебли сорняков и не обжечься о вымахавшую выше пояса злую, как стая ос, крапиву.

– Скоро придем, – мельком оглянувшись, буркнул провожатый, резко свернул вниз, в сторону медленной, но довольно широкой Терсны, и пошел еще быстрее.

Леа промокнула платочком мокрое лицо и тут же рассердилась на себя за эти несвоевременные слезы. Плакать нужно было раньше, когда она еще не была уверена, что хранящие род Брафтортов духи однажды услышат ее мольбы и пошлют способ избежать проклятого союза. Леа с детства не выносила боли и до дрожи боялась и ненавидела тех, кто способен ее причинить. Особенно палачей. И хотя, повзрослев, неохотно приняла неизбежность телесных наказаний, но лишь заслуженных, в ответ на боль и горе, причиненные разными негодьями своим жертвам.

И тем не менее никогда не ходила на площадь, когда там кого-нибудь порол, и настрого запретила слугам обсуждать жуткие зрелища, справедливо считая это смакование признаком дурного вкуса и воспитания.

Графиня задела рукой пышную ветку крапивы, зашипела, получив ее обжигающий дар, и потерла влажным платочком пострадавшее место, обещая себе перестать раскисать и плакать в самом начале ведущего в неизвестность пути. Наверняка на новой жизненной тропе поводов для слез у нее будет предостаточно.

– Сюда, – приподняв низко склонившуюся ветку ивы, скомандовал спаситель, и Леа послушно шагнула на узкую полоску сырого прибрежного песка. – Стой там и не шевелись.

Девушка пожала плечами и замерла, глядя на Терсну, спокойно несущую мимо нее свои воды. Глупо спорить с единственным отважившимся прийти ей на помощь жителем герцогства, а тем более начинать проверять правильность его действий. Ведь до сих пор все, что делал незнакомец, было вполне благоразумно, и указания ей он прислал четкие и логичные. Непонятно пока, почему не велел брать с собой никаких запасных вещей и еды, Леа уже не против перекусить. Как выясняется, такие прогулки весьма полезны для аппетита.

Девушка осторожно покосилась через плечо назад, туда, где минуту

назад находился ее спаситель, и обмерла от ужаса. Поблизости никого не было. Леа даже головой мотнула, отгоняя страшную догадку, казавшуюся самой верной из всех возможных и идеально подходящую случаю. Ее обманули пронырливые воры, добывшие где-то для образца письмо матери, что особого труда не составляло, – матушка до последнего переписывалась с просителями и знатными горожанами.

А она поверила и своими руками отдала все – и украшения, и деньги до последней монетки, оставив на пальце лишь фамильную печатку, а на шее – родовой амулет. И теперь ей не на что купить даже кусок хлеба и какую-нибудь одежду. А в таком виде выйти на улицы города невозможно, особенно днем. Да и не найдет она дороги назад, а если и найдет, то лишь до той же стены, от которой недавно ушла.

От отчаяния и горя девушке хотелось взвыть во весь голос, но горло перехватил спазм, позволивший лишь горько всхлипнуть.

– Тише, – шикнуло откуда-то сверху, и Леа мгновенно перевела взгляд туда.

По склонившемуся к воде стволу осторожно полз к реке ее спаситель, толкая перед собой мешок с вещами. С этого момента девушка не сводила с него взора, пытаясь понять, ради чего он туда залез и почему не мог выйти на берег вместе с ней. А бородач постепенно добрался почти до конца ветви и вдруг, перегнувшись, опустил мешок вниз. Леа замерла, ожидая всплеска, но его почему-то не было.

Наверное, мешок не сразу ушел в воду, а поплыл, подумалось графине, но утверждать категорично она не стала бы. Из-за уже выпустивших листочки густых ветвей и прибрежных камышей рассмотреть ничего не удавалось, и девушка обреченно вздохнула, начиная догадываться, что следовало распрощаться со своими ценностями заранее, тогда обида жгла бы душу не так остро.

А мужчина соскользнул с ветви, повисел на вытянутых руках несколько секунд и исчез столь же бесшумно, как и ее вещи. Сердце Леатии снова сжалось от страшного предчувствия, но она даже не пошевелилась. Крепко стиснув в пальцах измятый и сырой платочек, упрямо смотрела туда, куда упал ее загадочный спутник, и терпеливо ждала сама не зная чего. Секунды текли неторопливо, как загустевший мед с ложечки, и казалось, вместе с ними замерло все вокруг: медлительная река, утомленный полуденный ветерок и притихшие птицы.

Камыши раздвинулись внезапно, выпуская что-то темное, облезлое и неприятное, и графиня невольно отшатнулась назад, почувствовав неодолимое желание бежать отсюда как можно дальше. Но не побежала,

помешало какое-то чувство, то ли врожденная гордость, то ли надежда, а скорее всего, фамильная сдержанность, с какой все отпрыски ее рода обязаны встречать неожиданности и неприятности и какой Леа до сих пор в себе не находила.

Темное старое дерево выплывало из камышей неспешно и неотвратно, и графиня наконец догадалась, что это такое. Лодка, но и близко не такая, какие она видела до этого дня. С другой стороны холма, на котором стоит их небольшой замок Гардез, построена надежная каменная пристань. Берег Терсны там расчищен, и с набережной к пристани ведет широкая гранитная лестница. Леа с детства обожала там гулять и кататься на лодке, но после смерти отца не ходила на набережную ни разу. И все равно хорошо помнит, как выглядели снующие по реке крутобокие ялы, низкие плоскодонки и белокрылые яхты. Все они сияли свежей краской, стеклами иллюминаторов, полированным деревом кают и жарко начищенной медью всевозможных ручек и болтов.

А эта словно пролежала на берегу лет двадцать, и странно, что еще не развалилась от дряхлости.

– Быстро сюда, – сердитым шепотом приказал стоящий на корме бородач и изогнулся, упираясь шестом и подгоняя лодку ближе. – Ну!

Низкий борт плоскодонки оказался в паре локтей от графини, и она вполне могла бы их преодолеть, если бы кто-то подал руку. Но никого, кроме строгого незнакомца, в лодке не было, и Леа не могла представить, как ей туда попасть без посторонней помощи. Стояла и смотрела, как двигается мимо ее надежда на спасение, не в силах решиться на отчаянный шаг и чувствуя, как от безысходности начинают дрожать губы.

– Ну! – грозно рыкнул спаситель, чуть повел шестом, и лодка послушно вильнула к берегу.

Леа нерешительно наступила ботинком на зыбкую границу суши и почувствовала, как подался под ногой мокрый песок. Отпрянула было назад, но не успела. Бородач стремительно нагнулся, схватил ее за предплечье и одним рывком втащил в лодку, бросив к своим ногам, как котенка.

И тут же отпихнул подальше, перехватывая поудобнее шест. Леа приподнялась, потирая ушибленное колено, и, едва сдерживая слезы, с горечью поздравила себя с удачным выбором. Раньше ее бил бы только собственный муж, а теперь, похоже, будут все кому не лень. Да еще и в ботинке хлюпает, непонятно как, но она умудрилась зачерпнуть воды.

– Давай сюда башмаки, – еле слышно приказал бородач, удерживая шестом лодку. – Да побыстрее!

Леа села на черную доску, заменяющую здесь привычные ей скамейки с резными спинками, покорно стянула единственную обувь и сунула в протянутую ладонь незнакомца. И едва не охнула, увидав, как ловко он зашвырнул ботинки на берег, туда, где она стояла несколько секунд назад.

– У меня запасных нет, – обреченно проговорила девушка, стеснительно поджимая босые ступни.

– Знаю, – прошипел спаситель, в пять взмахов отогнал лодку от берега, закрепил в петлях шест и перебрался на середину развалины, держащейся на воде лишь по недоразумению. – Иди туда, придется немного посидеть в ящике.

– В каком еще ящике? – не поняла Леаттия, оглянувшись и не поверила своим глазам.

Одна из досок, накрывавшая кормовую часть лодки, была приподнята, и под ней темнело отверстие, ведущее в крошечный, размером с собачью будку, трюм.

– Тебя будут искать. – Покопавшись в снастях, незнакомец достал фляжку, открутил крышку и сделал несколько глотков. – Пить хочешь?

– Нет, – качнула головой Леаттия, понимая, как мало сейчас ее жизнь зависит от каких-либо желаний. – Я там не помещусь.

– Поместишься, – уверенно заявил он, – калачиком. Там лежит плед, ноги прикрой, чтобы не простыть. Но сначаланими печатку и амулет, на тебе где-то маячок.

И усталился ожидающе, не оставляя девушке никакого выбора.

Леа горько усмехнулась – смешное объяснение, но спорить снова не стала, сняла последние родовые драгоценности и сунула ему в руку.

Через пять минут она уже лежала, подтянув колени к груди, в темном тесном ящике и с тоской поглядывала на маленькую дырку от сучка, единственный источник света и свежего воздуха. И лишь одно обстоятельство давало слабую веру в правильность сделанного выбора. Засунутый Леаттии под голову серый мешок с ее одеждой и драгоценностями.

Глава третья

– Ваша милость, просыпайтесь! Ваша милость...

Еще не до конца вынырнув из дремы и пока не открывая глаз, Леаттия неверяще вслушивалась в робкий женский голос, и в ее душе поднималась буря протеста и отчаяния.

Неужели она дома?

Выходит, все это был просто сон? Спуск со стены, крапива, река, утлая лодчонка... пропахший рыбой ящик, уверенный, хотя и почти неслышный плеск весел...

Леа разочарованно вздохнула, шевельнула рукой, собираясь привычно поднести к глазам платочек, и едва не охнула, задев одежду оцарапанной ладонью. Значит, побег ей не приснился? Как и река, брошенные на песок ботинки и бесконечное мерное покачивание плывущей куда-то лодки? Вот под него она и уснула, устав плакать от жалости к самой себе и обманутым чаяниям родителей.

«А может, нас поймали и меня привезли назад?» – встревожилось все ясное сознание. Или даже сразу во дворец, принадлежавший когда-то ее прадеду?

Нет, только не это... пусть будет все что угодно, только не туда.

Девушка тихо всхлипнула, мотнула головой и тотчас услышала огорченный вздох.

– Ваша милость, – позвали ее смутно знакомым голосом.

– Да? – понимая, что деваться некуда, вставать все-таки придется, обреченно буркнула Леаттия и открыла глаза.

Несколько секунд рассматривала светящееся над ней узкое отверстие, склонившийся к нему темный, явно женский силуэт, и в душе начинала разгораться почти угасшая надежда. Девушка попыталась выпрямить ноги, уперлась ступней в доски и наконец уверилась, что по-прежнему лежит в трюме старенькой плоскодонки.

– Ты кто? – хрипловато осведомилась она, вглядываясь в темный силуэт.

– Имен нам пока называть не положено, – удрученно вздохнула приходящая с векселем женщина и оглянулась на кого-то невидимого. – Борода запретил. Чего не знаешь – того не выдашь. Но ваша милость может звать меня тетушкой.

– Я больше не «милость», – вспомнила Леа собственные размышления

и невесело усмехнулась. – А новое имя еще не придумала.

– Ты теперь считаешься нам племянницей, пока не доберемся до места, – подозрительно быстро согласившись с заявлением графини, пояснила спутница и предложила: – Давай руку, помогу выбраться. Пора переодеться и поесть.

– А... – вспомнив о более насущных проблемах, заикнулась графиня и вдруг сообразила, как многого не знает о жизни простых людей.

Где они умываются, что едят, как спят... и прочие, очень важные мелочи. Но что обитого бархатом кресла и ночного горшка для нее никто не припас, уже начала догадываться. Как и о том, сколько придется перенести насмешек и пренебрежительных взглядов, пока она изучит все премудрости жизни, в которой необходимо уметь все делать самой и обходиться самым малым.

А ведь она до этого момента считала себя очень неглупой и образованной девушкой, изучала языки соседних государств, их законы и традиции, историю, искусства и ремесла. Но даже не представляла, с чего нужно начинать чистить рыбу или простую морковь.

Женщина помогла девушке вылезти из ящика, одернула на ней блузки и подала простенькие парусиновые туфли. Явно ношенные, зато подошедшие по размеру. И молча повела куда-то по проложенной сквозь камыш тропке из срезанных стеблей. Очень скоро они пришли к стоящему под ивой шалашу, возле которого уже что-то варилось в закопченном котелке, пристроенном над малюсеньким бездымным костерком.

– Переоденемся в кустах, – предупредила спутница, подхватила стопку лежащей на мешке одежды, и они отправились дальше, по такой же узкой тропке.

На маленькой полянке, загороженной со всех сторон камышом и густыми кустами, бил из-под пня крохотный чистый родник, и новоявленная тетушка внезапно предложила свежее испеченной племяннице раздеться. И с сочувствием сказала, глядя во встревоженное лицо графини:

– Меня тебе не нужно бояться. И Бороду – тоже. Ты же умная девушка, должна понимать: хотел бы он тебя убить – просто сбросил бы с лодки на стрежне. Ведь все самое ценное ты ему отдала сразу. Пойми, везти тебя через границу в таком виде нельзя, жених небось уже везде отправил сыскарей и глашатаев с портретами. Поэтому придется менять внешность.

Леа пристыженно кивнула и начала раздеваться.

– Ох, темная сила, да они не кормили тебя, что ли? – не выдержала спасительница, когда последняя блузка легла в довольно внушительную

кучку. – И как только не задохнулась во всем этом. Ну, начнем, а то есть уже хочется.

Мастерство перевоплощения тетушка, пояснившая, что занимается травами, знала отлично, и меньше чем через час русоволосая и белокожая Леаттия стала смуглой брюнеткой с густыми черными бровями и вытянутыми к вискам глазами. Тоже почти черными, пара капель какого-то зелья мгновенно погасила яркую фамильную синеву.

Преображение завершил принесенный травницей наряд: темно-синее прямое платье с разрезами по бокам, выглядывающие из-под него тонкие шаровары того же цвета и знакомый уже Леаттии платок в горошек. Только теперь его полагалось носить по-другому, низко надвинутым на лоб, завязав два конца на затылке. Свободные концы платка при этом падали на спину, поверх просто заплетенных кос.

– В Югрете сейчас много беженцев из Харказа, – охотно поясняла травница все свои действия, попутно смазывая зельем ссадины и царапины графини. – После трех лет засухи там голодно и свирепствуют болезни. Все, кто могут работать слугами или наемниками, перебрались в наше герцогство и в соседнюю Банлею. А у тебя в Югрете была я, родная младшая сестра твоей матери.

– Значит, я сирота? – понимающе кивнула Леаттия, признавая правильность временной легенды. – Но откуда тогда взялся Борода?

– Он мне кузен, – с тонкой усмешкой пояснила травница, – и тоже знахарь, а живет в небольшом городке. В столицу приезжает редко, по делам, но всегда меня проводит. А в этот раз, узнав, что я приютила племянницу, пригласил пожить у него, следить за хозяйством и помогать собирать травы. В трудные времена выживать вместе всегда легче.

– А в Брафортском герцогстве тоже трудные времена? – задумалась графиня, к стыду своему начиная понимать, как мало интересовалась бедами своей маленькой страны последние пару лет.

Сначала ее волновала предстоящая свадьба и редкие встречи с женихом, потом – смерть отца и болезнь матери. А теперь – только мысль о том, как избежать ставшего вмиг ненавистным союза.

– Они сейчас везде нелегкие, – уклончиво вздохнула тетушка, споласкивая в родничке руки и мисочку из-под краски.

Все оставшиеся зелья женщина очень тщательно и умело перелила во флаконы и упаковала в висевшую за спиной лекарскую походную суму, Леаттии уже приходилось видеть такие на рыночной площади, в рядах травниц и знахарок.

– Кстати, – уже собравшись уходить с полянки, оглянулась травница, –

теперь можешь звать меня Сандией, под этим именем я прожила на окраине Югрета несколько лет. Можно коротко – Санди. А тебя мы пока будем звать Лайной, в Харказе это распространенное имя. Увез туда когда-то мою сестренку черноглазый красавец... Ну, дальше придумай сама. А если язык знаешь, то и вовсе можешь по-нашему не понимать.

– Знаю я язык, – сказала по-харказски Леа и тихо вздохнула.

Все правильно они делают, ее свежее испеченные дядя и тетя, осторожность сейчас важнее всего. Но как же больно осознавать, что вместе с именем, внешностью и отчизной исчезают последние крохи целого мира, еще недавно бывшего гордой наследницей рода великих основателей Брафорта.

– Отлично, – обрадовалась Санди, тоже переходя на харказский. – Значит, так и будем разговаривать. В Югрете этот язык мало кто знает, предпочитают учить банлейский.

– Его я тоже знаю, – хмуро буркнула беглянка, остро жалея наивную и доверчивую девчушку, отдавшую почти пять лучших лет своей жизни изучению языков и законов, без которых, как искренне тогда считала, просто не обойтись будущей герцогине Брафортской.

И отец с матерью ее не разубеждали, как и жених, всего пять-шесть раз в год приглашавший невесту на самые большие торжества. И с неизменной твердостью отправлявший ее домой, едва заканчивалось праздничное застолье и начинался бал. Фейерверками и магическими картинками Леа любовалась с балкона родного замка.

Но только недавно начала понимать, почему родители всегда так рьяно поддерживали ее нареченного в этом вопросе. Наверняка опасались, что в праздничной толчее дочь услышит или увидит нечто, не предназначенное для ее глаз и ушей, и начнет интересоваться вещами, которых они не смогут объяснить. Или не имеют права... сейчас это совершенно не важно.

На полянке, где недавно горел костерок, уже не осталось от него и следа. Лишь стояли на стареньком одеяле две миски с вареной рыбой и на салфетке лежал поломанный кусками хлеб.

– Садись, – кивнула знахарка. – Поедим и отправимся дальше. Умеешь есть рыбу?

– Не знаю, – ошеломленно пожала плечами графиня, с тоской признавая себя еще большей неумехой, чем считала еще утром.

– Значит, не умеешь, – спокойно постановила Санди. – Это и немудрено. Повара обязаны позаботиться о том, чтобы на стол господам не попало ни одной косточки. Прежде чем готовить рыбу, все вынимают специальными щипчиками. А мне так копать некогда было, сварила

попросту, по-рыбацки. Впрочем, все бедняки и ремесленники так едят.

– О боги, – расстроилась Леа, рассматривая лежащие перед ней толстые куски. – Как же я проживу?

– Человек ко всему приспосабливается, если хочет жить, а не оплакивать прошлое, – почти равнодушно заметила сотрапезница, но ее взгляд, случайно замеченный графиней, был очень внимательным.

– Я уже все оплакала, что могла, – хмуро фыркнула Леаттия. – Но даже не думала, что настолько не приспособлена к жизни.

– Всему научишься, – тихо пообещала травница. – Я помогу, если хочешь. Просто не стесняйся спрашивать... и поторопись. Возможно, наши пути скоро разойдутся, я просто помогала, и не бесплатно.

– Я что-то должна? – насторожилась беглянка.

– Нет, со мной расплатится Борода, – коротко отказалась Санди, предоставив Леаттии догадываться, что она хотела этим сказать.

С рыбой они расправились за полчаса, как выяснилось, не было ничего сложного в том, чтобы выбирать косточки. Просто тщательно осматривать каждый кусочек, прежде чем класть его в рот, ну так Леа всегда ела очень аккуратно и неторопливо.

Потом травница сложила недоеденную рыбу в одну миску, накрыла другой и сделала из салфетки узелок, мимоходом сообщив, что тут им как раз хватит поужинать.

– А Борода? – спросила девушка просто из вежливости и нахмурилась, почувствовав нежелание спутницы отвечать.

– Он уже поел. Держи одеяло, я понесу рыбу. Идем, да смотри под ноги, с гати в сторону не сходи. Ну, с тропки, по которой мы пришли.

Леа только кивнула, обещая себе поменьше задавать вопросов, побольше смотреть по сторонам и бдительнее наблюдать за спасителями. Пять минут назад ей почти в открытую сказали, что спасали ее не из жалости или ненависти к герцогу, а ради какого-то собственного интереса. Это не могло не настораживать, насколько Леаттии известно, проявляемый чужими людьми к молодой девушке интерес бывает всего двух видов: нажива и похоть.

И ее не устраивал ни один вариант.

Вот только сделать уже ничего нельзя... хотя у каждого в запасе на крайний случай всегда есть самый последний и самый нежеланный выбор. Но сначала нужно испробовать все остальные пути, даже если они приведут в крестьянскую или рыбацкую хижину.

Леа обреченно вздохнула и силой воли подавила рвущиеся наружу слезы, начиная догадываться, что никого они здесь не тронут.

Камыши расступились, выпуская спутниц на заросший травой берег, и девушка снова озадаченно замерла, рассматривая парусный ялик, стоявший на том месте, куда два часа назад причалила их хлипкая плоскодонка.

– Влезайте быстрее. – Бородач перебросил через борт широкую доску с набитыми на ней рейками и строго глянул на запаниковавшую графиню: – Когда ты уже перестанешь трястись и пугаться собственной тени?

– Не знаю... – выдавила Леа, хватаясь за протянутую ей руку и мрачно усмехаясь наивности его вопроса.

Когда почти три декады дрожишь от ужаса, представляя собственное будущее, не так просто за полдня поверить, что самое страшное уже позади и впереди нет никаких ловушек и предательств.

– А зря, – буркнул он, ловко поймал девушку и легко, как пушинку, переставил на крохотный пяточок дощатого настила, который никак не тянул на звание палубы.

Сердито зашипел и отвернулся забрать у Санди одеяло и миску. Небрежно отставил вещи в сторону, перенес в ялик знахарку и скомандовал:

– Идите отдыхать в каюту, к ужину придем в Лахту.

– Это хорошо, – кивнула травница и первая, пригнувшись, нырнула в крохотную каморку, устроенную на корме ялика.

Леа недоверчиво заглянула в полутемный низенький чуланчик, стиснула зубы и полезла следом за спутницей, очень сомневаясь, что они сумеют там поместиться, тем более отдохнуть.

Но Санди уже лежала на одной из узких боковых полок, между которыми оставался тесный, всего в пол-локтя проход. Стоять во весь рост в этом закутке было невозможно, только лежать или сидеть, почти упираясь головой в потолок.

Пришлось прилечь и Леа, хотя она хорошо выпалась.

И сейчас больше всего хотела поговорить, выяснить, зачем они идут в Лахту, маленький городишко, расположенный на берегу озера Горнео, в которое впадает Терсна, делясь в устье на несколько десятков больших и малых рукавов. Но начинать расспросы не решалась, боясь нарушить какой-нибудь запрет грозного Бороды и разозлить его еще сильнее.

– Постарайся смотреть на людей посмелее, – первой заговорила свежеиспеченная тетка по-харказски. – Беженки с юга довольно общительны и открыты. Хотя и тихие бывают, но в основном замужние. Закон у них такой, раньше мужа слова сказать нельзя. Но среди переселенцев больше вдов и девушек, которые жили в городе и работали

прислужкой, а такие тихими не бывают.

– Боюсь, служанку мне изобразить пока не удастся, – тоже по-харказски печально призналась Леа. – Как оказалось, я умею лишь чай наливать и сахар в чашечку класть. Пока отец был жив, мы держали шесть слуг, повара и дворецкого. А потом, когда они все сбежали... пришли Прист и Берта... шпионы герцога.

– Давно ты это знаешь? – бросив на пол старое одеяло, сел напротив распахнутой дверцы Борода, поставил перед собой миску и начал жадно есть вопреки утверждению травницы.

– Нужно было больше рыбы варить, – искренне огорчилась Санди.

– Не волнуйся, если бы было очень нужно, я бы поймал еще. Сейчас нам важнее уйти подальше. Если успеем до темноты добраться до Лахты, скажем, что были на Шлесских холмах. Это самый удачный вариант. Но загадывать не будем. – Он пронзительно глянул на Леаттию: – Так как давно ты раскусила своих слуг?

– К сожалению, не очень, – со вздохом честно призналась та. – После гибели отца мне было все равно, кто варит суп и убирает в комнатах. Матушка, наверное, знала. Как я теперь припоминаю, она им совершенно не доверяла и вела себя с несвойственной ей надменностью.

– А потом? – упорно подтолкнул ее к признанию спаситель, и Леа, признав справедливость этого требования, горько вздохнула.

– В день смерти матери я обнаружила, что совсем не знаю своего жениха, и прозрела... у меня было больше луны, чтобы все припомнить, сопоставить и понять.

– Женские обиды зачастую недолговечны, – вздохнула знахарка. – Принесет любимый мужчина охапку цветов, посмотрит виновато и нежно, наденет на шею ожерелье... вот и конец ссоре.

– Только не в случае со мной, – упрямо качнула головой Леа, наконец-то осознав, чего они боятся. – Герцог мне вовсе не любимый. Хотя со стороны определенно выглядело, будто я в него влюблена, но это было просто детское обожание, всем малышам нравятся сильные люди, которые могут их защитить. И оно мгновенно прошло, когда я узнала, что он жестокий изувер. А потом припомнила осторожные намеки и сплетни, в которые прежде не могла поверить, и поняла многое, чему до этого не придавала значения.

– А вдруг тот, кто рассказал тебе про жестокость жениха, солгал? – Карие глаза бородача смотрели пристально, словно на экзамене, и беглянка невольно усмехнулась.

– Я сама видела.

Теперь она почему-то могла об этом даже говорить, а в первые дни старалась отогнать от себя жуткие воспоминания и не гасила на ночь свечи, боясь увидеть страшную сцену во сне.

Спутники некоторое время молчали, «тетя», хмурясь, изучала собственные ногти, «дядя» торопливо доедал остатки рыбы, подбирая хлебом жир.

– Ваша милость... – наконец проговорила знахарка, и Леаттия решительно ее остановила:

– Лайна. Ее милости больше нет. Я никогда не вернусь туда, потому что совершенно не выношу людей, способных причинить кому-то боль просто так, не в бою. А особенно ненавижу, когда здоровые, сильные мужчины бьют женщин и детей, у меня все кипит тогда в душе... и если бы я могла издавать законы, то за издевательство над слабыми приговаривала бы к каторге в каменоломнях.

– Кого он бил? – остро глянул на нее бородач.

– Фаворитку... У несчастной все тело было в страшных рубцах, а он все хлестал... и на лице такое мерзкое блаженство... – Леа передернула от отвращения плечами и смолкла.

Хотя со временем она и осознала, что стыдно должно быть вовсе не тому, кто случайно подсмотрел такую гнусную картинку, но спокойно говорить об этом вслух не могла.

– Это не ревность, – уверенно заявила Сандия и облегченно выдохнула. – Хвала богам.

– Разумеется, не ревность, – пренебрежительно фыркнула беглянка. – Я вообще не ревнивая. И давно знаю про любовниц герцога, он именно из-за них со всех праздников отправлял меня домой пораньше. Как мне объяснили родители, чтобы я с кем-нибудь не столкнулась случайно... девушки завидуют и могут наговорить колкостей или сделать какую-нибудь гадость.

– Про родителей поговорим позже. – Борода решительно поднялся на ноги и направился на нос лодки.

И только в этот момент Леаттия заметила мелькающие за бортом заросли камышей, серебристые купы верб на островках и осознала, что ялик стремительно несется по протоке, а у руля никого нет.

Глава четвертая

– Давай я расскажу тебе о Лахте, – через некоторое время предложила знахарка, и Леа согласно кивнула.

Как ни досадно признавать свое невежество в самых обыденных для большинства людей делах, обида вовсе не должна стать главным из ее чувств. Теперь беглой графине важнее всего исправить недостатки собственного воспитания и выучить все, что знает любой селянин. И вряд ли это займет много времени, ведь, судя по ее личным наблюдениям и рассказам прислуги, сельские дети уже к пяти годам отлично разбираются в делах родителей.

Некоторое время она внимательно слушала, задавая вопросы в непонятных местах и уточняя показавшиеся странными детали. Например, почему засолочные стоят прямо на берегу озера, ведь это портит вид городка с воды.

– Накладно это, – поощрительно улыбнулась Санди. – Сначала возить рыбу в засолочные, потом отходы к озеру. Да и колодцы бить придется, насосы ставить, лошадей гонять. Ну и воровать будут, чем дальше возчик везет – тем меньше привезет. Но и это не главное, время ценнее всего. Неразделанная рыба летом всего несколько часов остается свежей, потом можно выбрасывать. Потому и идут поутру к причалам все, кто хочет заработать или поесть свежей ухи, хозяева засолочных платят на выбор, рыбой или медью.

– Леаттия! – Стоящий у руля бородач негромко окликнул графиню, и она тотчас отозвалась:

– Я слушаю.

– Вот, – мрачно фыркнул он. – Слышала, Санди?

– Да, – огорченно согласилась знахарка. – Будем исправлять.

– Да не хиной, – непонятно отозвался главарь их маленькой команды. – Лучше солью.

– Сама знаю, – беззлобно огрызнулась Санди, доставая из лежащего у нее под головой узла крохотную медную солонку с крышечкой, и пояснила графине: – Оглядываться или отзываться на свое родное имя ты не должна ни в коем случае, ни на плач, ни на крик, ни на предупреждение. Даже вздрагивать не должна, это старый метод ловить беглецов. Кричат: «Дено, поберегись!» – и Дено тотчас оглядывается.

– А если кто-то оглянется из любопытства или просто так? –

засомневалась в верности этого метода графиня.

– Сыскари схватят всех, потом разберутся. А мы сейчас будем учить тебя, и за промахи придется сосать щепотку соли.

К тому времени как солнце закатилось за дальние холмы, оставив за собой на небе лишь розовый, медленно таявший, как сожаление, след, беглянка почти возненавидела и соль, и собственное имя.

Но вынуждена была признать действенность этого варварского метода. Едва услышав имя Леаттия или просто Леа, девушка чувствовала на языке вкус крупных сероватых кристаллов и не испытывала никакого желания оглядываться, а тем более отзываться.

– Хотя сыскари используют этот способ лишь после того, как убедятся в бесполезности поисков и допросов, – чуть виновато призналась Санди, сползая со своей полки и выбираясь из каютки, – лучше подготовиться заранее. Идем поглядим на вечерний город, здесь это лучшее зрелище.

– А если нас увидят? – засомневалась беглянка.

– Непременно увидят, – знахарка явно улыбалась, – нам же добираться до дома. Но ничего нового не обнаружат, ты уже три месяца живешь с нами. И все тебя успели разглядеть. И знают, что ты помогаешь собирать травы, на Шлесских холмах все цветы и деревья распускаются раньше.

– А руки? – вспомнила собственный опыт графиня.

– Мы придем почти в темноте, никто руки рассматривать не будет, – отмахнулась травница, но Борода думал иначе.

– Возьми ореховый сок и протрите ладони, – скомандовал он подельнице. – Нельзя упускать ни одной мелочи. А ты, Лайна, запомни: ни с кем не разговаривай, ни на какие вопросы не отвечай, взгляд не поднимай. А если заговорят по-харказски, скажи – пусть спросят дядю.

Городок постепенно приближался, ялик теперь преодолевал воды Горнео неспешно, как и положено маленькому суденышку. На западе так же тихо гас закат, и в ответ зажигались огни в окнах поднимающегося по склону холма городка. Возле причалов, где скопление огней было гуще всего, застыло на ночлег несколько различных судов и лодок, и последние шедшие в порт ялы спешили к ним присоединиться. Мирная, спокойная картина, однако и близко не дотягивающая до зрелища, как наяву видевшегося Леаттии.

Порт Югрета, построенный там, где делилась надвое самая широкая протока Терсны, в день ее семнадцатилетия с реки казался сказочной шкатулкой, наполненной разноцветными огнями. Зарево горевшего над башнями дворцов волшебного фейерверка отражалось в темной воде, и с яхты, на которой родители катали Леа в честь ее второго совершеннолетия,

девушке чудилось, будто она, как легендарная принцесса, плывет по заколдованному феями озеру к своему принцу.

Но только поздно вечером усталая и счастливая виновница торжества узнала, что свадьба будет через три года, после ее третьего совершеннолетия. Правнучке великих герцогов не пристало спешить с замужеством, как какой-нибудь безродной бесприданнице. А еще ей нельзя ошибаться и принимать окончательное решение, не продумав всех последствий этого важного шага.

– Конечно, это не Югрет, – правильно поняла ее молчание Санди, – но мы привыкли и нам даже нравится.

Ялик подошел к причалам, и знахарка заторопилась. Повесила Леаттии на шею дешевый оберег, поправила ей волосы и перевязала платок, потом подала легкий, пышный мешок с двумя веревочными лямками.

– Давай помогу повесить на спину... не давит?

– Нет. – От волнения графиню слегка трясло, но она старалась держаться, убеждая себя, что ничего плохого ее не ждет.

На первом балу в герцогском дворце было намного страшнее.

Она тотчас же посмеялась над собственными доводами. Тогда рядом были родители, а Манрех зарычал даже на шута, когда тот попытался над ней посмеяться. И лишь теперь ей понятно, почему тот весь вечер выглядел таким угрюмым. Герцог никогда не забывал про обещанные наказания.

– Не волнуйся, – строго глянул на девушку бородач, – пока мы рядом, никому тебя не поймать.

Леа признательно ему улыбнулась и внезапно отметила, что их главарь за последние полчаса весьма изменился. Борода теперь была чернее, короче и много ухоженнее, чем днем, и на щеках соединялась с узкими, аккуратно постриженными бакенбардами.

А еще изменилась одежда, и хотя Леа не видела, чтобы бородач переодевался, но все его вещи сейчас выглядели намного добротнее и солиднее, начиная со шляпы, уже и близко не напоминающей пастуший колпак.

Но сильнее всего девушку поразила лодка, на которой они приплыли. В полумраке быстро надвигающейся ночи можно было разглядеть немного, но дверцы, которую открыл перед ними «дядя», когда ялик пристал к выступающему в озеро деревянному причалу, раньше точно не было. Да и ялик теперь нужно было называть ялом или даже баркасом, насколько разбиралась в этом выросшая у реки графиня.

– Я первый, подам руку, – бросив на пирс конец сходней, предупредил бородач, и через минуту все они уже стояли на пропахших рыбой и

водорослями сырых досках причала.

– Иди за мной, – потянула девушку Санди, за плечами которой висел такой же тюк, и зашагала впереди, изредка предупреждая о валявшихся на пути мешках или привязных веревках.

Леа изо всех сил старалась смотреть только под ноги, понимая, сколько хлопот доставит спасателям, если поскользнется и свалится в воду. Никаких перил или ограждений тут не было и в помине, лишь торчащие толстые колья, за которые хозяева суденышек привязывали их к причалу. Леа смутно помнила, что на Горнео почти никогда не бывает таких штормов и бурь, как на море, зато по весне озеро сильно поднимается, заливая все низины.

Именно поэтому на его побережье мало крупных поселений, все большие города построены на холмистых берегах Терсны и Банга, впадающего в Горнео с востока. А такие городишки, как Лахта, стоят на высоких участках берега, и в центр городка, никогда не попадающий под весенний разлив, нужно подниматься по длинной лестнице.

Леа впервые видела такую, где ступени вырублены только на самых крутых участках, а весь остальной подъем приходится преодолевать по пологой тропе, изредка делающей причудливые повороты.

К подножию этой лестницы прилепилось несколько неказистых навесов, и там стояли столы и ужинали те, у кого не хватило сил терпеть до дома. Или просто не было желания готовить самому. Рядом с навесами бойкие рыбачки жарили на переносных жаровнях рыбу, моллюсков и лепешки, варили тройную уху и вино со специями.

– Добрый вечер, мастер Джар, – раздавались вежливые приветствия, когда они проходили мимо ужинающих. – С добычей вас.

– Спасибо, – коротко отзывался бородач и молча шел дальше, но возле одной из жаровен остановился, достал из кармана потертый кошель. – Собери нам ужин, Нетта, как всегда. Ну, если сиги свежие, можешь положить парочку, они у тебя удаются.

Санди возле него не остановилась – тяжело шаркая, словно весь день провела на ногах, продолжала идти вперед, и Леа, старательно не поднимая взгляда, последовала за ней. Ей почему-то казалось, что все сразу поймут, что она не та девушка, которая жила тут до нее, а еще все сильнее волновало, куда она делась, та, прежняя Лайна?

Чем выше они поднимались, тем свежей становился ветерок и темнее ночь. Леаттия уже с трудом разбирала дорогу и смотрела только под ноги, не обращая внимания на домишки, мимо которых они проходили. А те, чем

дальше, становились все более основательными и ухоженными. Если снизу по сторонам от тропы теснились маленькие неопрятные хижины на высоких бревенчатых сваях, чем-то похожие на нахохлившихся цапель, то теперь они шли мимо домиков, поднятых на высокие каменные фундаменты, с добротными лестницами, ведущими сразу на второй этаж.

– Устала? – обернувшись к девушке, спросила знахарка по-харказски и добавила: – Почти пришли. Не устаю радоваться, что купили домик не на верхних улицах. Хотя и пришлось в половодье жить среди озера, зато теперь ходить до причала недалеко.

Леа смолчала, понимая, что Санди просто объясняет ей те вещи, какие почему-то не захотела говорить на лодке, и ничуть ее за это не винила. По появившейся у нее в последнее время привычке девушка старалась обдумать сказанное ей и понять тайный смысл, спрятанный за кажущимися обыденными фразами. Ее шпионы часто перебрасывались такими замечаниями, и постепенно графиня осознала, насколько наивной и глупой они считают ее, почти в открытую договариваясь, кто и когда будет следить за молодой хозяйкой.

– Вот мы и дома, – свернув в неказистый переулок, остановилась у небольшого домика Санди. – Сейчас свечку зажгу.

Отперла нижнюю дверь, повозилась в непроглядной темноте, и проем озарился неярким теплым светом.

– Жаль, внизу еще сыровато, – запуская «племянницу» в дом и закрывая за ней дверь, словно сама с собой ворчала травница, – хоть и все продухи открыты. Придется все тащить наверх.

Махнула Леаттии на простую лестницу из двух жердей с перекладинами и первая полезла наверх, туда, где чернел квадрат люка.

Графиня тихонько вздохнула и полезла следом. Она сама хотела такой жизни и должна постараться как можно скорее к ней привыкнуть.

Наверху было три разделенных сенцами комнатки, две маленькие спальни и более просторная столовая. А в дальнем углу, возле верхнего выхода, прятался дощатый чуланчик, громко именуемый туалетной комнатой.

– Давай я тебе покажу, как тут умываются, – деликатно предложила Санди и, рассмотрев смятение на лице беглянки, с неожиданной жалостью шепнула: – Да не расстраивайся. Долго тебе это терпеть не придется...

Больше она ничего не сказала, но Леаттии для размышлений и этих слов хватило на весь вечер.

Бородач пришел, когда его «родственницы» уже умылись и развесили по стенам пучки трав. Санди разожгла щепки в маленькой печурке,

пристроенной к зимнему очагу, и вскипятила в низком медном чайнике взвар.

Леа уже так проголодалась, что готова была пить взвар с простыми сухариками, стоящими на столе в деревянной миске, но знахарка не предложила, а сама она спросить не решилась. И, как выяснилось, правильно сделала, «дядя» принес полную корзинку еды. Санди ловко выложила на плоские деревянные блюда золотистые куски жареной рыбы, пышные хлебцы с запахом лука, присыпанные румяными зернами, и полную миску малосольной икры сига.

Через полчаса знахарка отправила осоловевшую от еды беглянку в ту спальню, которая побольше, сообщив, что во второй ночует Борода, а сама она спит тут, в столовой, на деревянной тахте, и если Лайне что-то понадобится – можно будить «тетку» безо всякого сомнения.

Крохотная по сравнению с покоями графини комнатка оказалась странно безликой, зато стерильно чистой. Простая ситцевая простыня в мелкий цветочек была еще новенькой, как и стеганое одеяло и подушка. И это неожиданно согрело беспокойную душу девушки, запоздало сообразившей, как мечтала ее матушка, чтобы дочь однажды оказалась в этом неказистом городишке.

На подушке лежала стопка аккуратно свернутых вещей: полотенце, белье и ночная сорочка, тоже ситцевая и цветастая, зато длиной почти до пола, как положено знатным дамам. И это тоже показалось Леаттии добрым знаком. Она послушно переоделась и задумалась над неразрешимым теперь вопросом – куда девать ношенные вещи? До сих пор графине Брафорт не приходилось два дня подряд надевать одно и то же.

– Можно? – стукнула в дверь Санди, и беглянка с надеждой крикнула:

– Войдите!

– У тебя не появилось вопросов? – Медовые глаза знахарки смотрели доброжелательно и сочувственно.

– Да, – неожиданно смутилась Леа, – я не знаю, что делать с одеждой, которую сняла. Служанки всегда сразу уносили... я даже никогда не задумывалась куда. Наверное, чистить... или стирать.

– Давай сюда, – невозмутимо протянула руку Санди. – И не смущайся, стирать я не буду. Просто сожгу. Если все удастся, у тебя будут новые вещи, а сейчас от всего, что может вызвать подозрение, лучше избавиться. Завтра возьмешь все чистое вон в том сундучке. И если больше ничего не нужно – ложись спать, утром мы встаем очень рано.

Ободрающе улыбнулась еще раз и ушла, а Леа заперла дверь на засов, легла в непривычно узкую кровать и только потом решительно дунула на

свечку, запрещая себе бояться темноты и думать о плохом. До сих пор странная парочка спасателей не сделала ей ничего дурного, и в каждом их слове и действии можно было найти здравый смысл.

А желание сунуть голову под одеяло и тихонько, безысходно завывать тоже имеет вполне логичное объяснение: никогда еще до этого Леаттии не приходилось спать где-то, кроме собственной постели родного замка. Хотя небольшого и далеко не роскошного, но такого знакомого и надежного.

Девушка все-таки всхлипнула, но тотчас спохватилась и с силой стиснула губы. Нет, плакать она не станет, пусть плачут те, кто боится ради собственного спасения сделать лишний шаг и высказать свое мнение, а едва попытавшись избавиться от незримых оков, тут же впадают в панику и бегут назад в клетку.

Она сделала свой выбор абсолютно осознанно и ни о чем не жалеет. Даже о родном доме. Глупо жалеть о стенах и кроватях, когда речь идет о всей твоей судьбе и жизни будущих детей, если задуматься.

Стоящий в горле комок отступил, унося с собой непрошенные слезы, и Леа, успокоенно вздохнув, закрыла глаза, мгновенно падая в теплый мрак спасительного сна.

– Как она? – заглянув в столовую, тихо спросил бородач что-то сжигавшую в печурке помощницу.

– Держится, – кивнула та и скупно похвалила: – Сильная девочка. Я думала, будет намного труднее.

– Она уже не девочка, – задумчиво качнул он головой. – Девочки играют в куклы и не думают о будущем. А тем более не умеют делать выводы и принимать окончательные решения, упорно ждут, пока кто-то все сделает за них. Потому и ищут пресловутое сильное плечо, совершенно не понимая и не признавая разницы между накачанными мышцами и сильной волей.

– И зачастую за сильную волю принимают грубость и жестокость, – печально поддакнула травница, – а потом горько оплакивают разбитую жизнь. Иди отдыхать, я покараулю.

– Не нужно, она уже спит. Отдыхай, завтра будет решающий день.

Глава пятая

До этого дня Леаттия была уверена, что вставать рано – это значит в восемь-девять утра, когда солнце только-только разогнало утренний туман и слегка подсушило траву вдоль дорожек сада.

Но лишь сегодня выяснила, как глубоко ошибалась. Оказывается, все селяне, рыбаки и прочие простолюдины поднимаются намного раньше солнца, когда на востоке еще только гаснут звезды и бледнеет ночная мгла.

Идти в этой темноте по тихим, жутковато пустым улочкам было непривычно, сыро и холодновато, несмотря на огромную вязаную шаль, которой Санди обвязала «племянницу» крест-накрест, как малыша. Но самым большим испытанием стал для графини спуск по лестнице, когда ступеньки то начинаются, то кончаются, переходя в идущую под уклон тропу. И если бы не знахарка, за локоть которой графиня держалась, как потерпевший крушение моряк – за обломок судна, пока не рассвело, до причала она не добралась бы.

А рассвет, как назло, все не наступал, и к тому моменту, как они ступили на тонущие в тумане доски причала, Леа начала подозревать, что и не наступит больше никогда. Зато наконец-то начали появляться люди, они перекликались, хмуро шутили, о чем-то договаривались и кого-то за что-то беззлобно ругали. И страх постепенно отступил, растаял от этих коротких разговоров и смешков, зачастую совершенно не подходящих для того, чтобы их слушала хорошо воспитанная девушка.

– Ну вот и добрались, – вдруг ворчливо произнес идущий впереди Борода. – Когда уже закончатся эти туманы...

Санди крепче прижала к себе руку беглянки, и Леа невольно насторожилась. Она уже давно сообразила, что ее спасители далеко не так просты, как кажутся на первый взгляд, и ничего не говорят от нечего делать, лишь бы поболтать.

– Доброе утро, мастер Джар, – поздоровался с бородачом кто-то, пока скрытый от Леа пеленой тумана, и девушка испуганно сжалась, сразу сообразив, что обычно этого человека по утрам здесь не бывает.

– И вам того же, – с прохладцей откликнулся бородач и едко поддел: – Хотя оно было бы намного добрее, если бы ты, Гровер, вернул на лестницу фонари, которые снял перед наводнением.

– Не успеваю, – хмуро огрызнулся невидимка и важно объявил: – Мы по делу. Герцогские сыщики ищут сбежавшего преступника, осматривают

все суда и дома.

– А ты не мог провести их по поселку, пока народ еще не спустился на пристань?! – возмутился бородач. – Что, прикажешь сейчас топать наверх?

– Мы недавно причалили, – сухо и недовольно отозвался второй невидимка, – и не успевали в город. Поэтому не задерживай следствие. Кто это с тобой?

– Сестра и племянница, – мрачно буркнул главарь спасателей. – Гровер, ты же их знаешь?

– Сейчас гляну, – нехотя проворчал Гровер, явно мстя Джару за фонари, и из тумана возникла высокая внушительная фигура.

Остановилась перед Сандией и Леа, подняла вверх руку, в которой держала что-то небольшое, и в лицо девушки брызнул яркий свет потайного фонаря.

– Да, это Санди, травница, и их племянница, беженка из Харказ. Живет тут почти три месяца.

– Не похожа, – хмуро буркнул первый сыщик и задумчиво добавил: – Пусть покажет руки и амулет.

– Лайна, покажи этим людям руки, – обратилась к графине по-харказски Сандия. – А амулет вот он, никаких других у нее нет.

– Не врет, – сухо объявил второй. – И амулет дешевый, оберег от заразных болезней.

– Это у нас они дешевые, а в Харказе мор, – скорбно поджала губы травница. – У бедной девочки и отец и мать померли.

– Покажи ял, – приказал Джару сыщик, отвернувшись от Леаттии, и перебравшийся на борт суденышка бородач покорно перебросил им трап.

Несколько долгих минут, пока сыщики обыскивали бывшую плоскодонку, сообщницы стояли на причале, тесно прижавшись друг к дружке, и молча глядели в сгущавшийся туман.

Леаттия, сразу вспомнившая про мешок со всем своим имуществом, вначале обливалась холодным потом, каждую секунду ожидая услышать обличительный крик: «Нашли!»

Но постепенно, ощущая почти незаметное ободряющее поглаживание ладони свежее испеченной «тетушки», начала успокаиваться, сообразив, что ее спасители приготовились к всевозможным испытаниям гораздо лучше, чем это сделала бы она сама. И предусмотрели все, даже белье, и теперь ее можно было обыскивать как преступницу, но не найти ни одной нитки, принадлежавшей графине Леаттии Брафорт.

Вскоре на трапе появился бородач в сопровождении сыщиков в надвинутых на глаза шляпах, и девушка снова насторожилась, хотя почти

была уверена, что беда прошла стороной.

– Идите на ял, посидите в каюте, пока я вернусь, – в голосе Джара слышалось недовольство, – а то совсем тут озябнете, работать некому будет.

Сандия первой шагнула на трап, потянув за руку «племянницу», а «дядя», словно торопя, подтолкнул девушку с причала. Но графиня почувствовала, как уверенно поддержала ее мужская рука, в который раз не позволив покачнуться и упасть.

Через минуту они уже сидели в каютке, ставшей вдвое больше вчерашней, и Санди, ворча на проклятых преступников, из-за которых нет покоя добропорядочным жителям, поправляла при свете простенького масляного светильника лежащие на деревянных лавках тонкие стеганные тюфячки.

– Небось все инструменты перепутали, – недовольно бормотала она по-харказски, – а брат этого не любит. Лопатки должны лежать отдельно, ножи и ножницы – отдельно. И чистые мешочки и туески – тоже. Эх, знать бы, что они придут, полежали бы в тепле еще часочек, потом нажарили яиц и лепешек с луком. А так придется до обеда остаться без горячего. Кусочек вчерашней рыбы да полчашки холодного взвара в такой туман не согреют.

Леа слушала ее с недоумением – ради чего так стараться, если сыщики уже ушли? Или... ушли не все? Ее мигом обдало жаром от одной только мысли, что на яле может скрываться кто-то из сыскарей. Но кто и, главное, где?

Графиня старательно припомнила, как уходили на ял темные тени, как возвращались, и вскоре начала сомневаться в первоначальном предположении. Скорее всего, где-то неподалеку спрятан подслушивающий амулет, вещь дорогая и редкая, но вполне доступная для герцогских посланцев. Особенно когда они ищут такую важную для правителя беглянку.

– Тетя, – решив, что пора помочь травнице, спросила она тоже по-харказски, старательно копируя один из западных диалектов, – а чего они хотели?

– Ты не поняла? – одобрительно кивнув девушке, вздохнула Санди. – Ищут бандита. Или вора, такой переполох я видела лет восемь назад, когда искали пропавший из герцогской сокровищницы родовой артефакт. Говорят, вор был настолько нагл, что пробрался во дворец посреди белого дня. Все говорили, не иначе кто-то из приближенных его светлости, откуда же нам, простым людям, знать, как туда войти и где лежат самые ценные амулеты?

– Возьми корзину, Санди, – раздался из-за дверцы голос Джара. – Я купил пирожки с рыбой. Поедим по очереди, нечего тратить время зря, вон солнце уже показалось, а мы еще дома.

Сандия довольно подмигнула беглянке, радуясь, как та поняла, вовсе не рыбе, и поспешила исполнить его команду.

Вскоре ял уже развернул серые штопаные паруса и, набирая ход, двинулся прочь от Лахты. Бородач стоял у руля, а Леа с «тетушкой», сидя в тепле каюты, неспешно жевали свежее испеченные порожки, запивая горячим чаем, принесенным Джаром в маленьком чайничке. И помалкивали, повинувшись безмолвному приказу главаря.

Графиня думала о матери, как выяснилось, она до сих пор совершенно не знала самого родного человека. И даже не предполагала, что та способна придумать такой сложный план по спасению дочки и найти для его исполнения таких непростых людей. И понимала все отчетливее, что обычным наемникам никогда не удалось бы увести ее от дома так далеко, а тем более обмануть вооруженных магическими вещичками сыскарей. Судя по отзывам немногочисленных друзей ее родителей, придворный маг Манреха был очень силен в своем непростом ремесле. А еще неподкупен и проницателен, острый взгляд его стальных глаз девушке запомнился очень хорошо.

А бородач с помощницей сумели два раза обойти его подмастерьев, только теперь Леаттия сообразила, кого именно бывший жених должен был отправить на ее поиски прежде сыскарей и гвардейцев. И значит, Джар не солгал, говоря про маячок, и это еще больше убедило девушку в верности сделанного выбора. Если герцог еще до свадьбы следил за каждым ее шагом, повесив незримый поводок, то, получив все законные права, и вообще перестал бы считать человеком, имеющим право на собственное мнение.

– Теперь и я могу поесть, – появился в дверях каюты бородач, подсел к столу и принялся с аппетитом уничтожать пирожки и рыбу.

Леа невольно искоса следила за ним, пытаясь угадать, сколько стоят услуги мага и знахарки, и огорченно вздыхала. Судя по всему, мать отдала им нечто очень ценное, одну из родовых вещей, хранящихся в заветном тайничке, так как золота у их семьи было немного. Да и вряд ли удалось бы забрать его из банка, не насторожив герцога. Ведь там лежало ее приданое, а за всем, что считал своим, его светлость, как оказалось, имел привычку бдительно присматривать. К тому же особого труда это не составляло, банк Брафортского герцогства на две трети принадлежал Кайорам.

– Не жалеешь? – вдруг спросил главарь, в упор уставившись на

девушку.

– О чем? – нахмурилась она, не поняв вопроса.

– Ты могла им признаться и сейчас сидела бы дома в мягком кресле.

– Ни за что, – отрезала Леаттия. Помолчала, глядя в распахнутую дверцу на светлеющее небо, и тихо, но твердо добавила: – Вполне вероятно, большинство девушек на моем месте, заглянув в чужую, непривычную жизнь, повернули бы назад... Но я за этот месяц не раз и не два все обдумала и давно поняла, что буду искать любую возможность сбежать. Знаете... за пять лет я привыкла к мысли, что стану женой Кайора, и даже считала это лучшей судьбой. А вот в последние дни вдруг сообразила, что герцог никогда за мной не ухаживал, ни о каких чувствах не говорил. Просто принес свой браслет и объявил свое решение... словно собаку в псарню выбрал. Разумеется, это меня оскорбило, но расстроило другое. Родители ведь не могли этого не видеть и не понимать, почему же они молчали, ни слова не сказав против этой помолвки? Значит, он им чем-то пригрозил заранее, причем это касалось меня. Больше ничто не заставило бы отца терпеть и делать вид, будто все у нас прекрасно. И вот этой лжи, этого издевательства над самыми дорогими мне людьми я Кайору никогда не прощу и именно поэтому его женой ни за что не стану. Никто не сможет заставить дочь рода Брафорт против воли сказать «да» перед ликами собственных предков.

– У Манреха изворотливый ум, – тихо и печально вздохнула Санди, – и он привык получать все, чего пожелает, любой ценой. Нет, тебя он бить не стал бы... но вполне мог показать наглядно, как будет наказывать за твою строптивость юных фрейлин.

– Поэтому я не должна попасть к нему в руки, – сжала губы графиня. – По крайней мере, живой.

– У тебя есть яд? – насторожился бородач. – И где ты его прячешь?

– Нет... яда нету, – качнула головой Леа. – Но кое-что я все же могу.

– Забудь, – приказал «дядя» строго, – и никогда не вспоминай. На самый невероятный случай у меня тоже имеется парочка сюрпризов, и пока я жив, Кайору тебя не достать. А погибать не входит в мои планы на ближайшие триста лет.

– Спасибо, – очень серьезно произнесла беглянка, глядя в его непроницаемые глаза. – Мне тоже не хотелось бы отдавать жизнь за прихоти Манреха.

– Это не прихоти, – уклончиво буркнул бородач и поднялся с места. – Но говорить об этом пока рановато. Отдыхайте, до места еще почти три часа.

– Как три часа? – ошеломленно посмотрела ему вслед девушка, успевшая вчера от скуки припомнить карту озера – главной достопримечательности их герцогства – и примерные расстояния до Шлесских холмов, поднимавшихся к западу от Лахты.

По ее представлению, идти туда их необычному судну час, от силы полтора, и сам бородач вчера вечером это подтвердил.

– Но ведь на Шлесских холмах мы были вчера, – улыбнулась девушке Санди. – И уже собрали там все что можно. Ни один хороший травник не будет выкапывать подчистую все корни ландышей, не оставив ничего на будущее. Так поступают лишь новички, спешащие взять большую прибыль, но у старых травников есть способ с ними бороться. Как только мы замечаем, что кто-то начал нарушать негласные правила, посылаем к нему особых людей... и в первый раз они вежливо пояснят, как нельзя делать. Ну а во второй просто сожгут все запасы.

– А пожаловаться он не сможет? – Графиня живо заинтересовалась той стороной жизни, какой никогда не знала.

– Бывает и жалуются. Но далеко их жалобы не уходят. Любой писарь при градоначальнике и староста деревни знают, что травники никого не тронут незаслуженно. Хочешь золота – вставай пораньше и работай, но не забывай о совести и о тех, кто придет за корнями в следующем году. Нельзя нагло грабить всех вокруг, ведь если будущей весной не будет каких-то трав, цены на зелья поднимутся впятеро, и простолюдины останутся без лечения.

– Всему этому меня учили, – честно призналась Леа. – Отец настоял. Но никогда раньше я даже не представляла, что каждая женщина, стоящая на рынке с пучками душицы и пустырника, так хорошо разбирается в законах экономики.

– Ну, о том, что это законы экономики, простые травники могут и не знать, – засмеялась знахарка. – Зато все понимают, как важно не подрубать сук, на котором сидишь. А теперь неплохо бы отдохнуть. Сейчас достану тюфяки со свежим сеном, для незваных гостей это – трава на продажу. И еще... Теперь здесь есть маленькая умываленка, за вот этой дверцей. Чем больше становится судно, тем больше на нем кают и удобств.

– Я заметила. Но не понимаю, как это происходит.

– Эту лодку сделали особые мастера, – подмигнула Санди. – Видела когда-нибудь складные игрушки? Только здесь все прячет и разворачивает магия, а большего и мне не известно.

Травница достала из шкафчика душистые мешки, сноровисто взбила и застелила две постели. И вскоре Леаттия лежала на мягком, упоительно

пахнущем ложе, с усмешкой припоминая, как ловко «тетя» ушла от вопроса, куда они плывут.

Глава шестая

Разбудила беглянку внезапная тишина, и в первое мгновение Леа недоумевала, отчего это кажется ей странным. Но тут же все вспомнила, оглянулась на соседнюю лежанку и, никого там не застав, сразу запаниковала.

Полезли в голову разные предположения, одно другого ужаснее, и она, резко откинув плед, стремительно соскочила с постели. И тут же пол под ногами вдруг покачулся, задрался с одной стороны вверх, заставив девушку вцепиться в край стола, накрепко прикрученного к судну болтами.

– Не пугайся! – Дверь рывком распахнулась, и в каюту влетела Санди. – Садись на свое место и упрись ногами в мою скамью.

Сама она тоже торопливо и точно последовала собственному совету: прикрыв дверцу, уселась напротив и поставила босые ноги на край противоположной лежанки.

– А что случилось? – выполняя указание, дерзнула задать вопрос Леаттия.

– Мы убегаем, – спокойно сообщила знахарка, – разве ты этого не знала? Герцог – страстный охотник и отлично умеет ставить ловушки и загонять дичь. Он успел за ночь перекрыть все границы, отправить на все заставы и посты своих гвардейцев и сыскарей, вооруженных различными амулетами. И приказал никого не выпускать из герцогства, ни женщин, ни мужчин.

– А если бы мы попытались прорваться вчера? – обреченно пробормотала Леаттия.

– Не вышло бы ничего хорошего. Во-первых, Борода не может без отдыха, ему необходимо пополнять потраченную силу, а пользоваться амулетами нельзя, вокруг столицы Кайор приказал магам понаставить охранных сетей, они называются следилками. Ну и главное – вся Лахта должна знать, что мы, как обычно, пришли вечером и ушли утром. Нельзя, чтобы сыщики нас в чем-то заподозрили и пустили по следу туманных гончих. Само собой, Джар их развеет, но все, кто смыслит в магии, сразу догадаются, что тебя увел темный маг, и напишут жалобу в темную гильдию. Вот это самый нежелательный вариант. Ты ведь еще не достигла третьего совершеннолетия, а герцог умудрился назначить себя твоим опекуном.

– Не может быть, – охнула графиня, впервые об этом услышавшая. –

Моя матушка никогда бы на это не согласилась.

– Бедная девочка, – вздохнула знахарка. – В тот день, когда она была при смерти, тебя ведь под каким-то предлогом удалили из ее комнаты?

– Ну да... поесть... – еще бормотала графиня, но уже понимала, насколько просто, ловко и подло ее провели.

Презрение и отвращение, какие Леа до этого момента испытывала к Кайору, вмиг сменились жгучей ненавистью. Никогда раньше девушка даже не представляла, что может так ярко желать кому-то зла. Если бы эта ярость могла преобразоваться в огонь, негодяй уже горел бы смоляным факелом.

– В бумагах написано, что она ненадолго пришла в себя и назвала опекуна, – объясняла травница под странное покачивание суденышка. – И это засвидетельствовали сиделка и придворный лекарь.

Некоторое время графиня молчала, переваривая неожиданную новость, потом, сообразив, ради чего «тетя» ей это рассказала, сдержанно поинтересовалась:

– Ну и куда мы бежим?

– В Гайртон, – безмятежно ответила Санди, – через западные ущелья Харказа. Если ты помнишь, Харказу принадлежит часть озера, узкий залив, отделенный полумесяцем длинной, почти в полторы сотни лиг, каменистой косы. На ее дальней оконечности стоит крепость Орхат, мимо которой не пройдет ни одно судно, а вот саму косу можно перейти пешком, хотя на это редко кто решается. А Борода собирается перебраться в ялике. Как только мы минуем прибрежные мели и подводные скалы и доберемся до берега, лодка станет другой. Какой – пока не знаю, это зависит от силы мага и обстоятельств, но собираюсь умыться и переодеться, пока есть возможность. Вполне вероятно, часть пути придется проделать пешком.

Леа думала точно так же, и как только пол перестал качаться, спутницы принялись торопливо готовиться к трудному путешествию через густые заросли боярышника и облепихи, заполонившие все ложбинки между валунами и скалами.

Надели удобные ботинки на толстой подошве, повязали волосы платками и выбрались на палубу яла.

Суденышко, словно выброшенное бурной волной, почти до половины влезло на узкую полосу песка, а чуть поодаль виднелся бездымный костерок, и Борода уже развешивал над ним нанизанных на палочки рыб и крабов.

– Санди, хлеб и соль захвати, – скомандовал он не оглядываясь, и знахарка тут же вернулась назад.

А Леа, обнаружив открытую дверцу, спрыгнула на песок и направилась к нему, с любопытством осматривая скалы, почти распутившиеся листья кустарников и пышный зеленый мох.

Озеро отсюда рассмотреть не удалось, видимо, маг провел свое чудосудно в маленькую бухточку через известный только ему проход.

– Что ты любишь, крабов или рыбу? – так же не оглядываясь, спросил мужчина, и графиня невольно ему позавидовала.

Хорошо, если можешь жить, никого не опасаясь, и не глядя угадывать, кто подходит со спины.

– Не знаю... я таких крабов никогда не ела.

– Значит, будешь учиться, – постановил он уверенно и скомандовал: – Возьми вон то одеяло, постели на валун и садись, скоро будет готово. И выслушай меня внимательно. Несколько минут назад я получил известие от одного коллеги, он скоро будет здесь. Ты его знаешь и считаешь врагом, но это не так. Он не сделает тебе ничего плохого, поэтому не пугайся, когда появится.

– А кто он? – насторожилась Леа.

– Это я, – спокойно произнес невидимый пока гость хорошо знакомым графине голосом, и она невольно сжалась от страха, сразу узнав придворного мага Кадениса.

– Все-таки напугал, – глянув на девушку, с досадой буркнул бородач. – Вот зачем так спешил?

– У меня амулет невидимости почти разрядился, – мирно пояснил немолодой мужчина среднего роста и крепкого телосложения, проходя мимо Леаттии. – А пока не доберемся до Гайртон, зарядить негде.

– Прежде чем идти в Гайртон, – перебил его Борода, принимая у подоспевшей Санди солонку, – объясни нам, почему ты здесь?

– Так ведь выгнал... – трагически поджав губы, горестно вздохнул магистр Каденис и вдруг жизнерадостно фыркнул: – Представляешь? Обвинил в тупости и неопытности! Меня! Запретил казначею выдавать жалованье за последний месяц!

Придворный маг Манреха Кайора Брафортского хохотал уже в открытую, сгибаясь почти пополам, и Борода с Санди тоже смеялись, глядя на него.

Губы Леаттии кривила невольная улыбка, но верить человеку, которого опасалась целых пять лет, она пока не могла.

– Представляешь, угрожал, что подаст на меня жалобу в гильдию! – захлебывался хохотом маг, как стало ясно беглянке, уже бывший. – И пообещал найти на это место самого сильного магистра.

– Надеюсь, ты не стал спорить? – усмехнулся бородач.

– Ну я же пока в своем уме? И словечка не сказал. Но паре-тройке хороших людей потихоньку намекнул, чтоб уходили, пока не поздно. Теперь там некому сдерживать его светлость.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Леа.

– Его приступы ярости, – легкомысленно отозвался Каденис. – Без моих зелий он долго не утихомирится.

– Как вы можете этому радоваться? – вскочив с валуна, гневно рявкнула на мага последняя наследница легендарных правителей. – У вас сердца нет! Ведь этот монстр изуродует невинных людей! Фрейлин или служанок!

– Слава всем богам, она действительно исцелилась, – сразу перестав веселиться, с явным облегчением выдохнул магистр и устало шлепнулся на камень. – Тогда чего мы тут сидим?

– Ждем, пока сфера свернется, – деловито сообщил Борода, – и собираемся научить Лайну кушать печеных крабов.

– То есть, – неверяще смотрела на магов графиня, – вы не собираетесь вернуться и спасти бедных девушек?

– Бедные девушки к нему в очереди стоят, – мрачно сплюнул Каденис. – Он расплачивается безделушками с бриллиантами. И убить его, к сожалению, нельзя, закон гильдии охраняет клиентов. А больше его ничем не остановишь. Без искреннего желания невозможно вылечить гнилой, больной разум уроды, получающего удовольствие от чужой боли. Но бороться с ним мы будем, и он сам дал на это право.

– Борода, – помолчав, попросила вдруг Санди, – а ведь я вам в Гайртоне не нужна. Может, отправите меня в Олдону или Тшасс, как договаривались?

Магистр Каденис помрачнел и отвернулся, делая вид, что изучает высящиеся на западе вершины гор. Бородач некоторое время хмуро о чем-то размышлял, не забывая переворачивать рыбу и складывать готовую на широкое деревянное блюдо, затем глянул на помощницу в упор и с нажимом сказал:

– Я от своих слов никогда не отказываюсь, иди куда хочешь. Но послушай доброго совета, пережди до осени, пока Лайна не переступит порог третьего совершеннолетия. До того момента он не успокоится, будет землю рыть и песок сеять в поисках пропажи. А я буду занят и не смогу присматривать за тобой постоянно. А он, сама знаешь, кого может нанять, и если каким-то чудом тебя достанет...

Он смолк и еще усерднее принялся поворачивать золотящиеся тушки.

– А жить... – нерешительно заикнулась знахарка, и Леа неожиданно для себя с облегчением вздохнула.

Как выяснилось, судьба женщины, рядом с которой беглянка находилась всего сутки, стала ей далеко не безразлична.

– У меня в доме комнат хватает, – буркнул ее напарник. – Поселишься рядом с Лайной, и ей веселее будет. Ну а если не понравится – куплю дом.

– Давайте сделаем немного по-другому, – мягко предложил Сандии Каденис. – Ты поселишься у него, а дом, какой понравится, куплю тебе я. Когда у человека есть свое пристанище, он не чувствует себя бесправным, живя в чужом доме.

– Я и сам в состоянии купить, – огрызнулся бородач и принялся резать хлеб. – Но если ей приятнее, чтобы купил ты, спорить не стану.

– Пусть купит он, – посомневавшись, приняла решение знахарка, кивнув в сторону бывшего придворного мага, и на этом деловые разговоры закончили.

Потом все дружно ели жареную рыбу и учили Леаттию доставать нежное, пахнущее дымком крабовое мясо. И вроде никуда не спешили, но едва Борода, глянув на одно из своих колец, заявил, что пора уходить, решительно поднялись с мест и принялись ловко убирать следы своего пребывания.

Леа невесело усмехнулась про себя: трудно не понять желание магов как можно скорее оказаться подальше и от чужой страны, и от сыскарей, которые могут настичь в любой момент. Но для нее это родина, место, устройству которого отдавали все силы и устремления многие поколения ее предков. Уйдя отсюда, она порвет связь не только с озером, горами, долинами и городами, но и со всеми этими благородными и смелыми людьми, свято верившими, что их правнуки и правнучки будут так же честно заботиться о своей вотчине. И с народом, о благе которого так пеклись предки, оставив людей беззащитными в лапах жестокого и коварного монстра.

– Не хочется вернуться? – вкрадчиво осведомился Каденис, замерев рядом злой тенью, и впервые за последние годы юная графиня решила ответить ему резкостью:

– Кто-то недавно сказал, что каждый человек должен иметь свой угол, чтобы не чувствовать себя лишним в чужом доме. А я теряю не только дом, могилы родителей и предков, но и народ, о котором эти предки завещали заботиться. Но вернуться не могу... нет у меня сил с ним бороться.

– Перестань ее проверять, – приказал Борода, – она не раздумает. Лучше поторопись.

Он притащил толстую доску, широкую, как скамья, и длиной в два локтя, обернул серой, смутно знакомой тканью и, прижав к животу, встал в центр расчищенной бывшим придворным магом площадки размером со стол. Каденис встал рядом, ухватил его за пояс и крепко притиснул к себе Леаттию. Санди держала девушку с другой стороны, вцепившись второй рукой в напарника.

– Глаза закройте, – скомандовал главарь, и Леа послушно зажмурилась.

Внезапно стало жарко, как зимой возле растопленного камина, потом девушка с ужасом почувствовала, что потеет и задыхается так, словно пробежала несколько кругов по залитой полуденным солнцем аллее за шаловливым щенком. Во рту возникла странная болезненная сухость, а вот мысли, наоборот, понеслись стремительнее и стали как-то яснее. Мощной волной захлестывая сознание, разом всплыло в памяти все, что Леа когда-то знала и учила, слышала случайно или в раннем детстве. Этих воспоминаний оказалось так много, что девушка захлебнулась внезапно нахлынувшим потоком эмоций и неожиданным пониманием всех секретов и тонкостей, какие раньше недооценивала или недопонимала.

А ее телу становилось все жарче, оно горело, как будто натертое перечной мазью, и разум наконец не выдержал, сдался, погребенный лавиной открытий и необъяснимостью происходящего.

Где-то в отдалении вяло и расстроено переругивались знакомые мужские голоса, а рядом слышался звук текущей воды, и на лицо, принося несказанное облегчение, падали прохладные капли.

Леаттия припомнила сумасшедший жар и мгновенно насторожилась: если она все поняла верно, то одежда должна была сгореть.

Резко распахнув глаза, графиня уставилась на сидящую возле нее знахарку. Та бережно поддерживала ей голову и тонкой струйкой лила воду из узкого серебряного ковшика. Одежда Санди была мокрой, и вокруг них тоже была вода. Леа внимательнее огляделась и обнаружила, что они сидят в неглубоком водоеме, а подол ее платья и в самом деле покрыт подпалинами.

Страшась представить, что в таком случае с ее кожей, девушка отогнула рукав и ошеломленно замерла. На запястьях, там, где еще недавно так пекло, не было ни единого ожога или пятнышка сажи.

– Она пришла в себя, – мягко сообщила куда-то Санди, и поблизости послышался торопливый топот двух пар ног.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как ошпаренная курица, – сообщила чистую правду Леа. – Но никаких ожогов не вижу. Вы меня вылечили?

– Давай обо всем поговорим чуть позже? – очень учтиво попросил бородач. – Сейчас я отнесу тебя в шатер, вам нужно переодеться.

Прямо в сапогах шагнул в воду, поднял «племянницу» на руки и, не обращая внимания на потоки воды, понес в сооружение, которое девушка вначале приняла за куртину оплетенных хмелем кустов, настолько правдоподобно были расписаны его стенки.

Внутри тоже ничего не напоминало походных военных кибиток и узорчатых шелковых харказских шатров, какие видела Леа на охоте и на пикниках. Не часто ее туда брали, всего пять-шесть раз за все время, но теперь девушка этому только радовалась. Ей не доставляло никакой радости полдня трястись на лошади вместе с толпой придворных дам и их камеристок, вдыхать дым костров и смотреть, как раскрасневшиеся от вина и скачки охотники жадно рвут крепкими зубами пригоревшее, полусырое мясо.

Время, проведенное в подобных «походах», она считала потраченным зря, с гораздо большим удовольствием Леа бродила бы по тем лесам в одиночестве или с обожаемым тогда женихом, слушая пение птиц и наблюдая за зверьками и рыбками, снующими в чистых ручьях. Но герцог предпочитал загонять бедных косуль, а не любоваться ими, сам свежевал тушки и первый съедал кусок полупрожаренного мяса, украдкой перемигиваясь с бойкими фрейлинами.

Девушка мотнула головой, отгоняя необычайно яркое видение, и внимательно оглядела непривычную обстановку. Мягкие, словно набитые пухом сиденья, тонконогий, изящный столик и дверца в глубине шатра, к которой принес ее бородач.

Внутри оказалась небольшая, очень уютная спальня с двумя постелями, но маг туда не пошел, доверив графиню напарнице. Санди первым делом раздела подопечную и растерла мягким полотенцем, потом завернула в одеяло и принялась переодеваться сама.

И вот на ее руках и шее Леа неожиданно для себя обнаружила розовые пятна залеченных ожогов. Даже рот приоткрыла спросить, что произошло, но вспомнила слова бородача и прикусила язык, сообразив, что молчат они не просто так. И раз пообещали объяснить все позже – значит, нужно ждать и не ставить своих спасителей в неудобное положение.

– Тут твои платья, – распаковывая знакомый сверток, неуверенно произнесла Санди. – Но мне кажется, они тебе великоваты.

– Это матушкины платья, – тихо пояснила Леа, чувствуя, как свежа

стала немного поутихшая за месяц боль. – Я надевала на себя запас одежды, и мои платья не налезли.

– Ну ничего, подвяжем пояском, – тотчас нашла выход знахарка, и Леа вдруг заподозрила неладное.

Слишком ласково они с ней говорили и вели себя покладисто, как с больной... или хронической истеричкой. А она чувствует себя отлично и рассуждает теперь, после внезапной встряски, на удивление здраво и спокойно.

– Санди, – так же приторно улыбнулась «тете» графиня, – ты весьма странно начала со мной разговаривать – как с сумасшедшей. Не желаешь объяснить почему?

– Мне так приказали, – прямо глянула ей в лицо травница, – а я и не спорила, хотя думаю, что это они чего-то недопонимают. А тебя не считаю способной на безумные поступки. Поэтому и сижу тут, а не ушла... в город. Ну, давай одеваться и пойдем пить чай, у меня от этого приключения дикий аппетит проснулся.

Маги уже сидели за столом, молча глотали из черных с золотом фарфоровых чашечек горячий напиток, и по шатру плыл горьковатый запах драгоценного харказского чая.

Леа присела на одно из свободных сидений, взяла придвинутую к ней чашечку и, прежде чем сделать глоток, вдохнула аромат редкого в их доме напитка. Непонятно откуда всплыла уверенность, что ни зелий, ни яда в нем нет, и графиня, усмехнувшись, сделала первый глоточек.

– Вот булочки и свежее масло, – заботливо подала Санди тарелочку с едой, которой еще недавно у беглецов не было и быть не могло, как считала тогда Леа.

А теперь девушка отчетливо понимала, как мощны ввязавшиеся в ее судьбу спасители и как много у них секретов, о которых даже не догадываются простые жители королевств, герцогств и ханств, разбросанных по материкам и островам их мира.

– Лайна... – осторожно начал бородач и досадливо скривил губы, – ты не против, чтобы тебя так называли?

– Нет, – уверенно ответила беглянка, – я же уже говорила.

– Но это было... – начал объяснять он и смолк, повинувшись повелительному взгляду Кадениса.

– Не нужно ее пугать, пока сами во всем не разберемся, – мягко произнес бывший придворный маг герцога Брафортского, и Леа взглянула на него с откровенным изумлением.

Слишком уж быстро Каденис поменял свое мнение и вступил в ряды ее заступников... или случилось нечто, давшее ему на это право?

– Я никогда не был вам врагом, ваша милость, – укоризненно покачал он головой, правильно расценив этот взор. – Наоборот, делал все что мог, чтобы оградить от той мерзости, которая творится во дворце Кайора. Вернее, во дворце ваших предков.

– Каденис, – мгновенно заметив и оценив все его оговорки, произнесла девушка тем безукоризненно вежливым, но ледяным тоном, который никогда не удастся дамам, попавшим в высший свет через спальни знатных господ, – меня зовут просто Лайна, а не милость. И я не имею никаких прав на герцогский дворец. И, как ни странно звучит мое заявление, – не желаю иметь. У меня были хорошие учителя, а историю я изучала по рассказам отца. И теперь отчетливо понимаю, почему он всегда особо выделял один вывод – никогда, ни разу в жизни, смена власти не обошлась без крови. И первыми в таких боях всегда гибнут самые лучшие, честные, преданные родине и небезразличные к бедам народа люди. Ну и те невинные, кто совершенно случайно окажется не в том месте. А хитрые и трусливые успеют попрятаться по норам, как крысы, и переждут там лихие времена.

За столом повисла тишина, и некоторое время все пили чай молча, стараясь не встречаться с Леаттией взорами.

А потом бородач вдруг пристально уставился в побледневшее лицо «племянницы» и хладнокровно объявил:

– В таком случае я обязан пояснить тебе одну тонкость. Но начну издали. Как ты уже догадалась, я темный маг и, спасая тебя, всего лишь выполнял контракт, выданный мне главой нашей гильдии. Сам он не мог этого сделать по очень важным причинам: главу гильдии зовут Эгрис Дуарис Тагорно, а его тайное имя – Каденис.

Маг помолчал, изучая закаменевшее лицо графини, за последние годы в совершенстве освоившей умение выслушивать нелицеприятные новости, ничем не выдавая бушующих в душе эмоций. Хмуро усмехнулся и продолжил:

– Под этим именем Эгрис прослужил Кайору около пяти лет, с того момента как гильдии стало известно о намерении герцога жениться на последней наследнице рода Брафтортов. Как ты прекрасно понимаешь, такие желания возникают у подобных Кайору людей далеко неспроста, и, поскольку он диктует свои правила всем соседним странам, было принято решение присмотреть за его светлостью. Ну и за тобой. Но после гибели твоего отца ситуация резко ухудшилась, и Эгрису пришлось выдать мне тайный контракт.

– А мою мать... вы спасти не могли?

– Прости, – прямо глянул ей в глаза глава гильдии, – это оказалось непосильной задачей. Я сам пытался, но ее милость призналась, что, выходя по любви замуж за графа Гардеза и понимая, насколько этот союз опасен именно для него, она настояла на ритуале объединения судеб. И когда его не стало, ее жизненная сила начала уходить стремительно, как вода в решето. Я несколько раз тайком приходил в ваш замок и ставил ей щиты, но они исчезали в сотни раз быстрее обычного. Как выяснилось, древний алтарь, на котором был проведен ритуал, невозможно ни обмануть, ни разрушить. Но об этом лучше говорить не здесь. Сейчас пора ехать, и остался последний вопрос – с кем бы ты хотела проделать остаток пути? Повторить попытку увести тебя порталом мы пока не рискнем.

Леа смотрела на внешне спокойных магов и понимала, как непросто стоящий перед ней выбор. Впрочем, ее спутники тоже оказались очень неординарны, и после ясных вроде объяснений у нее возникло еще больше вопросов, чем прежде. И значит, спешить не следует, лучше сначала выяснить, сколько осталось ехать и какие варианты ей могут предложить.

– До предместий Гайртона не более суток, – выслушав ее, кивнул Эгрис. – Мы успели переместиться в свободные земли. А ехать можно как захочешь, и вдвоем, и втроем, и всем вместе.

– Если ехать вдвоем, то с кем?

– Со мной или с Джарвисом. Второй уведет Сандию в Гайртон.

– Тогда я поеду с мастером Джаром, – почти мгновенно решила беглянка. – Незачем Санди из-за меня трястись в коляске. Она и так натерпелась.

– Как пожелаешь, – согласился магистр.

Леа расслышала в его голосе разочарование, но сделала вид, будто ничего не замечает.

– Тогда собирайся и выходи, коляска ждет, – снова становясь уверенным главарем, скомандовал Борода и первым поднялся из-за стола.

– Зря ты меня не взяла, – огорченно вздыхала знахарка, укладывая дорожную суму для «племянницы». – Джар будет править, а тебе и словом перекинуться не с кем.

– Мне не впервой, – успокоила ее Леа, – а тебе нужно отдохнуть. Как я понимаю, странный пожар задел всех, кроме меня.

– Магистров тоже не задел, – виновато глянула Санди, – у них мощные защитные амулеты. Да и мой неплох, но загорелось платье. Маги спорили... – она оглянулась и перешла на шепот, – откуда у тебя такая сильная защита и защита ли это, но так ни до чего и не договорились.

Она смолкла, предоставив Леаттии самой додумывать возможные варианты, и понесла суму к выходу.

– Провожу вас.

Леа побрела за ней, пытаясь припомнить собственные чувства и разобраться в смутных подозрениях, уже догадываясь, как неспроста о некоторых вещах мать всегда говорила едва слышно, короткими намеками и лишь где-нибудь в глухом уголке сада.

Глава седьмая

За пределами шатра было пасмурно и ветрено, неслись по небу стада темных облаков и шумели вдоль дороги цветущие каштаны. Водоем, в котором Леа пришла в себя, уже исчез, и на его месте стояло нечто настолько несуразное, что назвать это коляской у девушки никогда бы не повернулся язык.

Довольно приземистое деревянное сооружение больше всего походило на огромную черепаху с колесами вместо ног. На ее горбом выгнутой спине примостились два совершенно не подходящих повозке предмета: широкая жестяная труба, какие стоят в коптильнях, и перед ней мачта с обвисшим серым парусом, в котором Леа наконец узнала ту тряпку, с которой так носился Джарвис. И бывшую поочередно то его плащом, то мешком, то парусом на ялике.

А вот лошадей или оленей, обычных в северных странах, возле странной повозки не было, но гадать, кто ее потащит, графине не пришлось.

– Прощу, – распахнув дверцу, скомандовал маг, и девушка покорно полезла в полутемное нутро, коря саму себя за несообразительность.

Ведь слышала же похожие на нелепые выдумки рассказы о странных повозках, бегających по свободным землям, пребывавшим под негласной защитой темной гильдии, обосновавшейся в Гайртоне с незапамятных времен. Как повествуют бродячие сказители, с тех самых, когда в мире было намного больше чудес и летали по небу огромные драконы, воруящие красивых девушек. Хотя Леаттии теперь точно известно, насколько неверны эти предания.

Внутри повозка тоже выглядела непривычно, но почти роскошно: усыпанный подушками низкий широкий диван, откидной столик и удобное кресло перед широким окном, выходящим на ту часть повозки, где должна быть скамейка кучера.

– Устраивайся поудобнее, – указал девушке на диван забравшийся следом маг и сел в кресло лицом к окну.

Повозка тотчас тронулась, и Леа поспешила присесть на краешек необычно мягкого сиденья. Некоторое время с интересом рассматривала маленькие полочки и шкафчики с различными сладостями, книгами и головоломками, потом, покосившись на сидевшего к ней спиной спутника, занятого вовсе не кучерским делом, отважилась на неподобающую графине

вольность. Сбросила обувь, забралась на диван и, устроившись среди подушек почти полулежа, взяла с полочки первую книгу.

И неожиданно увлеклась чтением – фолиант оказался атласом свободных земель с красочными иллюстрациями и пояснениями. Как выяснилось, в этих местах было довольно много городков и деревень, о которых почти не слышали в Брафорт, а также дубрав, озер, рек и водопадов. И, разумеется, Гайртон, сильно отличавшийся от всех больших городов. Его делила на две части бурная речка, и на том берегу, где жили маги, не было ничего присущего обычным столицам. Ни пафосных статуй и огромных мостов, ни величественных храмов и широких площадей. Даже мэрии и той не было, как и различных заборов, оград, ворот и калиток. Не было дорог, тропок и выложенных плиткой или камнями дворов. И ни одного магазинчика или лавки, пекарни или мастерской. Все это находилось на половине города, расположенной в левобережье.

А на правом, плавно поднимающемся к вершине большого холма, раскинулся сад из огромных старых ореховых и плодовых деревьев, между которыми без малейшего намека на какой-либо порядок располагались дома и башни магов в окружении цветущих кустов и покрытых коротенькой бархатной травкой лужаек.

– Интересно? – на миг оглянулся Джар и снова уставился на дорогу.

– Да, – ответила Леа и задумчиво добавила: – Только не все понятно.

– Я бы объяснил тебе, но это нужно увидеть самой, – уверенно заявил он. – А лучше пожить там. Тогда все станет ясно. Пока просто отдыхай.

– А на мои вопросы ты ответить можешь? – подумав, осторожно осведомилась Леа.

– Смотря на какие. Видишь ли... как показали последние события, все намного сложнее, чем мы считали раньше. Поэтому теперь гильдия должна посоветоваться и поменять свои планы, и я не имею права заранее сообщать тебе о них. Но одно могу сказать твердо: никто не может заставить тебя идти против твоих собственных желаний и убеждений. Мы не белые маги, чтобы ставить общество выше личности.

– А они ставят? – заинтересовалась девушка. – Ты много о них знаешь? Можешь рассказать?

– Вопрос тебе удался, – непонятно чему усмехнулся Джар и согласился: – Но я расскажу. Немногие знают жизнь белых магов лучше тех, кто сам был адептом Белой цитадели и довольно долго ей служил.

– Ты был белым магом? – ахнула Леа, только издали видевшая этих людей, почему-то не любивших бывать в Брафорт. – Извини, пожалуйста, я не хотела перебивать.

– Не страшно, – не оглядываясь, отозвался маг и огорченно вздохнул: – Не повезло нам с погодой. Скоро будет дождь.

– Но ты ведь маг? – осторожно осведомилась девушка и впервые осознала, что никто не знает точно, на какие чудеса способны маги.

– Ну да, – подтвердил он и тихо усмехнулся: – И даже магистр. И если очень нужно будет, могу развеять какое-нибудь облачко. А создать – так даже несколько. Но если я сейчас попытаюсь разогнать эти тучи, обложившие долину со всех сторон, то всего лишь выжму себя досуха и буду декаду сидеть на источнике, восстанавливая силы. Поэтому нам придется ехать помедленнее, чтобы не снесло с дороги, и, как только начнет темнеть, – остановиться на ночь в первом попавшемся городке. Ну а теперь про белых магов. Главное, во что они верят и считают неизблемым, – это закон справедливости. Если судьба дала человеку магические способности, значит, он должен позаботиться о тех, кому не повезло.

– Но это же прекрасно, – обдумав его слова, с жаром произнесла Леаттия, и Джарвис тихо засмеялся:

– Я тоже так считал, и когда пробудился дар, пришел в Белую цитадель. Вечерами нас учили плести заклинания, лечить недуги и создавать несложные вещи, а утром выводили на улицы помогать жителям города и окрестных деревень. Сначала руками, как обычные люди, потом магией. Теперь я умею готовить и убирать, доить коров и строить дома, копать погреба и огороды, ковать железо и лепить горшки. И многое другое. Но со временем начал понимать, что не могу ко всем относиться с одинаковой доброжелательностью и любовью, как предписывают законы Белой цитадели. И мне гораздо приятнее колоть дрова скромным старушкам и пахать поля бедным семьям, попавшим в трудное положение из-за болезни или потери кормильца, чем пасти скотину и поливать огород бездельникам, отсыпавшимся до обеда после гулянки. А вот холеным лавочницам, готовым выжать из белого адепта все соки, хотя они вполне могли бы нанять приказчика или помощницу, и вовсе ничего не хотелось делать, хотя закон цитадели суров и гласит однозначно: адепту не подобает судить, кто достоин помощи, а кто нет. Помогать следует тому, кто первый попросит. А если адепты начнут выбирать задания по своему вкусу, то очень скоро возомнят себя судьями и начнут считать выше других. А это противоречит главному принципу Белой цитадели – сильные должны помогать слабым, невзирая на их недостатки.

– Вроде правильный закон... – нахмурившись, задумалась графиня, – но мне тоже больше нравится на городских праздниках угощать сладостями

бедно одетую детвору и калек, а не нищих с маслеными рожками. А темные кому-нибудь помогают?

– Только по контракту.

Маг немного помолчал, ожидая вопроса, потом нехотя буркнул:

– Ну а если вдруг очень захочется помочь, всегда можно нанять одного из друзей.

– Я помню, – задумчиво отозвалась Леаттия, – Эгрис тебя нанял. Мне интересно другое... тогда почему он нас ловил?

– Если бы он нас ловил, – хохотнул маг, – мы сейчас сидели бы в замке Кайора. Все. Только мы с Санди – в подвалах, где оборудованы пыточные, а вы с Эгрисом – в гостиной на два этажа выше.

– Вот как... – снова задумалась беглянка.

Как выясняется, она всю юность, пять лучших лет своей жизни, прожила слепым, глупым щенком. Любила недостойного, боялась доброго, верила лгунам и совершенно не знала окружающего мира, несмотря на кучу изученных толстенных фолиантов и шесть языков, на которых может говорить свободно. Про седьмой, на котором в этом мире говорить не с кем, и упоминать не стоит.

– Но я бы еще лет пять колол дрова и лечил больных в Лиме, – оглянувшись на примолкшую девушку, тихо произнес Джар, – если бы не один случай. Однажды на закате я возвращался в цитадель усталый, почти без магии и сильно не в духе. Пришлось с раннего утра чинить и украшать большой дом для одной прыткой дамы, собравшейся замуж в четвертый раз. За день она извела меня бесконечными придирками и сомнениями. То ей хочется голубую спальню, то все-таки розовую, а спорить с просителями нельзя, ей же потом в этом доме жить.

Почти у ворот цитадели меня поймали двое, холеный мужчина в легкой коляске и заплаканная девчонка, бежавшая следом. «Я первый! – закричал мужчина. – Ко мне гости приехали, нужно срочно приготовить ужин. Садись!» Он уверенно смотрел на меня и ждал, что я безропотно залезу в коляску, солнце ведь еще не село и цитадель пока не закрыла ворота. А я глядел на худенькую, бедно одетую девчонку и видел в ее мокрых глазах отчаяние и неподдельное горе. Когда несколько лет целыми днями работаешь рядом с людьми и видишь все, что скрыто от посторонних за вежливыми словами и приветливыми улыбками, очень быстро начинаешь разбираться в искренности их чувств. «У меня брат, – поняв мое молчание, торопливо залепетала девчонка, – упал с дерева и не приходит в себя. Знахарка велела бежать сюда... может, успею до заката...» С каждым словом она говорила все медленнее, а я видел, как гаснут в ее

душе последние искры надежды, и впервые яро жалел силу, истраченную на оборки балдахин и золотые вензеля колонн. И пойти готовить ужин для толпы гуляк уже просто не мог. Взял девчонку за руку и повел назад, хотя и не надеялся, что мне хватит магии помочь ее брату. Мальчишка наверняка очень плох, раз знахарка оказалась бессильна.

Рассвирепевший проситель с руганью устремился следом, я едва успел отскочить с дороги и выдернуть из-под копыт коня девчонку. А он, озверев от неудачи, яростно взмахнул кнутом, норовя достать нас обоих, хотя все знали, что ударить белого мага невозможно. Единственная помощь, которую Белая цитадель дарует своим adeptам, кроме обучения, конечно, – это надежные защитные амулеты. В них степень защиты всегда зависит от намерений напавшего. Чем сильнее он желает убить белого мага, тем мощнее встающая вокруг адепта магическая стена. Вот в тот момент я и сообразил, где взять силу для лечения пациента. Прикрыв собой девчонку, молча показал озлобленному просителю издевательский знак, и он, от ненависти совершенно потеряв рассудок, принялся лупить меня в наивной надежде достать хоть разок. Но вокруг уже бурлили потоки силы, и я жадно собирал их, впервые за последние годы радуясь быстрому пополнению резерва. А потом просто прихватил девчонку и открыл портал в нижний город.

Маг смолк, уставившись в стекло, по которому стремительно скатывались дождевые капли.

– Ну... – не выдержала молчания Леаттия, – вылечил ты мальчика?

– Вылечил, – сухо отозвался Джар и нехотя добавил: – Просидел с ним всю ночь. А на рассвете к хижине пришли магистры цитадели и забрали у меня защитный амулет и белый балахон.

– Они были не правы, – расстроилась Леа. – Нужно же разобраться.

– Белые никогда не разбираются и никого не судят. Просто не пускают к себе тех, кто не может жить по их законам, – так же сухо пояснил маг и сменил тему: – Мы подъезжаем к небольшому селу, тут есть постоянный двор. Можно переждать непогоду, а утром выехать пораньше.

– Делай так, как считаешь правильным, – немедленно отозвалась графиня. – Я в этом ничего не понимаю.

– Тогда второй вопрос. По свободным землям мы ходим без личин, и все знают это правило. Ты не испугаешься, если я сниму морок и стану другим человеком?

– После того как Каденис оказался главой темной гильдии, я уже никого не испугаюсь, – буркнула Леа и запоздало насторожилась, припомнив, как много сюрпризов скрывают темные маги.

– Каденис тоже ходил по герцогству в личине, – небрежно отозвался Джарвис и медленно обернулся.

Наверное, чтобы дать ей время привыкнуть, успела подумать беглянка, потрясенно рассматривая сидящего перед ней мужчину и с досадой понимая, что скрыть изумление не удастся, как ни старайся.

Узнать спутника оказалось нелегко: из черноволосого бородача неизвестного возраста он неожиданно превратился в довольно молодого и привлекательного блондина с гладко выбритым волевым подбородком.

И только теперь, изучая истинный облик своего спасителя, Леа вдруг ясно припомнила одну хорошо известную всем тонкость. Маги никогда не отпускали ни бороду, ни усы, ни бакенбарды, предпочитая ради экономии времени и сил раз и навсегда с помощью особого зелья избавиться от растительности на лице. Причем в этом они были едины, и белые, и темные, и черные дикари, о которых народ в герцогстве даже говорить вслух опасался.

По этому признаку их и узнавали еще издали, и отчасти потому неодаренные мужчины старались отращивать усики или бороденку, чтобы никто случайно не зачислил в маги. Хотя различного рода проныры иногда пытались изображать из себя чародеев и обманом заработать несколько золотых, но слишком велик был риск попасться, и маги, особенно темные, за такие выходки наказывали очень строго.

А еще Джарвис определенно пришел в Лим, а позднее в Гайртон, не из Банлеи или Овертона, и это тоже казалось довольно необычным. Не так часто можно встретить в городах и селах ее родного герцогства и прилегающих королевств и ханств уроженцев северного княжества Дагор. Все северяне истово преданы своей родине, обожают ее суровую природу и крайне неохотно селятся в чужих землях. Видимо, потому и ходят о них различные слухи, которые, впрочем, и на четверть не соответствуют действительности, как объяснил Леа отец, посоветовавший на всякий случай выучить дагорский язык.

Вот теперь графиня понимала, почему Джар вдруг начал рассказывать ей о своем прошлом, заранее отсекая вопрос, из-за чего он оставил родные края.

– Но у вашего народа нет обычая давать детям имя Джарвис, – пытаюсь прервать затянувшуюся паузу, пробормотала Леаттия на дагорском, отводя взор от синих глаз белокурого северянина.

Хотя у менестрелей и принято называть жителей Дагора златовласыми, в княжестве встречаются шевелюры любого оттенка, от светло-соломенного до бурно-рыжего. А вот стянутые в хвост волосы ее спутника

в неярком свете пасмурного дня были цвета спелой ржи.

– Это имя дали мне в Гайртоне, – ответил он на том же языке, – и я к нему привык.

– Значит, и у тебя в прошлом достаточно тайн, – вслух сделала вывод Леаттия, даже не надеясь на откровенный ответ.

– У кого их нет? – пожал плечами мужчина и добавил, отворачиваясь: – Но в том, что я не беглый княжич, принц или герцог, можешь не сомневаться. В моем роду почти все мужчины – воины или ремесленники, и я этим горжусь.

– А я не считаю, что этого следует стыдиться, – хмуро огрызнулась Леаттия, расслышав в его словах вызов. И, понимая, как опасна тема, на которую они заговорили, примирительно попросила: – Извини за бестактность. Я очень благодарна тебе за помощь и не желала бы обидеть даже случайно.

– Тебе придется пока остаться Лайной, – приняв ее извинения, произнес мужчина минуту спустя. – Это распространенное имя. Да и внешность менять некогда. И кроме того, к харказке никто не начнет приставать с расспросами за моей спиной.

Леа молча согласилась с его доводами и оправила подол платья, тихо порадовавшись, что взяла именно то из домашних одеяний, в котором так часто видела матушку в последнее время. Теперь беглянке очень не хватало привычных и совершенно не ценимых прежде вещей: покоя родного дома, тишины библиотеки, запаха розария, разбитого под ее окнами. Да и много чего еще, но больше всего – родных людей, с которыми можно поговорить, не выбирая обтекаемых слов и тем, и помолчать, если этого просит душа.

– Следуй за мной, – скомандовал маг, останавливая свою странную повозку, и распахнул дверцу.

Леа поспешила выполнить приказ, успев за последние сутки убедиться, как хорошо ее спаситель знает, что делает. Жаль, ничего не желает говорить заранее, но намекать на это Леа никогда бы не решилась. Неизвестно, какое задание выдал ему магистр Эгрис и позволил ли давать какие-либо разъяснения.

Дождь хлестал наискосок с такой яростью, словно собирался промыть до дыр и дом, и смутно видневшиеся неподалеку строения, но вокруг мага бойкие струи повисали в воздухе и стекали, как будто он был заключен в стеклянную чашу. Заметив, как спутник приостановился, ожидая ее, Леа подхватила подол и поспешила нырнуть в эту чашу.

Всего пять шагов, и они оказались на защищенном навесом крыльце

перед приветливо распахнувшейся дверью.

Невидимый купол вмиг пропал, а маг уверенно вошел в полутемное помещение, пропахшее кухней и первоцветами, стоящими на единственном столе в глиняной крынке.

– Лучшие комнаты, – направляясь к лестнице и не заботясь более о спутнице, на банлейском небрежно бросил маг бегущему навстречу парню в желтом фартуке и пышной поварской шапке. – И ужин немедленно.

– Что на ужин? – робко осведомился подавальщик у спины прошагавшего мимо северянина, и тот, не оглядываясь, приказал:

– Самые свежие блюда. Холодное не приноси.

– Вам вместе или отдельно? – упавшим голосом проговорил парень, окидывая внимательным взглядом проходящую мимо харказку в стареньком платке и ношеном платье явно с чужого плеча.

– Отдельно, – донеслось с лестницы, и Леа крепче стиснула зубы.

Значит, так нужно, и, если разобраться, это даже правильно. Странно было бы, если бы один из темных магистров начал оказывать особое внимание беженке из Харказа. Особенно одетой так небрежно, почти на грани нищества.

– Дана, покажи гостям лучшие комнаты! – крикнул невидимой служанке подавальщик и ринулся куда-то с прытью гончего пса.

Графиня неторопливо поднималась по лестнице, с интересом рассматривая заведение, в каких никогда раньше не была и которые знала лишь по описаниям в романах. Наверное, это был неправильный постоялый двор, потому что большого зала, заставленного длинными столами и грубыми скамьями, на которых сидели с огромными кружками наемники и бандиты, нигде не было. Из довольно просторной комнатки, куда они попали с крыльца, вели в разные стороны пять или шесть разномастных дверей да вот эта лестница, начинавшаяся едва ли не с середины помещения. И о том, что это постоялый двор, можно было догадаться только по еле слышному звону ножей и крышек, доносившемуся из какой-то комнаты.

Да по странным бумажкам, лежавшим на столе вокруг букета. Но рассмотреть их ближе Леаттия не решилась, вовремя сообразив, что нищим харказкам вовсе не свойственно читать бумаги на чужом языке.

Лестница вывела графиню в коридор второго этажа, более светлого и уютного, чем нижняя комната. Здесь в настенных подсвечниках горели хорошие голубоватые свечи, пол был застелен длинным светло-серым валяным ковром с алой полосой по бокам, а створки дверей украшали различные рисунки, явно творение местного самородка.

– Мы можем натопить баню или принести купель в комнату, только прикажите, – где-то слева щебетала сладким голоском невидимая Дана, и, поразмыслив, Леа двинулась в ту сторону.

– Ужин, – холодно отрезал маг. – И побыстрей. И комнату моей спутнице.

В коридор откуда-то выпорхнула девушка в кружевном кокетливом чепчике, мечтательно вздохнула и увидела Леаттию.

– Это спутница?

Сначала графиня хотела ответить вежливо, но пренебрежительно сморщившийся носик служанки мгновенно убил это желание, и Леа смолчала, соорудив самое равнодушное выражение лица.

– Ну идем, спутница, – мотнула головой Дана и, не глядя на гостью, помчалась по коридору. Выбрала одну из комнат, заглянула внутрь и процедила сквозь зубы: – Заходи. Ты по-нашему понимаешь?

Теперь Леа молчала не из упрямства, а из любопытства, желая посмотреть, как выкрутится из этого положения служанка.

Но та, видимо, уже имела опыт подобного общения – соорудила грозную гримасу и, строго погрозив пальцем, объявила:

– Ходи как мышка, ничего не трогай и не переставляй! Потом принесу еду и все расскажу.

Развернулась и удалилась, считая свою задачу выполненной.

Графиня постояла немного, ожидая, не вернется ли горничная. Прист и Берта частенько так делали, поясняя, будто им почудился окрик, а на самом деле пытаясь застать хозяйку врасплох за открытием тайника или еще за каким-нибудь другим секретным занятием.

«Глупые», – усмехнулась воспоминаниям графиня, прошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Тому, как хранить семейные тайны, ее учили особо и проверяли строго. Потому-то опытные соглядатаи так и не сумели ничего вызнать, даже когда она осталась сиротой.

– Вот еда, – без стука ворвалась в комнату горничная, поспешно поставила на стол поднос со свечой и парой тарелок, бдительно оглядела комнату и побежала к стоящей в нише кровати.

Свернув и спрятав в шкаф нарядное покрывало, Дана ткнула пальцем в маленькую дверцу и показала жестами, что там умываются.

– Понятно, – коротко пробормотала по-харказски Леа, не желая долго разыгрывать из себя комедиантку.

– Ну хоть «понятно»! – буркнула служанка, очевидно уже слылавшая раньше это слово, и снова погрозила пальцем: – Да смотри поаккуратнее!

А затем ушла, заносчиво задрав личико, на котором застыло

откровенное презрение.

Леаттия только головой огорченно качнула. Хорошо, что она знает столько языков и за последний месяц привыкла обходиться почти без помощи слуг. Берта себя обязанностями горничной особо не утруждала, а выполнять грязную работу вроде уборки и стирки приводила откуда-то донельзя запуганных молчаливых помощниц.

А будь Леаттия на самом деле беженкой из Харказа, ей здесь пришлось бы очень нелегко, все незнакомо и чуждо: язык, правила, обстановка и даже еда.

Вздыхнув, девушка отправилась умываться, раздумывая попутно о том, как обойтись без ночной сорочки. Джар пришел в постоялый дом без багажа, и просить его принести мешок казалось графине неделикатным, маг явно устал и собирался поскорее лечь отдыхать. Значит, придется спать в платье, в конце концов, она ведь заранее не ждала никаких удобств от жизни в бегах.

Вернувшись в комнату без платка и с полураспущенными косами, которые собиралась переплести на ночь, девушка неожиданно для себя обнаружила гостя. Возле стола сидел сердито поджавший губы Джар, и в первый момент графиня изумилась, не ожидая увидеть здесь мага.

– Тебе еды не дали? – пробормотала Леаттия задумчиво и покосилась на тарелку, в которой уже явно покопался ее спутник.

– Свежее еще готовится, – едко передразнил кого-то Джар и хмуро упрекнул: – Ты могла бы и сама додуматься, что горячее не делается так быстро.

– Боюсь, – в ответ горько улыбнулась девушка, – еще недавно меня никто не считал догадливой.

– Что ты хочешь этим сказать? – мгновенно напрягшись, пристально уставился ей в глаза маг и тут же жестом остановил: – Подожди.

Махнул рукой, распахивая магией дверь, и негромко, властно приказал:

– Несите сюда.

В коридоре послышалось сердитое перешептывание, потом в проеме появился встречавший их подавальщик, принесший уставленный блюдами поднос. От еды шел парок и запах жареного мяса, через руку парня был переброшен кусок белоснежного полотна.

– Все как вы велели, – ставя еду перед магом, старательно улыбался парень, но его бледные губы едва заметно дрожали.

– Отлично, – спокойно кивнул маг. – А где еда для моей спутницы?

– Еще не готова... – проблеял бледный подавальщик.

– А разве вы готовили не вместе? – пронзительно глядя на него, усмехнулся Джарвис и пожал плечами: – Ну, подождем немного. Но учти: если через три минуты твоя помощница не принесет второй такой же поднос, у тебя начнут очень быстро расти уши и нос.

– Простите его! – влетела из коридора Дана и со злыми слезами уставилась на мага. – Это я принесла сюда утреннюю кашу, харказка была не против. Все они такую любят.

– Лайна, горничная тебя спрашивала, что принести? – по-харказски осведомился Джар, и по его строгому взгляду девушка поняла, что выгородить спесивую дурочку не удастся.

– Она не знает по-нашему, – тихо прошелестела графиня на том же языке, – но, наверное, хотела меня поскорее накормить.

– А это мы проверим, – сообщил со зловещей усмешкой маг и снова перешел на банлейский, бывший одним из самых ходовых языков в свободных землях: – Ты понял, о чем мы говорили?

– Да, господин, – безнадежно смотрел себе под ноги подавальщик. – Наверное, Дана не то услышала, она плохо знает харказский. Нужно было мне самому прийти проверить... но я не мог бросить кухню. Наказывайте меня.

– Да лжет ваша черномазая! – зарыдав, загородила собой подавальщика служанка. – Они все лживые и ленивые. Сначала хотела каши, потом капризничать начала...

– Ты имеешь право решать, что подавать постояльцам? – холодно изумился Джар. – И кому можно капризничать, а кому нет?

– Да... – В запале Дана хотела еще что-то крикнуть, но подавальщик, развернувшись, зажал ей рот ладонью.

И тотчас поплатился – расвирепевшая горничная яростно вцепилась в нее зубами. Парень зашипел от боли, отдернул руку и торопливо замотал салфеткой. А Дана попыталась что-то сказать, но так и не смогла раскрыть губ, по которым стекала струйка крови.

– За лживость и спесь месяц будешь молчать, жить в сеннике и ходить за скотиной, а есть только холодную пшенную кашу, – ледяным тоном вынес ей приговор магистр. – Забирай тот поднос и уходи из дома. Теперь ты. За попытку обмана ты уже поплатился, добавлять не стану. Но запомни: свое наказание она должна выдержать сама. Всякий раз, как ей принесут другую еду или попытаются помочь, срок наказания будет начинаться сначала.

– Понял, – с ненавистью глянул парень. – Можно идти готовить?

– Иди.

– Даже не знаю, – хмуро сказала Леаттия на дагорском, – что мне более не нравится. Правило белых магов никого не судить и ни на что не обижаться или привычка темных щедро раздавать наказания.

– Вообще-то, – ответил на том же языке магистр, достал из воздуха нарядную тарелку, и принялся наполнять ее едой, – мы тоже никогда не вмешиваемся в чужие дела, а лишь если нас попросят помочь. За плату, разумеется, бесплатные подачки портят людей. Но вот обманывать себя, судить и оскорблять не позволяем никому, а эта Дана посмела назвать меня дураком за то, что вожу с собой не такую привлекательную девушку, как она, а черномазую харказку. Ешь.

Он поставил полную тарелку перед Леаттией и подвинул к себе поднос.

– Откуда ты знаешь? – не поверила графиня.

– Привычка, входя в любой дом, кроме домов друзей разумеется, первым делом отправлять во все комнаты наблюдающее заклинание. Такой невидимый глаз, следилка по-нашему. Поэтому и знаю, что твою кашу она принесла без ведома поваренка, всыпав в нее лошадиную дозу снотворного порошка.

– Зачем? – не поняла беглянка.

– Чтобы ты не помешала ей ночью доказать мне, кого нужно одаривать украшениями и кормить деликатесами, – невозмутимо пояснил Джарвис, краем глаза поглядывая на задумавшуюся графиню.

– Но тогда она еще более наивна, – насмешливо заявила Леа и принялась за еду.

– Интересный вывод, – задумчиво изогнул бровь маг. – Даже понять не могу, как ты к нему пришла. Кстати, можешь говорить на родном языке, нас никто не поймет, я всегда держу вокруг себя искажающий щит.

– Мне не трудно – наоборот. Это хорошая тренировка, кроме отца и матери только один человек свободно говорил на дагорском.

– Угу, – кивнул с набитым ртом маг, прожевал и спокойно пояснил: – Старый зануда-химик, у которого в голове ни одной человеческой мысли, одни только формулы.

– Не может быть, – уронила вилку Леаттия. – Мастер Белгосто хорошо известен в Югрете, он готовит зелья для самых знатных жителей. Иногда даже для Кайора. После помолвки всех моих учителей, которых приглашали родители, должен был одобрить герцог.

– А еще Белгосто имеет небольшой магический дар и в юности предпочел вступить в темную гильдию, – невозмутимо кивнул Джар. – И отказать Эгрису в просьбе просто не мог. Поэтому алхимии тебя учил я.

Пять месяцев, по два урока в декаду.

– Понятно... – вернулась к еде Леаттия, припоминая тощего высокого алхимика с крючковатым носом и въедливым характером, который впервые появился в замке за месяц до гибели отца. И перестал приходить после того, как Кайор счел, что его невесте более не нужны никакие учителя и достаточно книг по этикету и воспитанию детей.

– А мне – нет, – доев, отодвинул тарелку Джарвис и задумчиво пригубил легкое белое вино. – Тогда ты была совершенно другой... и, кстати, поясни намек на свою смышленность.

– Это не намек, – не согласилась девушка. – После сегодняшнего пожара у меня словно одеяло с разума снялось. Я вспомнила многое, о чем стала забывать, начала быстрее понимать суть происходящего и видеть связь между событиями. А потом припомнила, что до помолвки отец всегда хвалил мою память, мне легко давались языки, любой стих достаточно было прочесть два раза, чтобы заучить наизусть, как и все остальное. А после того как на моем запястье оказался браслет Кайора, я словно поглупела... причем сама в тот момент ничего не заметила. Только теперь понимаю странные, сочувствующие взгляды родителей и одну тонкость, которой тогда не придавала значения. Отец перестал радоваться моим успехам в обучении, он всегда был скрупулезно честен и не умел лукавить ни в чем. Особенно с родными. Ну а если кого-то обманывал, значит, считал врагом, а свою ложь – военной хитростью.

– Это я знаю. А вот про способности даже не догадывался, хотя начинаю очень ясно понимать, ради чего он так с тобой поступил. Слишком умная жена ему вовсе ни к чему. И теперь еще сильнее жалею твоих родителей – у них были связаны руки. Незавиднее и безысходнее участи побежденных правителей только доля их потомков.

– Спасибо, – с сарказмом хмыкнула Леа, – ты умеешь утешать. Но я отчетливо осознала это еще месяц назад и потому так уверена в своем выборе пути.

– Главный выбор у тебя впереди, – поднимаясь из-за стола, хмуро намекнул маг. – А теперь пора отдыхать. Мешок с твоими вещами стоит возле кровати, там нет лишь украшений. Они уже чисты, но слишком узнаваемы... лучше пока не носить.

Неторопливо вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь.

– А еда? – вспомнила Леа про так и не появившегося поваренка, постояла в раздумье и задвинула засов.

Скорее всего, парень сейчас утешает горничную и ему не до мстительных постояльцев. Ну а если и появится, постучит.

Глава восьмая

В дверь стучали, Леа ясно слышала сквозь сон этот грохот, но отчаянно не желала окончательно просыпаться, открывать глаза и вылезать из-под теплого одеяла. Наоборот, пыталась залезть под него с головой и там затаиться, дожидаясь, пока у стучащего не кончится терпение.

– Лайна! – вдруг почти рядом раздался голос Джара, и девушка мгновенно проснулась, словно облитая холодной водой.

Приподняла голову и осторожно огляделась, ища взглядом нахального спутника. Но рассмотрела только сереющее небо за окном и стол с остатками ужина.

– У тебя десять минут, чтобы собраться, – произнес тот же голос откуда-то из-под потолка, и девушка недовольно нахмурилась.

Не нравились ей подобные шутки магов.

– Уже встаю, – огрызнулась она почти сердито, минуту полежала и нехотя отбросила одеяло.

Спорить со спасателями некрасиво, а с магами – еще и опасно.

Но пока поспешно умывалась и одевалась, ясно вспомнила о намерении мага выехать пораньше и начала понимать, что торопится он неспроста. И значит, зря бурчала, ее везут как королеву, заботятся и охраняют, а она еще и капризничать надумала. Нужно будет обязательно попросить у Джара прощения, некрасиво отвечать грубостью на заботу.

Снова стук раздался, когда девушка уже успела заплести косы и завязать платок, и на этот раз Леа бежала к двери бегом.

– Доброе утро, – поздоровался на харказском маг, коротко и выразительно глянул на Леа и первым вошел в комнату. – Вот эта женщина поможет тебе причесать волосы и собраться. Завтракать будем в другом месте.

Из-за его спины вышла невысокая пожилая служанка и вежливо поклонилась. Но в ее глазах не было ни капли тепла или расположения.

– Я уже собралась, – мигом приняв решение, кротко опустила взор Леаттия. – Вот мешок.

– Тогда идем.

Однако Джарвис двинулся не к выходу, а к окну, взмахом руки распахнул створки и кивком позвал беглянку. Графиня покорно шла за ним, догадываясь, что никаких вопросов сейчас задавать не следует.

За окном мелькнула непонятная тень, придвинулась вплотную,

загородив бледное зарево рассвета, и оказалась темным лакированным боком повозки. На этот раз она снова была похожа на лодку, только с крышей, и Леа уже почти не удивилась ее преобразению. Но, подойдя к окну, замерла в нерешительности, не понимая, каким образом туда попасть. Все сомнения решил Джар, просто подхватив ее на руки и посадив на подоконник ногами в сторону повозки.

Девушке ничего не оставалось, кроме одного: набраться храбрости и сползти в ставшее довольно узким и тесным нутро волшебной лодки. Кресла на этот раз стояли чередой, и графиня благоразумно выбрала заднее. Джар молча сунул ей под ноги мешок, скользнул на переднее сиденье и задвинул дверцу. А через миг лодка уже летела вверх, и в довольно широкие боковые оконца врывались первые лучи восходящего солнца.

Некоторое время они сидели молча, потом маг оглянулся:

– Ничего не хочешь спросить?

– О чем?

С вечера, устроившись на непривычно жесткой кровати, Леаттия уснула не сразу. Довольно долго она размышляла обо всем, о чем не успела подумать, получив записку и сделав решительный шаг в никуда. О том, как будет жить дальше, что значат слова спасителя про выбор и зачем она могла понадобиться темным магам. Ведь не стал бы просто так глава гильдии спасать хоть и знатную, но небогатую и, как выяснилось, весьма наивную девицу? Не зря же Джар все время подчеркивает, что бесплатно они никому не помогают и ничего не делают.

– Ну... хотя бы о той наглой служанке. По-моему, тебе не понравилось выбранное для нее наказание.

– Если бы я сказала, что не понравилось, ты ведь не повернул бы лодку, чтобы возвратиться и простить ее? – приподняла бровь Леа.

– Нет, – помолчав, ответил маг и нехотя пояснил: – Нельзя так резко менять свои решения. Но это не значит, что ты должна думать так же, как я.

– А я и не думаю так же. Но это ваши земли, вы устанавливаете здесь свои порядки и назначаете поощрения и наказания. И я не имею никакого права подрывать ваш авторитет.

– Понятно. – В голосе Джара явно слышалось разочарование, и Леаттии стало интересно, что именно он собирался выяснить таким способом?

Насколько она справедлива и добра или нечто другое? Но во всех случаях он ее явно проверял, и вот это совершенно не понравилось бывшей графине. Незачем устраивать ей испытания, не для того она перечеркнула

прошное, бросила все, что у нее имелось, и сбежала куда глаза глядят. Причем – вовсе не ее собственные. Но говорить об этом прямо – не самый здравый поступок, сейчас ей лучше всего вести себя поосмотрительнее, побольше помалкивать и ждать прибытия в Гайртон. Там все станет понятнее, не зря же глава гильдии так спешил оказаться в родном городе.

– Тогда я расскажу о главных законах жителей нашего города, – хмуро предложил маг. – Тебе придется там пожить... пока не знаю сколько. Главных правил всего три, но мы соблюдаем их очень строго и нарушаем только в исключительных случаях. И первое – к башне мага нельзя даже приближаться. Впрочем, почти у всех растут вокруг колючие кусты. И, разумеется, нельзя звать мага, когда он занят в башне делами, кричать или стучать. Тем более бросать камушки или шишки.

– Ясно, – кротно кивнула Леа, а чего тут не понять?

Даже когда делаешь в пробирке самую простую смесь, может отвлечь и вызвать ошибку любая мелочь, чужие шаги, окрик или шорох, а магистры творят необычные зелья.

– Я и не сомневался, – усмехнулся маг язвительно и на миг стал похож на алхимика Белгосто. – Второе правило – темные маги не любят в доме чужих, и даже если его домочадцы будут тебя приглашать, следует отказаться. Больше того, у нас даже приветствовать друг друга на улице не положено, если на это не получено разрешение.

– Просто ходите молча, как незнакомые? – заинтересовалась девушка.

– Просто, – передразнил Джар, – маги ездят в повозках или на лосях. А если бесцельно бродят вокруг дома или по аллеям – значит, обдумывают какой-то опыт или задание, и лучше им в этот момент не мешать. Ну и третье правило. Кроме меня и Эгриса, ни у кого ничего брать нельзя, ни еду, ни питье. Даже стакан воды у какой-нибудь милой девочки. Домочадцы темных магов живут скучновато и любят подшучивать над чужими. А тебе превращение в гигантскую жабу может очень не понравиться.

– Почему именно в гигантскую? – недоверчиво нахмурила лоб Леаттия.

– Я думал, ты спросишь, почему в жабу, – насмешливо фыркнул маг. – Но с огромной все просто. Магия, конечно, может за несколько секунд испарить из твоего тела половину воды и сделать тебя вдвое легче, но человека такое убивает мгновенно, как молния. Можно добавить воды и животного белка, но это тоже убивает. Поэтому, если маг не желает навредить здоровью живого существа, он должен сохранить его вес в неприкосновенности.

– Это я знаю, – отмахнулась Леаттия и, не заметив промелькнувшего в

глазах мага изумления, пояснила: – Просто, когда ты так сказал, мне представилось нечто величиной с лошадь. Ну а почему в жабу, я догадываюсь. У нас с ней строение скелета и костей конечностей совпадает.

– Все верно. – Джар задумчиво кивнул. – Достаточно заклинанием заставить человека согнуться и опуститься на корточки, потом изменить ему цвет и плотность кожи... или просто навести иллюзию, и все увидят жабу.

– Но разве это не сложное заклинание? – засомневалась графиня. – Мне казалось, детям такое не под силу.

– Домочадцы бывают разные, – усмехнулся маг. – У одних живут в доме ученики, у других жены и родственники – тоже одаренные. А у некоторых дети подросли и осваивают ремесло отца. И иногда очень даже успешно. А заклинания наказания – превращения в жабу или дерево – мы часто закладываем в амулеты, и их вполне можно купить в лавке.

– Но ведь у вас нет лавок?

– В нашей части Гайртон, на правом берегу Хаоро, нет. А на левом, восточном берегу, сразу за мостом – большая рыночная площадь, и там есть все.

– На картинках не было восточной части, – припомнила Леа.

– Там живут бездарные... обычный город. Но по закону магов дома они могут строить на любом свободном месте, а всевозможные шумные, грязные кузни и мастерские – только на южной окраине. Там постоянный ветер из ущелья, и он относит дым в сторону. Больше у тебя нет вопросов?

– Только один, – решила Леа. – Если вы так не любите гостей, то почему ты позвал нас с Санди?

– Ну, во-первых, у меня дом довольно просторный, по нашим меркам, я купил его у мага, у которого сначала была большая семья. А потом он решил переехать в дом поменьше.

– И что с ней случилось? – Леаттии живо припомнился собственный опустевший замок.

– Большие семьи имеют обыкновение таять. – В голосе Джара скользнула невольная печаль. – Дети строят свои дома или уезжают, а он не ужился с собственным сыном. Не ругался, нет, просто они маги, и каждому нужна собственная башня. Можно было построить вторую, но они решили продать дом и купить два поменьше. А я, наоборот, искал тогда большой дом.

Маг резко замолчал и отвернулся, и Леа с огорчением поняла, что совершенно случайно задела его за живое.

Больше она ни о чем не спрашивала. Устроилась поудобнее в кресле, отметив мельком его ширину и мягкие подушки, и задумалась о своем будущем. Оно до сих пор оставалось скрытым туманом неизвестности, и графиня даже приблизительно не могла предположить, какие планы вынашивают насчет нее маги Гайртон. Но планы, несомненно, были, иначе они сразу пояснили бы ей, на какой вариант можно рассчитывать. И поэтому нужно быть настороже, не зря ведь про темных говорят, что они ценят только тех, от кого можно получить какую-то выгоду.

– Лайна! Просыпайся! – упорно бубнил кто-то над ухом мужским голосом, вытаскивая девушку из сна, где было солнце, цветущий луг и кто-то родной, но смутно узнаваемый.

– Ну что ты портишь такой сон, – обиженно отмахнулась Леа, потом, просыпаясь, нехотя распахнула глаза и начала понимать, где находится.

Так и сидит в чудесной лодке, только рядом открыта дверца, и возле нее, держа в руках дорожный мешок, стоит весело ухмыляющийся маг.

– Сейчас дойдешь до своей комнаты и можешь спать сколько влезет, – терпеливо объяснил он, а заметив, что Леа уже смотрит на него вполне разумно, коварно добавил: – Если не хочешь узнать, чем кормят на завтрак у темных магов.

– Хочу, – честно призналась Леаттия и вылезла из лодки.

– Тогда иди за мной. – Маг отвернулся и направился к двери, а беглянка на минуту задержалась, с любопытством озираясь вокруг.

Как выяснилось, лодка остановилась не на дорожке и не на крыльце, а на втором этаже, на широком балконе без перил, судя по всему, как раз для этого и предназначенном.

А картинки в альбоме все же слегка лукавили: деревья, вольготно разбросанные по окружающей дом лужайке, оказались хоть и высокими, но не гигантскими. Просто домики, чьи башни и замысловатые флюгера изредка возвышались над кронами, были намного меньше, чем привычные Леаттии городские особняки Югрета.

Больше ничего интересного сверху рассмотреть не удалось, и графиня направилась к распахнутой настежь двери, за которой виднелась небольшая, довольно скромно обставленная комната. Когда девушка переступала порог, ее на миг окатило жаром, но это ощущение сразу исчезло. Зато остался очень заинтересованный взгляд мага, следившего за ней из глубины комнаты.

– Ты меня проверяешь? – начала сердиться графиня.

– Не тебя, – покачал он головой, – а твои странные способности.

– Никаких способностей у меня нет, – холодно процедила беглянка, на миг выпустив наружу фамильную гордость дочери герцогов Брафортских. И сразу же спохватилась: – Неужели ты до сих пор не проверил?

– Эгрис проверял, – неохотно пояснил Джарвис и отвернулся. – Идем, покажу твою комнату. Она на первом этаже, рядом с купальней. Еще там комната Санди, кухня и столовая.

– Понятно, – сухо отозвалась Леа, делая для себя вывод.

Раз сам он прилетает на второй этаж, значит, и друзья приходят туда же, и в таком случае ей с травницей на втором этаже делать нечего.

– Вот, – спустившись по скрытой между стен лестнице, открыл створку маг, и они оказались в широком коридорчике, куда выходило еще несколько дверей.

Распахнув одну из них, хозяин небрежно отправил туда магией знакомый графине мешок и показал на соседнюю угловую дверцу:

– Умывальня. Десять минут тебе хватит? Завтракать пора.

– Разумеется... – Леа невольно перешла на привычный суховатый тон, каким обращалась с чужими, и тотчас с досадой прикусила язык.

Но маг словно ничего не заметил, развернулся и спокойно направился к самой широкой, двустворчатой двери.

В мешке, кроме вещей Леаттии, оказалось два шелковых харказских одеяния и тонкий темно-синий батистовый платок с потайными узорами.

– Все ясно, – невесело усмехнулась беглянка, пряча обнову в пузатый вместительный шкаф, разгородивший комнату надвое – на крохотную спальню и такой же небольшой будуар. – Смуглянкой мне придется жить еще долго.

И это Леаттию не пугало, но прежде она все же собиралась выяснить тонкости договора, заключенного матерью с Эгрисом, и потому надела старое платье. В нем девушка почему-то чувствовала себя защищенной от всех бед, словно материнская любовь хранила ее через потертую ткань. И сама понимала, как наивны ее надежды на доброту темных магов, но продолжала верить в судьбу, как узник, еще не услышавший рокового приговора.

В столовой уже хлопотала Санди, и Леа едва не прослезилась, увидав ее худенькую проворную фигурку.

– Доброе утро, – улыбнулась та в ответ на приветствие. – Садись к столу, Джар уже испек пирог.

– Что, сам? – изумилась графиня и тут же вспомнила, как он рассказывал о своих умениях. – Ах да... я думала, у него есть служанка.

– С сегодняшнего дня даже две, – появляясь из боковой двери с большим блюдом, на котором были красиво разложены румяные кусочки пирога, насмешливо сообщил маг. – Санди будет поваром.

Графиня только молча кивнула, даже не собираясь спорить. Сама она и близко не представляла, чем топят кухонную плиту и с какой стороны режут пирог, не говоря уже о его приготовлении. Поэтому совершенно справедливо, если ей дадут работу попроще, пыль стирать, например. Это она хоть видела как делается.

Пирог оказался просто великолепным, намного вкуснее тех блюд, что принес вчера поваренок, и Леа невольно пожалела мага, вынужденного есть невкусную еду, когда сам отлично умеет готовить намного лучше.

– Извини, Джар, – невпопад сказала она и пояснила, глядя в изумленные синие глаза: – Я не привыкла так рано вставать, потому и ворчала.

– А я уже испугался, – пошутил маг. – Ты начала это говорить с таким видом, будто хотела обвинить меня в чем-то страшном. Например, в жестоком издевательстве над бедной служанкой.

– Нет, про нее я, к сожалению, даже не думала, – хмуро призналась графиня. – Тем более что все равно ничем не могу ей помочь. Да и не желаю, если честно. Не похоже, чтобы она раскаялась, скорее жалела, что попалась.

– Туда уже отправился Люций, он отвечает за те места, – произнес Эгрис, неизвестно когда очутившийся в комнате, и приветливо улыбнулся Леаттии: – Доброе утро, Лайна. Я пришел спросить, ты готова к разговору или сначала несколько дней отдохнешь, осмотришься?

– И сойду с ума от дум, – в тон ему добавила графиня. – Лучше поговорим сейчас.

– Тогда идем в кабинет, – поднялся с места Джарвис. – И Бензора позовем.

– Это мой друг, – пояснил Леаттии глава гильдии, – и помощник. Он обо всем знает, а кроме того, сильный маг и хранитель артефактов гильдии.

Леа кротко кивнула, не совсем понимая, зачем показывать ее хранителю этих самых артефактов, но начиная подозревать, что больше всего любознательным магистрам хочется разгадать тайну ее способностей, как сказал Джар. И пошла следом за магом покорно, не проронив и слова, как настоящая служанка.

Эгрис пришел последним и привел с собой сухощавого высокого мужчину с седыми волосами, но по-молодому живыми глазами.

Маги расселись вокруг большого стола и некоторое время молчали,

рассматривая Леаттию так, словно до этого никогда не видели. А тоненькая темнокожая и черноглазая девушка сидела перед ними с безучастным, отрешенным видом, словно и на самом деле была бедной беженкой из Харказа.

– Я выполнил твой заказ, – хмуро произнес наконец Джарвис, не глядя на главу гильдии. – Привел в Гайртон девушку, о которой мы договаривались, в целости и сохранности.

– Можешь забрать свою награду, – так же пасмурно отозвался Эгрис и глянул на хранителя: – Бензор, отдашь ему мою синюю шкатулку.

Они снова смолкли, посматривая на Леаттию, но она так же упорно молчала, вспоминая слова отца. Если кому-то от тебя что-то нужно, дождись, чтобы он заговорил первым, тогда наверняка не ошибешься.

– Лайна, – наконец не выдержал глава гильдии, – ты ничего не хочешь спросить?

– Нет, – мягко отказалась графиня, помедлила и осторожно добавила: – А матушка не оставляла мне письма?

– Не оставляла, – странно посмотрел на нее Эгрис, – но дала свою книгу. Вот она.

Достал из-за отворота черного камзола маленький прямоугольный предмет, завернутый в темный траурный шарф, и бережно подал Леаттии.

– Спасибо, – хриловато шепнула девушка, с трудом проглотив сжавшую горло боль. – А на словах?

– Сказала, ты сама все поймешь.

Леа едва заметно кивнула: все верно, так она и должна была сказать, если действовала не по принуждению и не вполне доверяла собеседнику, но знала, что их никто не подслушивает. Всего было пять вариантов ответа для такого вот скорбного крайнего случая, и все их Леа заучила еще лет в двенадцать. Ее родители знали, что однажды их налаженная, но ненадежная жизнь может резко измениться, и готовились к этому заранее. И письмо для нее есть, в книге, но прочесть не сможет никто, кроме нее.

Маги по-прежнему молчали, и их лица становились все угрюмее и разочарованнее, но беглянка никак не могла понять, чего они от нее хотят. И напрасно ожидала того выбора, на который намекал ей Джар.

– Я вам ничего не должна? – наконец прохладно осведомилась девушка, не выдержав этого упорного нежелания объявить ей свои условия.

– Нет, – сухо произнес Эгрис и скрепя сердце буркнул сквозь зубы: – Но с этого момента мы тебе тоже не будем ничего должны. Ни защищать, ни помогать.

– Поняла, – резко встала из-за стола графиня. – Значит, я немедленно

ухожу отсюда. Джарвис, ты отдашь мне мои вещи?

– Да. – Мрачный как туча маг поднялся со стула и вынужден был идти следом за девушкой, стремительно мчавшейся вниз по лестнице.

Возле распахнутых дверей в ее спальню остановился, посмотрел, как графиня, вытряхнув из мешка на кровать все свое небогатое имущество, дрожащими руками неумело увязывает его в узел, и, яростно скрипнув зубами, вошел в комнату.

Захлопнул за собой двери, обошел кровать и встал напротив Леаттии так, чтобы его нельзя было не заметить.

– Принес? – на миг подняла она взор и тотчас опустила, продолжая воевать с упорными одежками.

Но магу и этого мгновения хватило, чтобы рассмотреть залитое слезами девичье лицо и до крови закушенную губу. Он рыкнул про себя, стиснул пальцы в тугие кулаки и досчитал до девяти, на большее не хватило терпения. А потом скрипучим, въедливым голосом алхимика Белгосто строго произнес:

– Леаттия Люсилия Гардез Брафорт! Вы неверно поняли условие задания, спутали компоненты и получили ложный результат.

Магией смел все имущество гостыи в шкаф, развернулся и направился к дверям.

– Я и без всего уйду, – хватая сверток с матушкиной книгой и ясно понимая, что идти ей некуда, всхлипнула Леа.

– Ты не слышала, что я сказал? – остановившись возле выхода, сурово осведомился маг, но девушка уже ничего не могла ни понимать, ни отвечать.

Давясь слезами и болью, лишь сейчас с предельной ясностью осознав, что она теперь осталась одна на всем свете и никому нельзя ни доверять, ни открывать родовых тайн, Леа пыталась протиснуться мимо него к двери. Ей хотелось только одного: уйти подальше, забиться в какую-нибудь пещерку или под куст и оплакать огромное, неизбежное и непоправимое горе, свалившееся на нее по вине проклятого Кайора.

– Леаттия! – Поймав девушку за плечи, маг тряхнул худенькое тело, и только в этот момент ощутил, как нещадно колотит ее начинающаяся истерика. – Леа!

Он не нашел ничего надежнее, чем прижать девушку к себе, мягко погладить по растрепавшимся волосам и незаметно послать успокаивающее заклятие, совсем слабенькое. Но графиня вдруг вспыхнула в его руках горячечным жаром, опалила лицо и руки угрожающим дыханием огня.

– Что ты пытался сделать? – вмиг приходя в себя, насторожилась она. – Подчинить? Соблазнить?

– Зачем мне это? – неожиданно оскорбился ошеломленно взирающий на нее маг. – Если бы мне это было нужно, я бы обошелся без всяких заклятий!

Посмотрел на побледневшую гостью, снова скрипнул зубами, отстранился и вернулся в комнату. Сел на стул, потер руками виски и глухо проворчал:

– Это успокаивающее заклинание, абсолютно безвредное. Я же еще и лекарь, привык так успокаивать пациентов. А у тебя начиналась истерика.

– У меня никогда не бывает истерик... – еще возражала Леаттия, но уже понимала, что ничего не может теперь сказать о себе с уверенностью, ведь четыре с половиной года она была не такой, как должна бы.

Страшное в своей ясности осознание глубины потери снова окатило ее волной обиды и непоправимости, и девушка горько всхлипнула.

– Предлагал я тебе отдохнуть несколько дней, – с досадой буркнул маг, – и только потом начинать разбираться в своих делах, так нет, заторопилась! Куда, спрашивается?

– Мог бы намекнуть... – прорыдала Леа. – Я вообще ничего о вас не знаю!

– Вот и узнала бы. – Он вздохнул еще тяжелее и, глядя в окно, нехотя выдавил: – Мы же темные маги. Темные... понимаешь? Я ведь тебе объяснял.

И говорил, и намекал, ясно припомнила Леаттия, вытирая платочком лицо. Про то, что они доброе утро или спокойной ночи не скажут без разрешения. И никогда не пойдут в гости, если хозяин дома не пригласит.

Интересно почему? Настолько ценят свое время или не любят, чтобы вмешивались в их дела? Так сильно, что приняли за самое главное негласное правило никогда не вмешиваться в чужие, пока их не попросят или не наймут?

И как тогда быть ей? Она ведь тоже не может просить, просто не имеет права, не зная, какую за это заломят цену. Но и идти некуда, это Джар верно сказал... хотя и ушла бы, если бы он не остановил. Против всех своих правил остановил, надеясь на ее рассудительность.

А откуда у нее взяться здравомыслию, он хотя бы подумал? Определенно нет, и значит, об этом нужно говорить открыто, так, как она никогда не умела, да и не должна была уметь. Стало быть, придется учиться, хотя все в душе бунтует против такой, несвойственной ей откровенности. Но иначе не выжить, и лучше сейчас переломить свою

гордость, чем после кто-то сломает ее саму. И даже родовая защита не поможет, сунут в лохань – и варись как рак.

– Спасибо, – с трудом выговорила графиня и облегченно выдохнула, самый трудный первый шаг сделан. – Я, кажется, начинаю понимать. Но пойми и ты, ведь этот гад привез свой браслет, едва мне исполнилось пятнадцать. И с тех пор я жила, как муха под стаканом, ничего не видела, никуда не ходила, училась намного меньше, чем прежде, и лишь тому, что он считал необходимым. Я наизусть знаю признаки всех детских заболеваний, десяток колыбельных песен и полсотни сказок, которые можно рассказывать герцогским отпрыскам. А еще умею шить, вязать и вышивать детскую одежду, хотя вряд ли хоть одна герцогиня сама шьет рубашки своим малышам. Значит, меня просто занимали разными бесполезными делами, лишь бы не допустить к серьезным книгам и рассуждениям. Хотя я и думала с этим браслетом медленнее прежнего и как-то легкомысленнее, что ли... и поэтому, как ни обидно это говорить, но нужно признать честно, могла бы сейчас быть намного образованнее и умнее, чем есть.

Леаттия договорила, облегченно перевела дух и опасливо взглянула на внимательно слушавшего ее мужчину.

– Извини, – тяжело вздохнув, произнес он слова, которые так не любят говорить темные маги, – я действительно об этом не подумал. Просто очень хорошо тебя знал к этому моменту, ты действительно была несколько... легкомысленной и вопросы задавала обо всем подряд. И все время рассказывала, какой Манрех умный, справедливый и заботливый.

– Не напоминай, – прорычала девушка. – Я не ожидала от него такой подлости. Видимо, потому мать и считала, что я никогда не решусь сбежать. Интересно, как бы ты в таком случае исполнил контракт?

– Собирался пробраться в дом и увести тебя порталом, – еще говорил Джарвис, а в его уме уже созрело понимание, как сильно они с Эгрисом ошибались, выбирая запасным этот план. И почему в его успех не верила умирающая графиня Расельена Гардез Брафорт.

А еще – как близко в тот раз он был от провала.

Глава девятая

– Как выясняется, – помолчав, уже твердо объявил маг, – все мы неверно оценили ситуацию и ждали друг от друга невозможного. Поэтому я приглашаю тебя погостить в моем доме столько, сколько захочешь, а разговор предлагаю отложить на несколько дней.

– Но ведь темные маги не любят приглашать гостей? – засомневалась девушка.

– А я не всегда был темным, и как раз сейчас во мне проснулся белый брат, – хитро ухмыльнулся Джар, и графиня приняла этот довод.

А куда деваться, если иного нет?

– Раз ты согласна, – правильно поняв молчание девушки, маг снова соорудил серьезное лицо, – необходимо сразу сообщить об этом Эгрису.

Пояснять, почему так нужно, он не стал, но Леа и сама поняла, что в этой части города посторонних не жалуют. Потому со вздохом снова поплелась за Джаром на второй этаж, уговаривая себя не краснеть перед магистрами за такую быструю смену решения. Только тихонько спросила, не ушли ли еще его гости.

– У нас не принято уходить молча, как вор, темных магов это настораживает, – пояснил он, и Леаттия невесело усмехнулась, оценив разницу в правилах.

Во дворце герцога Брафортского, наоборот, большинство гостей старались исчезнуть потихоньку после торжественной церемонии и обеда, и никто о них не жалел.

– Эгрис, – едва войдя в комнату, маг поймал Леаттию за руку и поставил перед главой гильдии как незнакомку, – я пригласил Лайну погостить в моем доме.

Магистр смерил девушку испытующим взглядом и задал неожиданный для нее вопрос:

– В качестве кого?

– Ученицы, – не моргнув глазом заявил дагорец. – У нее способности к алхимии.

– Да? – изумленно приподнял бровь магистр, и Леа тотчас крепче стиснула губы, не желая снова все испортить обиженной гримасой или смешком.

– Да, – уверенно подтвердил Джарвис. – У нее всегда была хорошая память и способности к учебе. Но один... плохой человек почти пять лет

назад подсунул ей вещицу, в которой было заклинание рассеянности и доверчивости, так я могу определить его влияние. И все эти годы Лайна жила не в полную силу своих возможностей и проявляла несвойственные ей черты характера.

– Это было незаметно, – помрачнел Эгрис и огорченно засопел. – Так вот на что она намекала... – Магистр тотчас взял себя в руки и твердо кивнул: – Хорошо. Мы принимаем ее как твою ученицу.

Леаттия надеялась немного на иной поворот судьбы, но прекрасно понимала, что сама все испортила, не сумев разгадать надежд магов, не желавших или не умевших переступить через собственные ограничения. И так же ясно представляла, как надолго может затянуться это, ненужное ей занятие алхимией. А пока она будет изучать свойства различных растворов и смесей, маги будут исподволь изучать саму Леа, и лучше бы ей прямо сейчас придавить так некстати поднявшую голову родовую гордость и обо всем с ними договориться. Иначе неизвестно, куда они могут зайти в приступе исследовательского азарта.

– Можно мне сесть? – спросила она ради проверки своих подозрений и мгновенно получила поощрительную улыбку Эгриса. – Я хотела бы уточнить слова моего учителя. Теперь я многое вижу не так, как месяц назад, и не так, как позавчера, и не могу не волноваться за свою судьбу. И мне почему-то кажется, что вы знаете, как мне лучше поступить.

Разумеется, это оказалась не та просьба, какую они ждали, но ниточка, за которую можно при желании зацепиться, в ней все же была. И в этот раз глава гильдии ее не упустил.

– Да, хотя мы и сильнее любой армии любой страны, но вынуждены следить за действиями и намерениями всех правителей всех ближайших государств, – сухо вато произнес он и откровенно вздохнул: – Только полные дураки могут чистосердечно верить, что темным магам нравится война. Мы слишком ценим свое время и покой, чтобы отвлекаться на такое неудобное и расточительное занятие. Ты же не можешь не понимать, что люди всегда судят по себе. Это им, заурядным и бесталанным, необходимо доказывать свою значимость громкими победами, толпами пленных, гаремами, буйными пирами, огромными дворцами и бесполезно пылящимися в подвалах горами золота и камней. Необходимо, прежде всего, для собственного успокоения, для веры, что потомки будут произносить их имена с почтением и трепетом. Многие даже согласны, чтобы проклинали, лишь бы помнили. Но мы-то точно знаем, как наивны эти надежды. В пустынях Гель-ашры можно встретить руины старинных городов, толстенные, выложенные узорной плиткой стены огромных

дворцов, занесенные песком остовы ажурных башен и непонятных сооружений. Их правители тоже считали свои имена вечными, а победы – бессмертными. Но бесполезно говорить об этом королю Банлеи или харказскому шейху. Тех, кто попытался, сочли смутьянами и повесили на городской стене.

– Я все это знаю, – уверенно сообщила Леаттия, – и полностью согласна с вами. Победный грохот барабанов не стоит ни одной безвременно прервавшийся невинной жизни. Поэтому мне так непросто найти свое место в этом мире.

– То есть, – задумался он, – ты не желаешь просить укрытия ни у кого из королей и герцогов?

– Это не зависит от моего желания, – впервые откровенно усмехнулась беглянка, – только от безопасности моей родины. Вы и сами отлично знаете, куда направятся армии Тилиреда, как только он увидит меня в своем дворце. И король никогда не остановится, просто стерег границу и свергнув Кайора. Нет, он позволит своим приспешникам разграбить города и дворцы, растоптать поля и забрать в плен всех жителей, и в первую очередь девушек. Хотя и считает себя просвещенным и утонченным.

– Я рад, – тихо пробормотал Джар, – что сумел тебя остановить.

– Но если они узнают, кто здесь скрывается под видом ученицы, – хладнокровно вылил на всех лохань холодной воды Бензор, – в свободных землях станет очень неспокойно.

– А они обязательно узнают, – помрачнел Джар и пояснил ученице: – Магов в окружающих странах не так мало, как кажется, просто не все они откровенно примкнули к белым или темным. Черные – вообще одиночки и учеников не берут, только рабов или наемников. А все остальные, у кого дар послабее: травницы, предсказатели, ведуны, знахари и ведьмаки всех видов – то дружат, то ссорятся, но всегда очень внимательно следят за делами гильдий, особенно за нами. За белыми следить просто, они живут открыто и никаких контрактов не берут. А зелья и амулеты продают только в своих лавках.

– Остаются дальние королевства, – объявил Эгрис. – Дагор и Гестон. В ханствах ей тоже делать нечего. Да и в эмират Аларию лучше не соваться.

В Дагоре, как считала Леаттия, ей тоже делать нечего, там каждый знает родословную всех знатных домов и просто соседей не хуже собственной. А в столице Гестона Лиме обосновалась Белая цитадель, и встречаться с ее адептами беглянке теперь не хотелось.

– Еще можно подумать про небольшие герцогства, – добавил Бензор, –

из тех, на кого никто не решится напасть. Логнейское и Саройское, например. Ну и Овертон. И в каждом есть молодые герцоги, сыновья и племянники правителей.

Леаттия слушала его и все яснее понимала, что на самом деле всюду, где бы она ни решила жить, ей придется либо всегда прятаться под чужим именем, либо рано или поздно столкнуться с самой большой задачей, даже бедой, о которой пока даже не подозревают эти трое. И хуже всего будет, если она к тому времени выйдет замуж и заведет детей... угроза нависнет и над ними, еще несуществующими, но уже дорогими ей крохами.

– Наверное, мне лучше всего уйти в самый дальний монастырь, – горько заявила девушка, отрешенно глядя мимо враз притихших мужчин. – Иначе, куда бы я ни попала, обязательно приведу за собой беду.

– Ты согласилась стать моей ученицей, и я за тебя отвечаю, пока не сочту обучение законченным, – не согласился Джарвис. – А потом решим, куда тебя отправить.

– Ты не понимаешь... – Леаттии больше не хотелось играть в прятки с этими людьми, так искренне, хотя и не совсем безвозмездно пытавшимися ей помочь.

Ведь не зря же глава гильдии нанял в спасатели именно Джарвиса, а сюда привел лишь надежного друга. И они тоже не выпустят ее из своих лап, так зачем ждать новых искателей древних тайн?

– Отлично понимаю, – решительно встал из-за стола учитель. – У тебя недавно была истерика и ты еще не совсем успокоилась. Отдохни хотя бы дня три, осмотришь и свыкнешься с новым положением. Потом я снова приглашу в гости своих коллег, и тогда мы поговорим.

Он смотрел на графиню так же повелительно, как недавно на плывущей по Терсне лодке, и недовольно поджимал губы, словно сердился за излишнюю самостоятельность, и Леаттии сразу расхотелось спорить. Да и действительно, три дня ничего не изменят, а немного прийти в себя не помешает.

Она молча кивнула и тоже поднялась со стула. Прошла в распахнутую перед ней дверь и направилась к лестнице, вдруг почувствовав необходимость остаться одной и попытаться разобраться во всем спокойно.

Это было разумное решение, но отчетливо Леа осознала это лишь на следующее утро, проснувшись на рассвете в удобной кровати своего нового жилища. Временного, разумеется, но никому не известно, когда у нее будет постоянное. Да и будет ли.

Обо всем остальном, без чего недавно и не представляла свою жизнь,

девушка старалась даже не вспоминать. Ни о родителях, еще живших в памяти и снах, но молчаливо глядящих с крохотных миниатюр, ни о женихе, к чьей уверенной заботе и повелительному взгляду успела привыкнуть как к неизбежности, ни об отчем доме, где сейчас хозяйничают чужие люди, переворачивая вверх дном содержимое сундуков и шкафов, копаясь в оставшихся в сейфе документах.

Все это нужно было напрочь вычеркнуть из жизни, как детские сказки, как глупые мечты, и попытаться выжить в чужом, непривычном и далеко не благосклонном мире. И как бы ни было трудно, постараться привыкнуть к положению бесправной, почти нищей беженки.

Всклипнув напоследок, девушка решительно поднялась с постели, не собираясь больше давать себе ни малейшей поблажки. Хватит того, что вчера весь вечер просидела у окна, вглядываясь в темнеющие купы деревьев и ухоженные пустынные лужайки, кротко, но упорно отказываясь от разговоров и еды.

Через несколько минут, умытая и просто причесанная, в верном материнском платье, беглянка входила на кухню.

И травница, и маг уже были здесь, сидели за столом и спокойно завтракали горячими пирожками.

Учтиво ответили на приветствие и подвинули Леаттии яркую керамическую кружку с горячим взваром, любимым напитком южан.

– Булочки сладкие, – предупредила Санди, – а пирожки – с мясом и с капустой. Выбирай.

– В следующий раз, когда будешь готовить, – тихо, но твердо попросила Леа, – позови меня. Я хочу научиться.

– Лайна... – осторожно начал Джар, внимательно вглядываясь в лицо графини, – мы вчера вечером еще раз все обсудили и пришли к некоторым выводам. Как только ты будешь готова к серьезному разговору, Эгрис и Бензор придут сюда. Но запомни накрепко, никаких жертв никому не нужно, темные маги – вовсе не черные отшельники и не наживаются на чужом горе. Мы, прежде всего, хотим помочь тебе устроиться в жизни так, чтобы не было причин жалеть о сделанном выборе.

– Я готова к разговору, – кивнула девушка, уже сообразившая, что рано или поздно ей придется открыть им свой главный секрет и нечего зря тянуть время.

Только душу себе еще сильнее растрaviшь ожиданием и предположениями, но, как ни бейся, другого выхода не найдешь. Так лучше не мучить ни себя, ни магов, наверняка им хватает и собственных дел.

– Тогда я допью чай и пошлю им вызов, – согласился он и до конца

завтрака больше не произнес ни слова.

Вскоре они снова сидели за столом на втором этаже, и трое мужчин, как вчера, пристально смотрели на беглую невесту герцога Брафортского.

И все же что-то неуловимо изменилось между ними, исчезло какое-то напряжение, настороженность, мягче стали взоры магов, и они более не напоминали Леаттии строгих экзаменаторов. И одновременно появилось ощущение приближающегося несчастья, которое сумрачной тенью предвидения лежало на лицах мужчин.

– Я принес вашей светлости договор, который заключил с графиней Расельной. Он был написан на обороте счета за зелья особыми невидимыми чернилами. – Эгрис начал разговор вовсе не с того, о чем намекал Джар. – А сегодня утром я обнаружил, что там начали проступать другие записи. И этого языка я не знаю. Даже букв таких никогда не видел.

Леаттия брала из его рук потертую бумажку с замирающим от нахлынувших чувств сердцем, а в висках стучал тревожный набат. Никому и ни при каких обстоятельствах не следовало рассказывать о знаниях, передаваемых наследниками древнего рода своим преемникам втайне даже от самых близких людей. Из ее близких родичей в секрет была посвящена тетушка, потом мать и последним – отец. Леаттии открыли тайну, когда ей исполнилось четырнадцать лет, взяв прежде суровую клятву. И теперь она имела право передать эту тайну лишь своему мужу, а позже детям, и только в том случае, если будет уверена в их способности свято ее сохранить.

Хотя, как и в каждой подобной тайне, в этой имелись исключения, но в том, что для них соблюдены все условия, нужно было удостовериться лично.

Написанные до боли знакомым почерком буквы двух цветов, синего и багряного, вились по листку, наползая одна на другую, хотя матушка явно старалась вставить тайное послание между строк договора. Первыми Леаттия прочла фразы, горящие тревожным пурпуром, изо всех сил стараясь удержать на лице бесстрастное выражение. Потом внимательно прочла договор, прищурилась и перечитала медленнее, раздумывая над каждым словом.

Судя по всему, заключая с Каденисом это соглашение, матушка не надеялась на удачу, но не имела права не использовать последний шанс, поэтому и не стала оговаривать особых условий, если побег удастся.

Но на самый невозможный случай все-таки оставила для дочери наказ, как действовать, и сейчас Леаттия была ей за него невероятно благодарна. Как выяснилось, невозможно выжить и сохранить драгоценный секрет, не

имея никакого представления о заботах и привычках окружающих тебя людей.

– Это тайный шифр нашей семьи, – оглядев выжидающе уставившихся на нее магов, спокойно сообщила Леаттия. – Матушка на всякий случай оставила мне указания. Знала, что вам больше не к кому будет пойти с этой бумажкой. А секрета чернил я не знаю, их приготовил когда-то давно один из прадедов.

– И нам ваша светлость, разумеется, не скажет, о чем там написано? – полуутвердительно осведомился Бензор.

– Не нужно звать меня светостью, и милостью – тоже, – покачала головой графиня. – Сейчас эти титулы звучат как издевка. А вам я предложу сделку... очень выгодную.

– Нас не интересуют деньги, – с сожалением предупредил Эгрис.

– Я знаю. Кроме того, денег у меня мало, а продавать украшения я не умею, мне не дадут и сотой части их цены. Потому я и хочу приобрести жизненный опыт. Вернее, помощь в его получении. И если вы согласны, то поговорим об оплате.

– Ты отказываешься от ученичества? – нахмурился Джарвис.

– Нет. Если можно будет совместить мою учебу с опытом выживания среди людей, я никогда не откажусь. – Леа прямо смотрела в лицо своего спасителя и начинала понимать, на что он намекает. – И буду рада, если ты возьмешь на себя труд по заключению этого договора от моего имени.

– Я берусь, – мгновенно принял решение маг и весело глянул на Эгриса: – От имени своей ученицы, носящей для непосвященных имя Лайна, предлагаю гильдии контракт на помощь девушке в обустройстве в том месте, которое она выберет сама.

– Возьмемся, – усмехнулся и Эгрис, – если нас устроит оплата.

– За мою ответную услугу, – так же не задумываясь предложил Джар.

– Расплачиваться я буду сама, – не согласилась беглянка. Чуть виновато глянула на нахмурившегося учителя и твердо добавила: – Магией.

Глава десятая

Тишина, обрушившаяся на комнату, казалась осязаемой, как будто всех в мановение ока накрыла призрачная, но плотная лавина, не пропускающая даже малейшего шороха или вздоха. Но Леаттия заметила ее не сразу, почти чувствуя кожей прожигающие взоры все мрачающих магистров.

– Ты хоть понимаешь, – наконец обреченно пробормотал Джарвис, – о чем говоришь? Вернее... чем тебе грозит такая расплата?

– Ничем не грозит, после того как вы взялись устраивать мою жизнь, – тихо ответила девушка. – Ведь гильдия темных магов не нарушает своих обязательств. Особенно если они на пользу именно ей.

– Вот второе утверждение более справедливо, – съязвил он и потянулся к кувшину.

Налил полный бокал холодного, с ледника, взвара и выпил в несколько глотков.

– Это заманчивое предложение, – отмер Эгрис, – но мне хотелось бы выяснить, что ты подразумеваешь под словом «магия»?

– То же, что и вы, – вежливо пояснила Леаттия. – Энергию, способную изменять и создавать материю по воле мага. Хотя у меня нет дара ею управлять. И быть не может, как у каждого истинного наследника герцогов Брафортских. Но тайное право предков позволяет мне управлять силой источника, запечатав ее или, наоборот, открыв. Вы же знаете, что источники теряют свою силу, и довольно быстро?

– Звучит интересно, – озадаченно пробормотал Бензор, – но нуждается в доказательстве.

– Многие знают, что маги берут энергию из источников, – кивнула ему беглянка, – но никто не знает, столько их и где расположены. Это было известно только моим предкам. Вернее, наследникам правящих герцогов и их старшим детям. Кайорам эту тайну никто открывать не собирался.

– Я кое-что об этом слышал, – так же задумчиво заявил Бензор и проницательно уставился на девушку: – Но хоть один в доказательство своих слов ты назвать можешь?

– Кроме иссякшего, который находится под дворцом, построенным моими прадедами? – с едва заметной лукавинкой осведомилась Леа. – Хорошо, я назову три. Один здесь, в алтарном хранилище, еще один – в усыпальнице королей Дагора. А третий – в пустошах, которые остались от цветущего некогда королевства Леврия. После того как две сотни лет назад

по приказу последнего короля, истово ненавидевшего магов, все они были изгнаны в пустыню или казнены, источник, поддерживающий равномерную погоду и не пускавший на город смерчи и суховеи, закрылся. А еще через два десятка лет оттуда сбежало все население.

– И его можно открыть? – недоверчиво прищурился Эгрис.

– Зачем? – печально смотрела на него наследница древних тайн, и в ее взоре плескалась нежданная мудрость. – Чтобы энергия, которой в нашем мире и так осталось не очень много, уходила впустую, не принося никому пользы, а порождая пустынных призраков и ледяные ночные туманы?

– Лайна... – с каким-то странным интересом взглянул на девушку глава гильдии, – а ты не задумывалась, что после этого пояснения мы можем тебя никуда не выпустить? Запрем в башне и будешь там жить. И открывать и закрывать источники, когда нам потребуется.

– Я была уверена, что это первая мысль, которая у вас появится, – усмехнулась беглянка. – И поэтому готова показать вам, как это происходит, чтобы вы больше не пытались превратить меня в жрицу своего источника.

– А твоя матушка одобрила бы такой рискованный шаг? – мрачно осведомился Джар.

– Она и подсказала этот выход, и насколько я знаю свою мать, он единственный, какой она смогла найти. Иначе предложила бы нечто попроще.

– Хорошо, – согласился Эгрис, – вечером я открою проход в защитном куполе, закрывающем построенный над источником алтарь. А пока... не хочешь ли ты отдать мне этот документ?

– Он сгорит, – грустно сообщила Леа, – едва окажется в чужих руках.

Но отказывать магистру не стала. Последний раз пробежала взором по торопливым строкам, зная, что запомнит их до единого слова, и решительно протянула мужчине драгоценный листок.

– Тогда, может, перепишешь? – медлил он, меря испытующим взглядом давно знакомую девушку, внезапно открывшуюся с совершенно непредвиденной стороны.

– Я запомнила.

– Хорошо. – Решив схитрить, маг создал ветерок и попытался донести им до себя упавшую на стол бумагу.

Однако не успел – вспыхнул бездымный, призрачный огонь, и исписанный загадочными знаками договор перестал существовать, уходя по бесконечному пути в прошлое.

– Темная сила! – ругнулся Бензор, с живым интересом рассматривая

беглянку, которую всего полчаса назад считал самым неудачным контрактом гильдии.

– Что тебе потребуется возле источника? – задал Эгрис волнующий его вопрос.

– Ничего. Но не берите с собой больше никого... боюсь, вас и троих будет многовато.

– Тогда Бензор не пойдет, – твердо решил глава гильдии. – Мы давно дружим, и я ему все расскажу.

– Может, лучше Джарвис отдохнет? – Судя по огорчению казначея, ему очень хотелось присутствовать на необычном ритуале.

Все темные маги больше всего обожали тайны и различные эксперименты, хотя и никогда не забывали о собственной безопасности.

– Нет, – вдруг запротестовала Леаттия, – он меня спас и он мой учитель. Идите втроем – если не получится, кто-нибудь уйдет. И еще... мне нужен мой амулет и кольцо. Я впервые обращаюсь к силе источников, и должно быть три признака, чтобы она меня признала.

– Я отдам, только старайся носить осторожно, – немедленно согласился учитель.

Больше говорить было не о чем, и маги, попрощавшись до вечера, дружно улетели в непроницаемо-серой повозке, больше всего похожей на огромную тыкву. А Леаттия, погладив место на столе, где сгорел последний привет от матери, неспешно побрела вниз, намереваясь поразмыслить над новым поворотом в своей судьбе.

Однако возле лестницы ее уже ждала Санди, желавшая показать девушке, как делают сладкое тесто. Оказывается, травница собиралась испечь пирог с первой земляникой, корзинку с которой Джар с утра принес с рынка нижнего Гайртон.

Пока она сноровисто мешала муку с молоком, яйцами и маслом, Леа перебирала ягоды, по совету знахарки бросая в рот самые спелые, и слушала рассказы Санди о магах, которых та знала достаточно хорошо.

Потом они пекли пирог, пили чай, прятали в дальний уголок сундука платье графини Расельены, травница помогала Леаттии выбрать новый харказский наряд и заплести косы по обычаю ханства. А после варили обед, и Санди снова рассказывала все, что считала необходимым для молодой девушки, изредка проверяя помощницу и с удовлетворением убеждаясь в ее отличной памяти.

Солнце уже покатилося на закат, когда вернулся Джар, наскоро пообедал и предложил ученице посетить с ним хранилище источника по приглашению главы темной гильдии.

– Заодно рассмотришь наш город с высоты птичьего полета, – добавил он, когда «тыква» поднялась над пышными кронами деревьев, среди которых изредка мелькали красные и желтые крыши, похожие сверху на грибы среди травы.

– Да я уже вчера все хорошо разглядела, – вежливо сообщила Леа, убедившись, что за ночь в городе магов не прибавилось ничего нового.

И это замечание почему-то развеселило ее учителя.

– А вот горожане, которых иногда катают в виде поощрения, в один голос твердят, что это незабываемое зрелище и всегда разное.

– Мне кажется, – подумав, деликатно заметила она, – они просто стараются сказать вам приятное. Ведь с темными магами лучше не спорить и жить в мире, это знают все.

– Ну, некоторые даже не подозревают, судя по той служанке, которую я вчера наказал, – усмехнулся маг и резко свернул в сторону невысокого, довольно мрачного каменного строения.

А в следующий момент Леаттию обдало жаром, как из духовки, в которой сегодня пеклись пироги. Особого неудобства он не причинил, но воздух в летающей повозке вмиг нагрелся, как песок пустыни под летним солнцем.

– Темная сила, – выдохнул ее учитель, распахивая широкие окна и уводя свою «тыкву» в сторону от постройки, – опять! Ты ведь знаешь, что это такое?

– Моя защита, – обреченно буркнула Леаттия, мгновенно сообразив, как сильно ошибалась ее матушка, советуя расплатиться возрождением источника.

Точнее, она просто не могла знать о мощных щитах, которыми темные маги защитили башни, мастерские и алтари своей гильдии.

Через несколько минут «тыква» стояла на зеленой лужайке под столетним дубом, и хмурый маг искоса поглядывал на расстроенную девушку, молча кусавшую губы.

– Леаттия... – наконец решился он, – лишь теперь я отчетливо осознал, насколько тяжел груз, который взвалили на твои плечи родители. Но иного выхода у них не было, теперь это очевидно. Отныне я безмерно уважаю их за самоотверженность и очень жалею, что раньше ничем не мог помочь. Пока не знаешь глубины реки, невозможно построить хороший мост.

– Ты о чем? – отвлеклась от своих мыслей Леа.

– О твоих родителях. Пойми их и прости...

– Но отец пострадал от некачественно зачарованного амулета переноса... – начала говорить девушка и смолкла, сраженная неожиданной

догадкой.

– Амулет переноса в Банлею, который он где-то достал, был совершенно исправный, – тихо и чуть виновато заверил маг. – Но уйти из вашего замка невозможно. Там еще пять лет назад поставлен мощный защитный купол, и его постоянно усиливают разные маги, чтоб никто не смог снять в одиночку. Когда ты уходила, мне пришлось на минуту проделать в щите оконце, а Каденис гасил тревожный сигнал. Твой отец об этом знал... или догадывался, потому и принял первый удар на себя. Они сделали свой выбор добровольно, видимо, очень хотели, чтобы ты освободилась от власти амулетов Кайора и собственных иллюзий. Не плачь, сейчас тебе нужно думать о себе.

– Ты не понимаешь, – всхлипнула Леа. – Теперь вся тяжесть выбора правильного решения лежит на мне, а я, как слепой щенок, не разбираюсь ни в людях, ни в политике, ни в финансах.

– Зато я разбираюсь и начну давать тебе уроки не только по химии и зельеварению.

– Буду рада, – всхлипнула графиня, – но, боюсь, учиться мне придется не один год.

– Там будет видно, – отмахнулся Джар. – Санди тебя хвалила, говорит, ты учишься очень быстро, с первого слова. Раньше этого не было... извини. А пока погуляй здесь, в этой роще чужих не бывает, а я летаю к Эгрису, подброшу задачку.

Леа кивнула, выбралась из повозки и побрела к толстым корням, больше всего желая выплакаться всласть. Однако плакала недолго, минут десять. Потом внезапно появилось неприятное ощущение чужого упорного взгляда, и девушка осторожно осмотрелась.

Действительно, неподалеку открыто стояли трое жителей Гайртон. Девушка и двое молодых магов, если верить звездам на их рубахах. Они с откровенным пренебрежением разглядывали Леаттию, вполголоса обмениваясь мнениями.

На миг она запаниковала, но постаралась не показывать своего испуга и отвернулась с самым безучастным видом.

– Какая смелая смугляночка, – вскоре раздалось совсем рядом, и графиня тотчас почувствовала, как воздух возле нее начинает греться.

Защита, которая теперь, после пробуждения, постоянно оберегала последнюю наследницу от всех видов магических атак и проявления враждебности, действовала и как простенькая сигналка, какими окружают себя магистры.

– Тьма! – выругался второй маг. – На ней огненный щит, ты что, не

видишь?

– Хотелось бы знать, кому пришло в голову так мощно защитить свою игрушку, – разочарованно огрызнулся первый, темноволосый юноша, и немного отступил. – Эй ты! Черномазая! Кто твой хозяин?

– Она не желает с вами разговаривать, – ядовито пропела их спутница.

– Ну так мы попросим. – В голосе второго мага, невысокого блондина с неестественно зелеными глазами, ясно звучало предвкушение. – Как повашему, понравится ей холодный дождик?

– Может, снег? – кротко и мечтательно протянула незнакомка. – На темном это так красиво!

– Как пожелаешь, – любезно произнес брюнет, и первые крупные и пушистые снежинки мягко упали на волосы и руки Леаттии.

– Прелестно! – захлопала в ладоши злючка и вдруг тихо ойкнула.

– Тьма, – расстроено выругался блондин. – Уходим.

– Куда? – почти ласково осведомился возникший ниоткуда Эгрис. – Разве вы уже в досталь наиздевались над моей гостьей?

– Это ваша гостья? – наивно распахнула глаза незнакомка.

– А разве ты видела здесь людей, которых не приглашал никто из старших магистров? – подражая ей, сладенько пропел глава гильдии.

– Ну... – Девушка побледнела, но не сдалась. Обиженно прикусила губку, заморгала ресничками. – Я не знаю...

– А должна бы уже знать, – жестко оборвал комедию Эгрис и в никуда крикнул: – Браберс!

– Я слушаю, – почти мгновенно возник рядом с ним маг, затянутый в строгий темный костюм, украшенный на плечах серебряными молниями.

– Чьи это ученики?

– Денлиса, Иштлина и Бронис. Все по второму году.

– Верни в лягушатник на месяц, на строгий режим. И сними изменение внешности.

– Но собрат Эгрис... мы же пошутили... – Блондин еще пытался спорить, а девушка уже рыдала навзрыд.

– Вы нарушили главное правило нашей гильдии. – Глава гильдии веско ронял обвинения на их головы. – Забыли, что темные маги – не черные и никогда никому первыми не причиняют ни зла, ни боли, ни обид.

– Но она нас игнорировала! – с ненавистью крикнула вдруг девушка.

– Не могла она вас игнорировать, – сурово глянул на будущую магиню магистр и нехотя солгал: – Потому что не понимает наш язык.

Отвернулся к Браберсу и сурово добавил:

– Ее на строгий режим на три месяца, с последующим испытанием.

По полянке пронесся порыв теплого ветра и унес всех, кроме Леаттии и главы гильдии.

– Вызвать повозку или хочешь прогуляться? – хмуро глянул он на графиню и махнул рукой в сторону заката: – Тут недалеко.

– Пройдемся, – встала с корня Леа, отряхнула новенькое платье и неожиданно даже для себя спросила по-харказски: – А что такое лягушатник?

– Мы так называем начальную школу магов, – тоже перейдя на этот язык, сухопато пояснил Эгрис, но через некоторое время мягче уточнил: – Стараемся собирать одаренных везде, где можно. Иначе они уйдут к белым или, еще хуже, станут черными. Те живут без всяких законов, творя все, что им вздумается. Могут и на нас напасть, бывали случаи. Поэтому стараемся не отпускать из гильдии способных учеников.

– Мне показалось, – обдумав его слова, вздохнула Леа, – за это наказание они должны сильно обозлиться и начать вас ненавидеть.

– Парни не рассердятся, – устало усмехнулся Эгрис. – Там у нас очень чуткие учителя, поговорят, объяснят... А вот с девушкой хуже. Ее мы нашли слишком поздно, уже успела испортить одна бездарная, но крайне наглая предсказательница из тех, что снимают порчу только по золотым украшениям.

– Вместе с украшениями? – догадалась графиня.

– Разумеется. Ради этого и стараются. И ученицу она учила своему циничному правилу: «Все глупые, а мы – умные, значит, жить должны лучше их». Девчонка оказалась понятливой – как только немного подучила самые примитивные заклинания, первым делом сменила внешность. А став хорошенькой, принялась морочить головы молодым магам, устраивать между ними петушинные бои.

– Для чего? – изумилась Леа и тотчас смущенно прикусила губу. – Извини... наверное, тебе неудобно отвечать на такие вопросы. Я потом спрошу Санди.

– Знахарка тебе понравилась? – живо заинтересовался Эгрис.

– Да, – не задумываясь ответила Леа. – С первого взгляда.

– Ну, в этом случае первый взгляд не может быть верным, – как-то замялся магистр. – Ты же понимаешь, что в последнее время к тебе не пускали всех подряд? Хотя многие старейшие семьи Югрета совершенно искренне хотели бы принести свои соболезнования и предложить помощь. Но Кайор настрого запретил их пропускать, опасался, что у кого-нибудь окажется письмо или амулет. Ведь не станешь обыскивать всех, кто пришел отдать твоей матери последнюю дань.

– Эгрис... – девушка даже остановилась и потрясенно уставилась на него, – спасибо! Ты снял с моей души тяжеленный камень... Это было обиднее всего – думать, что во всей столице не нашлось ни одного человека, желающего сказать ей прощальное слово.

– Их было довольно много, – тяжело вздохнул маг. – Но на мне висел контракт, и я не мог рисковать важным делом ради этих добрых людей. Да и выдавать их Кайору тоже не хотел. А на Санди пришлось кастовать мощное заклинание, вызывающее у всех вокруг доброжелательность и доверие. Странно, что ты его не ощутила.

– Защита наследников рода Брафорт действует с рождения, но не сразу проявляется в полную силу, – пояснила Леа тонкость, которая не имела особого значения, но обязательно стала бы понятна главе гильдии и без ее рассказа. – Зачастую – лишь после сильного магического воздействия.

– Так я и подумал, – кивнул он и ожидающе глянул на графиню, но так больше и не дождался никаких откровений и продолжил беседу с того самого места, откуда сам и увел ее в сторону: – А ухажеров ученица ссорит не от наивного кокетства, а из корысти. И на свидания ходит только с теми, кто принесет самый ценный подарок. Запрещать им носить ей украшения бесполезно, многие ученики, особенно пришедшие из южных ханств и герцогств, и сами считают, что женщин нужно осыпать драгоценностями.

– И нет никакого способа?

– Только один. Показать всем влюбленным петухам ее истинное лицо. Но если и это не поможет, придется устраивать урок откровения. Весьма неприятная шутка, мы стараемся использовать ее как можно реже.

– Это как? – заинтригованно уставилась на него Леаттия, интуитивно чувствуя, что глава гильдии неспроста раскрывает ей такие секреты.

– В начальной школе учеников учат всем азам нашего мастерства, чтобы наставникам после не тратить драгоценное время. Затем тех, кто прошел испытание, разбирают по домам учителя. Испытания разные, но в таком случае, как этот, делаем проверку умений в зельеварении. Выдаем травы и просим сварить зелье правды.

– А кто его пробует?

– Они сами.

– И заранее об этом знают? – понимающе глянула наследница древних тайн.

– Конечно, в этом и соль. У тех, кому есть что скрывать, это зелье обычно не получается, или разливается, или находится еще какая-нибудь причина его не пить.

– И что с ними случается потом?

– Через месяц сдают во второй раз, потом в третий, – хмуро усмехнулся маг. – К этому моменту мы обычно находим и все секреты, и выход из положения. Для всех разный. Ну вот мы и пришли... ты ничего не почувствовала?

– Шагов пять назад стало теплее, но сразу прошло, – честно ответила Леа, рассматривая каменную махину основательного строения, похожего формой на круглый стог.

Или перевернутую чашу. Ни окон, ни привычной человеческому взору крыши у нее не было, только узкая и высокая арка входа, закрытая внушительной металлической дверью.

– Я открыл для тебя окно в щитах и снял вокруг него почти всю защиту, – пояснил маг, распахивая перед гостьей дверь.

За ней виднелся узкий проход через толщу стен, специально построенных с особой прочностью, чтобы простояли не одно тысячелетие. Из-за этого внутренняя камера, выложенная светло-серым мрамором и освещенная ярким сиянием магических светильников, оказалась весьма тесной. Двое находившихся в ней магов занимали едва не четверть свободного пространства.

Однако Леаттия смотрела не на них, а на вырезанную в противоположной стене нишу высотой в человеческий рост и глубиной в два локтя. Нижняя, алтарная площадка ниши возвышалась над полом хранилища на локоть и была сплошь покрыта неопрятными высохшими темными лужицами, потеками и кляксами.

– Что это такое? – потрясенно охнула Леаттия, переводя взгляд на непонимающие лица магов, бдительно и встревоженно следивших за ней, и полным боли голосом спросила: – Чем залит алтарь?

– Леаттия... – начиная постигать, как мало до этого времени понимал в древних расах и оставленных ими наставлениях, осторожно проговорил Эгрис, – в одном из дошедших до нас древних документов есть перевод выбитых на этой стене фраз. Там сказано, что только кровь избранных откроет тайные двери.

– И кто были, – потрясенно выдавила девушка, с ужасом рассматривая страшные следы, – эти избранные?

– Мы можем поговорить об этом позже? – шагнул к ней Джарвис. – Но я клянусь, никто тут не погиб, кровь отдавали добровольно. И в последний раз – больше пятнадцати лет назад.

– Зачем? – с укоризной смотрели на него непривычно черные глаза графини.

– Магистрам показалось, что источник резко ослаб.

– Это было зимой, в седьмой день морозня, сразу после полуночи, – горько выговорила Леа и крепче стиснула губы от застарелой боли.

– Совершенно верно, – ошеломленно подтвердил Бензор и тотчас сообразительно смолк.

– Что произошло в тот день? – пытливо уставился на него Джарвис.

– Погибла двоюродная тетушка графини Расельены, – хмуро пояснил Эгрис и вдруг устало усмехнулся: – Теперь и самому стыдно и смешно, но тут есть и моя кровь. Все, кто считали себя хоть в чем-то особыми, пытались проверить это на алтаре.

– Это не смешно, – не приняла шутку графиня. – Это страшно. Да я и представить не могла, что магистры, посвятившие свою жизнь изучению магии, могут так примитивно понять простые слова. Теперь боюсь даже представить, что в таком случае творилось в остальных тридцати укрытиях.

– Сколько их? – неверяще охнул Бензор. – Ты не ошибаешься?

– Она ничего нового не сказала, – холодно отрезал Джар. – Мы и сами предполагали, что алтарей намного больше, чем нам известно. И не нужно ждать, что Лайна немедленно побежит их открывать! Нам все равно за ними не уследить.

– А мы ее и не заставляем, – примирительно глянул на него Эгрис. – Нам действительно хватит и своего, если он не будет угасать.

– Его нужно вымыть и высушить, но не магией. Теплой водой и щетками, камней не видно, – приняв непростое решение, произнесла Леа, даже не пытаясь шагнуть ближе. – Магические светильники тоже лучше заменить на свечи, здесь есть отверстия для воздуха. Может, Санди попросить?

– Я сам, – твердо отказался ее учитель. – А вы пока погуляйте... Эгрис, распорядись, чтобы все принесли.

Глава одиннадцатая

Гулять магистры не умели совершенно, в этом Леаттия убедилась уже через три минуты. Именно столько времени им понадобилось, чтобы отправить куда-то записку с указаниями и возвести под ближайшими деревьями небольшую беседку. Широкие проемы в ней были затянуты пестрым полупрозрачным шелком, внутри стояли легкие кресла и столик с напитками и фруктами.

– У меня срочное дело, – едва проводив графиню в эту беседку, первым сбежал Бензор. – Думаю, уборка займет не менее часа.

– Мне тоже нужно бы проверить одну вещь, – помолчав, вздохнул глава гильдии, и Леа понятливо кивнула.

– Идите, я и одна посижу.

– Я могу прислать Санди, – уже от выхода оглянулся он.

– Не нужно. Потом будет неловко, когда мы пойдем к алтарю. Ее посвящать в свои тайны я пока не намерена.

«Да и вас тоже», – глядя вслед умчавшемуся магистру, виновато вздыхала она.

Только если самую малость, чтобы выкроить для себя несколько спокойных лет.

Все рассказывать нельзя никому, и не из-за запрета тех, кто строил над источниками укрытия и алтари. Им это повредить не сможет. Наоборот, это они беспокоились о людях, оставленных хранителями тайны алтарей, и постарались сделать все возможное для их защиты. Но, как выяснилось, предусмотреть всех жизненных бед не дано было даже им, людская жадность и изворотливость не подчиняется никаким доводам разума и логическим расчетам. Ну кто бы мог подумать, что в один прекрасный день братья Кайоры явятся в замок и с холодным цинизмом сообщат, что их воины готовы поджечь построенный герцогом сиротский дом, если двоюродный дядя немедленно не подпишет указ о передаче им власти и не переберется в замок младшей сестры?

Разумеется, он все подписал и даже сумел отправить в безопасное место семью, а сам вдруг шагнул под опускавшиеся ворота. Так рассказывали очевидцы, но никто из его потомков не верил. Неспособен был их прадед на такую слабость. И только теперь Леа задумалась, не имелось ли у Кайоров уже тогда браслета или иной вещицы, подобной той, какую она пять лет носила на запястье.

– Все готово, – через две трети часа появился в беседке Джарвис. – Отмачивать пришлось. А ты одна сидишь?

– У них срочные дела, – спокойно отозвалась девушка. – Скоро придут.

– Понятно, – усмехнулся маг, сел к столу, налил холодного сока и с удовольствием выпил. – Давненько я ничего не мыл, даже хватку подрастерял.

– Я о них думала, – поняв, о чем он вспомнил, вздохнула Леа. – И, боюсь, мне никогда не научиться так жить.

– И я сначала не мог... но ко всему привыкаешь, когда есть ради чего. Вечера в Белой цитадели были наградой за все дневные трудности. Они всегда ужинают вместе, и почти каждый вечер в доме отмечается маленький праздник. То день рождения, то свадьба, то солнцеворот или сбор урожая. За общими столами никто не обижен, всё поровну, и каждому достается доброе слово и заботливое внимание. Много шутят, поют, танцуют, по-братски делят пироги и редкие там сладости. Первое время мне этого очень не хватало, уже готов был вернуться, отработать вину, чтобы приняли назад. Останавливало лишь одно – понимание, что и в следующий раз в подобном случае я поступлю так же.

Леа только тихонько вздохнула. А что тут скажешь? Он все сделал правильно, хотя и пошел против друзей и вместо награды получил наказание. Несправедливое и оттого еще более жестокое. Как ни обидно, но справедливость вообще где-то загуляла, раз позволила Кайору так легко лишить ее самых дорогих людей.

– Мы вернулись, – сообщил Эгрис, заглянув в беседку. – Готова?

Графиня молча кивнула и направилась к выходу. Хотелось как можно скорее покончить с этим делом и оказаться в доме Джара, в комнатке, где в окна заглядывают пышно цветущие кусты душистого шиповника и белой калины, в которых по вечерам зажигаются звездочки светлячков. Ей нужно было многое вспомнить, переосмыслить по-новому и объяснить себе все происшествия и случайности, несуразности которых Леа раньше просто не замечала.

В укрытии пахло цветами, мылом и свежестью, горели тонкие восковые свечи и стояли перед алтарем кувшины с маслом и вином.

– Унеси, – вздохнув, попросила Леаттия следовавшего за ней по пятам учителя. – Алтарю ничего не нужно. Абсолютно. Даже света, он только для нас.

Маги убрали подношения проворно, как вымуштрованные слуги, и встали по сторонам от алтаря, надеясь увидеть как можно больше, но

девушка ничего не стала им говорить. Она и сама не знала, как произойдет общение с артефактами, хранящими волю создавшей их расы. Все ее предки, бывшие предшественниками Леаттии на посту хранителя, находили собственные способы и слова.

Встав вплотную к нише, она бережно прикоснулась ладонями к изумрудам и пиритам, невероятным образом вплавленным в серое тело цельного камня. На первый взгляд кристаллы были расположены хаотично, но Леа знала, что во всех тридцати семи хранилищах алтарные ниши абсолютно одинаковы.

Вздохнув в последний раз и отбросив тревогу, новая хранительница шагнула на широкую нижнюю площадку, как на ступеньку крыльца. Замерла, почти касаясь лицом прохладной стены, и, стараясь совместить камни, прижала к изумруду левую руку с кольцом, а правую ладонь положила на пирит, расположенный между трех разных камней. И послала мысленный зов артефакту, вмурованному где-то в неведомых глубинах хранилища.

Несколько секунд ничего не происходило, но Леа упорно повторяла и повторяла на разные лады свой призыв, отчетливо понимая, что отступить ей некуда.

Внезапно камни словно ожили, потеплели, и по телу как будто судорога прошла, но тотчас исчезла. А потом вдруг стало жарко, и Леа, скосив взор, обнаружила у себя за спиной серую поверхность неведомо откуда возникшей стены. Девушка невольно встревожилась, но в этот миг камень перед ее лицом словно растаял, и в его глубине появилось строгое и непривычно красивое лицо сына древней расы.

«Чья ты дочь?» – возник в голове чужой голос.

«Расельены».

«Что с ней случилось?»

«Ушла к теням за отцом. – Леа старалась говорить про себя, но ей не всегда удавалось и она едва слышно шептала, чтобы не сбиться с мысли. – Они были связаны. А он погиб, пытаясь открыть проход из замка».

«Кто закрыл замок? Почему ты пришла к этому алтарю?»

«Кайор. Он хотел на мне жениться, но поступил нечестно, надев на меня браслет покорности. Родители пытались меня увести. А этот алтарь находится в городе темных магов, и они готовы меня защищать».

«Им нужно доказательство?»

«Да. Добавить немного силы источнику».

Некоторое время он молчал, потом так же бесстрастно произнес:

«Добавлено. Твоя защита усилена. Будь осторожна. Ты последняя из

рода хранителей».

Светлое оконце погасло так же стремительно, как и появилось, и в нише стало почти темно, только светился алыми и зелеными глазками выложенный из самоцветов узор, не имеющий для непосвященных никакого смысла.

А потом за спиной Леаттии начало медленно светлеть, и она поспешила обернуться. И к тому моменту как призрачная преграда растаяла окончательно, девушка успела стереть невольные слезинки и выдавить на губы бледную улыбку. Но обмануть учителя не удалось.

– Как ты себя чувствуешь? – Окинув ученицу проницательным взглядом, Джар подал ей руку и помог выйти из ниши.

– Хорошо, – поспешила успокоить магов Леаттия. – А вы что-нибудь заметили?

– Конечно, – не скрывая радости, широко улыбался Эгрис. – И весь Гайртон наверняка уже ощутил. Поэтому вам нужно отсюда уходить, мы задержим любопытных.

– Жаль, нельзя порталом! – Схватив девушку за руку, Джарвис ринулся прочь из хранилища.

Он шел очень быстро, почти бегом, но направлялся не к домам, а в глубь роции и тащил за собой ученицу, ни на секунду не выпустив ее ладони. Леа бежала за ним, думая только о том, как бы не споткнуться, и радуясь в глубине души, что послушала Санди и надела харказское платье, едва достигающее до щиколоток. В длинном ей вряд ли удалось бы двигаться так проворно.

– Кажется, успели, – остановился Джарвис минут через пять, создал небольшую темную коляску с крыльями и парусом, и Леа торопливо полезла на заднее сиденье.

Маг сел впереди, повозка взмыла вверх и, огибая хранилище по широкому полукругу, направилась к его дому. Почти минуту Джар молчал, потом обернулся и осторожно спросил:

– Тебе разрешено кому-либо рассказывать, как ты это сделала?

– Нет, – вздохнула девушка, понимая, как не хотела бы сама в подобной ситуации услышать такой ответ.

– Тогда держись и не соглашайся ни на какие предложения. Темные маги – как дети и видят в тебе сейчас только новую, интересную игрушку.

Вскоре они вышли на знакомый ей балкон и сразу же обнаружили, что Джар не зря волновался. И Эгрис, и Бензор уже ждали их в небольшой гостиной.

– Покажите руки, ваша светлость, – учтиво, но непреклонно попросил

глава гильдии, едва девушка оказалась в комнате.

– Пожалуйста, – сразу сообразив, что он заподозрил, протянула обе ладони графиня. – Только не называйте меня светлостью.

– Тогда милостью, – буркнул он, вместе с казначеем бдительно разглядывая ее пальцы. – Вам бессмысленно изучать жизнь кухарок и горничных, для понимания политических интриг и международных проблем вовсе не нужно умение варить суп. Теперь я ясно осознал, почему именно герцог Брафортский и его потомки столько лет были хранителями тайны алтарей. Ваше герцогство находится почти в центре нашего материка, и все важные события, произошедшие во всех примыкающих странах, непременно становятся известны в Югрете.

– Немного не так, – усмехнулась Леаттия, решив пока отдать им малое ради сохранения большего.

Но не сразу, а понемногу, иначе магистры никогда не оценят подарок.

– А как? – Мужчины даже дыхание затаили, и Леа на миг почувствовала себя жестокой кокеткой, морочащей головы сразу трем ухажерам, как сегодняшняя ученица.

– Это тайна, – словно нехотя сообщила она и вздохнула. – Хотя некоторые современники моего прапрадеда все видели своими глазами... и даже записали. Только не сумели правильно понять.

– Я знаю назубок жизнеописание первого герцога Брафортского, – задумчиво уставился на нее Бензор, – изучил все старинные летописи и книги. Почти две тысячи лет назад наступило смутное и тревожное время. Магическая энергия, до той поры струящаяся над миром свободно, как ветер, вдруг иссякла, и лишь источники еще давали немного энергии. Древние расы, о которых не осталось никаких достоверных сведений, только путанные легенды, разом куда-то исчезли вместе с самыми сильными человеческими магами, а развитие ремесел, науки и магии оказалось резко отброшено назад. Исчезли удобные летающие ковры, кресла и лодки, порталные амулеты стали невероятно дороги и заряжались почти месяц вместо пары часов. Впрочем, все это вы знаете. И когда прошел слух, что Терсна из ручья, терявшегося в непроходимых болотах, вдруг стала полноводной рекой и уже образовала большое озеро, туда отправился на разведку отряд авантюристов из разных королевств во главе с молодыми аристократами. Они мечтали найти новый источник и построить город. В пути им встретились всевозможные трудности и враги, и многие повернули назад или заплутали в лесах. В ту весну до берегов Горнео дошел только граф Брафорт со своими людьми, а когда на следующий год сумели добраться его друзья и соперники, на холме уже вовсю шло строительство

первого замка, и воинам нового герцога помогали толпы пришедших на вольные земли простолюдинов и молодой, но сильный придворный маг. Вот про него известно очень мало, никто так и не описал внятно, откуда он взялся и куда делся через несколько десятков лет.

– Очень точно, – кивнула Леаттия и не выдержала, бледно усмехнулась: – Осталось только сделать правильный вывод, и вы поймете, что по-другому просто не могло быть.

– Выводов делали даже не десятки, а сотни, – разочарованно скривил губы казначей. – Многие пытались понять, как вышло, что самые сильные и опытные воины вернулись ни с чем, а юный Брафорт, не участвовавший до этого ни в одной стычке, успешно добрался до озера и сразу же наткнулся на источник. Некоторые даже подозревали его в сговоре со своим придворным магом Мигелисом, но вынуждены были сдаться перед силой неопровержимых фактов. Слишком много было свидетелей, плывших вместе с магом на одном судне из Бокарта и позже пробиравшихся с ним через леса и перевалы. И абсолютно все видели, что к тому времени, как они достигли Югрета, граф уже успел объявить себя герцогом и начать строительство. Поэтому ни один вывод до сих пор не считается истинным... всегда находится какой-то довод против.

– И все же он есть. И ты сам минуту назад сказал главные слова, которые являются ключом к разгадке.

– Ты можешь их повторить? – подался вперед Бензор.

– Подожди, – остановил его глава гильдии. – Оставь это на завтра. Сейчас есть более важное дело, и разговаривать о нем мы будем не здесь. По моим щитам шарят уже не менее пяти поисковиков, и долго их удерживать я не смогу. Поэтому мы уходим, а вы забирайте Санди и отправляйтесь в путь. Вот письмо... прочтешь позже.

Он достал листок бумаги, что-то торопливо написал и, ловко свернув его треугольничком, бросил Джарвису. А потом подхватил под руку казначея, и магистры исчезли, словно были фантомами.

– Жаль, не придется погулять по Гайртону. – Направившийся к двери маг вовсе не выглядел раздосадованным – скорее озабоченным. – У тебя пять минут на сборы. Санди поможет уложить все вещи.

Леаттия неспешно направилась следом, хотя совершенно не понимала, почему они должны куда-то бежать и чего опасается глава гильдии. Неужели и у него, как у обычных правителей, тоже есть недоброжелатели, мечтающие занять самое большое кресло в главном зале?

– Давай быстрее, – в дверях налетела на нее травница, – умойся и переоденься, платье на кровати. Вещи я уложила, сейчас еще корзинку со

снедью соберу.

Последние слова донеслись до Леаттии уже из кухни, и она невольно заторопилась, заражаясь тревогой Сандии. Значит, им и в самом деле грозит опасность, раз та носится по дому как молоденькая девчонка и ничуть не огорчена, что снова нужно бежать куда-то на ночь глядя.

В этот раз летающая повозка, ожидавшая их на балконе, была вдвое больше прежней, и в ней разместилось два удобных диванчика и стоящее к ним спиной глубокое кресло для мага.

– Можете отдохнуть, – сообщил он, закрывая дверцу, а в следующее мгновение за окошками вместо резко рванувшейся вниз освещенной двери в гостиную вспыхнули яркие светлячки первых звезд.

– Да вроде не устали, – пробормотала знахарка, устроившаяся напротив Леа, и тут же сладко зевнула: – Хотя день и правда был хлопотный.

А через полминуты задышала мирно и ровно, как дышат только спящие люди.

– Леаттия, – маг повернулся к ученице вместе с креслом, – нам нужно поговорить без свидетелей. Как твой учитель я отныне за тебя отвечаю и должен знать, как и чем тебе помочь. Ты ведешь себя очень неосторожно, впервые видишь людей и начинаешь открывать им весьма серьезные тайны.

– А ты им не доверяешь? – испытующе смотрела на спасителя графиня.

– Доверяю, потому и молчал. Но и кроме них найдется очень много желающих узнать как можно больше о твоих возможностях. В мире, где магия постепенно угасает, легко открывающий и закрывающий источники человек становится дороже любых сокровищ и дворцов.

– Поэтому мы и убегаем?

– Да. Эгрис ведь сказал, что кто-то пытается вскрыть его щиты. Маги видели, как он направляется к алтарю, а резко возросшую мощь источника заметили почти все. У одних запищали быстро зарядившиеся обереги, у других ярче вспыхнули светильники, у третьих начали греться амулеты, показывающие близость источника. И едва кто-то вспомнит, что главу видели рядом со мной и девушкой, как нас обязательно свяжут с произошедшим.

– А если мы убежим, то разве уже не свяжут? – задумалась его ученица.

– Эгрис и Бензор – сильные магистры и опытные интриганы, – усмехнулся Джар. – У них всегда приготовлено несколько версий

произошедшего, и я не сомневаюсь, что они сумеют все объяснить так правдоподобно, что комар носа не подточит. Но нам на всякий случай лучше находиться подальше, твоя защита вызывает интерес и законное недоумение магов. Ведь бедным харказкам никто и никогда не кастует огненные щиты.

– Кстати, – невольно вздохнула графиня, – защиту он мне увеличил и велел быть поосторожнее.

– Кто «он»? – Глаза мага на миг изумленно расширились и тут же стали подозрительными.

– Дух источника... так мы называем. Он помнит все события и может отличать правду от лжи, поэтому обмануть его невозможно. И если однажды меня или другого хранителя приведут туда силой и заклинанием либо зельем заставят открыть источник, он просто не отзовется. Хранителя можно даже убить... духа этим не проймешь, он – не живое существо, а память древнего мага.

– Сейчас я посажу лодку в безлюдном месте и проверю твою защиту, – помолчав, решил Джар, но Леа решительно запротестовала:

– А вдруг на тебя налетит негасимый огонь или какая-нибудь гниль? Ведь всем известно, что в древности маги были намного сильнее и знали неизмеримо больше. Куда мне тогда бежать и как спасти тебя и Санди?

– Возможно, ты права, – нехотя согласился учитель и упрямо вернулся к прежнему разговору: – Тогда расскажи мне, чем ты хотела поделиться с главой гильдии, и я сам решу, нужно ли рисковать или можно подождать.

Глава двенадцатая

Утро началось для Леаттии с ошалелого пения птиц, и еще даже не проснувшись до конца, девушка задалась вопросом, куда снова забросила ее судьба?

Несколько часов назад, когда летающая лодка наконец причалила к балкону дома, бледно светившего в ночи окнами, Леа мечтала только об одном – добраться до постели. Ни на что другое уже не оставалось сил. Разговор с Джаром растревожил и без того бередящую душу рану, и пока он молча смотрел вперед, непонятно каким чутьем находя путь среди мерцавших за оконцами звезд, графиня снова вспоминала и переоценивала довольно скудные, зато жестокие события последнего времени.

И давилась непролитыми слезами, проклиная Кайора, безжалостно укравшего у нее несколько самых счастливых лет юности. А заодно складывала в единую картинку обрывки разговоров и намеков, которым прежде, в ослеплении мнимой привязанностью к жениху, не придавала никакого значения, и с ужасающей ясностью понимала, какой дурочкой он ее считал. Впрочем, не стоит лгать самой себе – такой она и была, раз даже не догадалась, что герцог давно знает, кто станет следующим хранителем тайного фамильного умения.

И ладно бы он это особо скрывал, ничего подобного. Кайор почти в открытую обсуждал проблемы герцогства с придворным магом, и ее счастье, что это оказался Эгрис.

– Ваша милость, – тихонько позвала бесшумно вошедшая в спальню Санди, – пора вставать, время второго завтрака. Маги уже волнуются.

– Не называй меня так наедине и когда нет чужих. – Зевнув, Леа села на постели, сладко потянулась и уставилась в окно, за которым виднелись облитые розовой пеной цветов верхушки старых яблонь. – Какая прелесть!

– Как выйдешь на террасу, еще не то увидишь, – довольно пообещала знахарка, даже не подумав спорить с беглянкой, заботливо опекаемой самыми сильными магами гильдии. – Но сначала умойся, я принесла платья и помогу одеться.

– Какие платья? – оглянулась графиня и ошеломленно замерла, разглядывая ворох разноцветных шелковых и муслиновых оборок.

Неимоверное искушение для девушки, второй год носящей траур по родителям.

– Джар с утра пораньше слетал куда-то и привез, – развешивая наряды

в добротном шкафу, поясняла травница. – Все старые велел убрать. И обличье тебе заклинанием изменили, пока спала, так оно легче переносится.

– Как это «изменили»? – Мгновенно забыв обо всем остальном, Леаттия, уже начавшая понемногу привыкать к смуглой коже, ринулась к зеркалу. – Ой!

– Вот и я не сразу узнала, – лукаво пошутила Санди, с удовольствием рассматривая рыженькую, как лисичка, девушку с россыпью веснушек на щеках и зелеными глазами в обрамлении пушистых ресниц со светлыми кончиками. – Очень хорошенькая. Хотя сравнения со своей собственной красотой не выдержишь, зато ничуть не походишь на портреты, которые есть у всех сыскарей и наемных ищеек.

– И как меня теперь зовут?

– Все так же, Лайной, – пояснила знахарка и подтолкнула графиню к умывальне: – Беги, успеешь еще насмотреться.

Как ни странно, но превращение из беглой харказки в рыженькую девицу, довольно обеспеченную, судя по платьям, неожиданно подняло Леаттии настроение, и на окруженную цветущим садом веранду, где уже сидели за столами все темные маги, она впорхнула с легкомысленной улыбкой.

И на миг настороженно замерла, поймав на себе задумчиво-проницательные взоры мужчин.

– Доброе утро.

– Доброе утро, ваша милость, – приветливо улыбнулся в ответ глава темной гильдии. – Надеюсь, вам понравилась внешность Элайны Габрони?

– Так это... – сразу осознала свою ошибку Леа, – настоящая девушка? И куда она делась? И зовите меня попросту Лайной.

– Хорошо, – без споров согласился Бензор и успокоил: – А девушка существует только по документам. И по ним она вместе с братом и тетушкой живет здесь, в собственном поместье.

Однако хранительница не приняла такого скупого объяснения и, сядя к столу, продолжала ожидающе поглядывать на Эгриса.

– Нам частенько приходится менять обличье, – мягко сообщил он. – Например, устраиваясь на должность придворных магов или принимая контракты у коллег. В этих случаях необходима достоверная история жизни, ведь даже селянин не может взяться ниоткуда, не говоря уже про мага. Иначе любой мало-мальски сообразительный сыщик мгновенно свяжет таинственного незнакомца с темной гильдией. Поэтому мы во всех странах скупаем на подставных лиц небольшие поместья, предпочтительно

расположенные в удаленных от столиц и дорог местах.

– А если туда случайно приедет кто-то из соседей с визитом или по делам? – Леаттию интересовали подробности.

– Там всегда живут слуги... особые. Те, кому гильдия помогла скрыться от врагов, или отрабатывающие за услугу. Например, за излечение детей. И они очень доходчиво объясняют незванным гостям, что хозяин уехал со всей семьей на море или на свадьбу друга и не велел пускать в дом никого чужого. Нельзя, чтобы кто-либо мог заранее рассмотреть хозяев, существующих только в договорах продажи или аренды. А вот это поместье нелюдимый старик-алхимик два года назад завещал в равных долях сразу пятерым дальним родичам, и уже почти два месяца как трое из них вступили в права наследования. Двоюродная сестра бывшего хозяина и двое племянников.

– Почему именно два месяца?

– Именно столько времени здесь не появлялся никто посторонний, – довольно усмехнулся Эгрис. – И кроме того, тогда как раз стоял снег и подсохли дороги. Зимой и в распутицу добраться сюда очень непросто. А через день или два, как только мы все подготовим, вы отправитесь в ближайший город, а потом и в столицу. Джарвис намерен подыскать сестре достойную партию.

– Боюсь, – хмуро усмехнулась хранительница, – это будет нелегкая задачка. А кстати... что ты говорил про мага?

– У вашего «брата» обнаружили «небольшие» магические способности, – хитро усмехнулся Бензор. – Хотя мы бы предпочли никому их не показывать, но, увы, это невозможно, все сильные маги видят свет ауры. Поэтому пришлось лишь приглушить ее особыми амулетами, и теперь Джару придется изображать слабенького самоучку.

– Зато это объяснит привычку твоего учителя постоянно носить несколько амулетов и никуда не ходить без кошель с магическими принадлежностями, – добавил Бензор.

Лишь в этот момент Леа обнаружила, что беседует только с главой гильдии и казначеем, а Джарвис, сосредоточенно поедающий все подряд, пока не произнес ни слова. Хранительница даже виду не подавала, что заметила эту странность, и порадовалась про себя постепенно возвращающимся привычкам и умениям, которые с детства вырабатывали у нее родители. Особенно способность в любой ситуации сохранять хотя бы видимую невозмутимость.

Просто бесценное качество, когда рядом нет ни одного родного человека, которому можно было бы доверять безоглядно. Всем остальным

нельзя, даже вот этим троим магам и знахарке. Хотя и очень хочется, пусть пока авансом, в благодарность за спасение от Кайора.

– А Санди тоже поедет с нами? – задумалась Леа. – Не слишком ли подозрительное это совпадение – мужчина и две женщины?

– Это ты могла бы засомневаться, – откровенно засмеялся Эгрис, – так как знаешь, с кем убегала. Но не забывай, что там побывал я и стер все следы, даже малейшие. Зря Джар бросил там твои ботинки, никто даже предположить не смог, что ты перелезла через стену. Все считают, что, усыпив шпионку и надев ее плащ, ты вышла через ворота, обманув охрану каким-то зельем или амулетом. Один лишь Кайор в это не поверил, его волновало, как тебя мог пропустить защитный купол. Вот на этот вопрос я ответа не имел, так честно и признался. Намекнул, правда, на некие тайные артефакты, о которых он и сам знает... и тотчас получил отставку. Да еще и гору обвинений и угроз... ну, об этом я уже говорил. – Магистр помолчал и повернул разговор на прежнюю тему: – Обычно все более-менее знатные и состоятельные девушки путешествуют или ездят в гости в сопровождении тетюшек и компаньонов и под защитой братьев или наставников. Весной как раз наступила пора пикников, прогулок и поездок, и таких компаний полно на всех дорогах и во всех городах. Молодые девицы спешат вознаградить себя за многодневное зимнее сидение с вышивкой у камина и редкие поездки к соседям на чай.

– Мне кажется, необходимо отложить это путешествие на несколько дней, – наконец соизволил буркнуть хмурый Джарвис, – пока не проверим ее защиту. А Санди как раз научит Лайну по полдня бессмысленно болтать о погоде и цветочках.

– Я умею вести такие беседы, – учтиво улыбнулась ему хранительница и твердо отчеканила: – А вам самим проверять мою защиту не разрешаю. Мне за последнее время и без того хватило потерь. Вот отправимся в город, может, по дороге кто и попадется... более подходящий.

– А ты, – осторожно поинтересовался глава, – что-то знаешь о том, каким образом работает твоя защита?

– Нет, – уверенно ответила Леа, посмотрела в огорченное лицо магистра и решила немного пояснить: – Заранее этого никто и никогда не ведает. Но мне рассказывали, какие странные вещи случались с теми, кто пытался напасть на хранителей. Однажды в одного из особо ярых бандитов, желавших поживиться амулетами и ценностями моего прадеда, вдруг выстрелил его дружок... и убил наповал. Пока с ним разбирались остальные бандиты, подоспел отряд герцогских гвардейцев.

– Я читал про этот случай, – с досадой выдохнул Бензор, – но даже не

подозревал, что есть и такое пояснение странному помешательству оголтелого бандита. А еще?

– На моей прабабушке желал жениться один из принцев соседней страны, и когда она отказала наотрез, пригрозил ославить перед всеми. Он сумел украсть несколько ее писем, предназначенных прадедушке. Тогда тот еще не был с ней обручен.

– Помню, – прищурился Бензор, – ночью в покоях гостя вспыхнул пожар, и едва не сгоревший вместе со всем имуществом принц от страха помутился разумом. Так, значит, возмездие не всегда приходит мгновенно, и это действительно страшно. Хотя мне казалось, что достаточно послать верную служанку или влить в дымоход ведро очищенной смолы.

– Сильнейшие маги трех соседних стран искали в тот раз виновных, – усмехнулась Леаттия, – и не нашли никаких следов злого умысла, как и причин, по которым на принца могли бы устроить нападение. Подлец был очень осмотрительным и старательно дружил со всеми, кого считал нужными людьми.

– А закончил жизнь, строя ряды солдатиков, – фыркнул Эгрис, покосился на Джара и опасливо спросил: – А можешь прояснить вчерашние намеки на первого герцога Брафортского?

– Конечно, – улыбнулась ему Леа, стараясь не замечать недовольного взгляда учителя. – Все почему-то считают, что древние расы ушли из нашего мира, рассердившись на людей. Видимо, судят по себе. На самом деле все было совершенно иначе. Магия начала иссякать задолго до этого, и они просчитали, что если проживут здесь еще несколько столетий, то уже никогда не смогут уйти, просто не хватит энергии. А выжить без магии тоже не сумеют, она для них необходимость. Потому и уходили так срочно, прихватив всех, кому для полноценной жизни требуется много энергии. Даже людей с сильным даром позвали и забрали всех желающих вместе с семьями. Но некоторые из магистров не захотели бросать родину, и вот они-то и присматривали первое время за источниками.

Девушка вздохнула, припомнив, к чему это чуть не привело, допила остывший чай и, глядя на примолкших магистров, продолжила рассказ:

– Старшие расы были мудры и знали, что надолго оставлять хранителями людей с магическим даром нельзя. Со временем они станут цепными псами при своих источниках и постараются никому не отдавать драгоценную энергию. По крайней мере, задаром. А древние не для этого возводили источники и направляли в них потоки силы. Потому-то и решили провести испытание на фамильное звание хранителя. Открыли в Терсну приток подземной воды и пустили слух об озере Горнео. А на пути

искателей приключений и смельчаков поставили несколько разнообразных и очень каверзных ловушек – преодолеть их мог только самый честный, справедливый и сильный духом претендент. Потому-то не дошли до озера в ту весну ни сильные, жестокие воины, ни хитрые, ловкие авантюристы. Ну и, разумеется, для защиты избранника и помощи в основании сильного государства древние на время оставили выбранного из добровольцев сородича.

– Действительно просто, – кивнул своим мыслям Эгрис, – когда мысленно встаешь на их место. И с защитой понятно – оставлять беззащитного хранителя нет смысла. Неясна только одна тонкость, но значения она не имеет.

– Какая? – напряглась Леа.

– Как передается эта должность, или обязанность, если вы не можете быть магами?

– Способ должен быть таким, – задумчиво прищурился Бензор, – чтобы никто из людей или магов не смог его повторить или использовать особенность хранителей.

– И он именно такой. – Магам об этом Леаттия могла сказать свободно, они не простые люди, сразу уяснят все тонкости и примут как данность невозможность их воссоздания. – Ничто не должно было лишить хранителей их святой обязанности или заставить исполнять ее по принуждению. Ни магия, ни смещение крови потомков, ни наговоры или ментальные заклятия. Но вот об этом я рассказывать не имею права никому, кроме следующего хранителя. Вам достаточно знать одно: последнего хранителя убить не так просто, хотя все-таки можно, и тогда вмиг закроются все источники, а где-то недостижимо далеко вспыхнет тревожный сигнал. Но какое решение после этого примут потомки древних рас, не может знать никто в нашем мире.

– Нечто подобное я и предполагал, – мрачно сообщил Джарвис, – и потому считаю необходимым никуда ее не выпускать хотя бы пару лет. Не нравится этот дом – пусть выберет любой из наших владений, не подойдет ни один из них – купим новый, какой захочет. Притащим толпу фрейлин и служанок, кухарок и модисток. Найдем танцмейстера, менестрелей и клоунов, пусть развлекают. И одновременно будем учить тем навыкам, какие сочтем нужными. Девочка пять лет проспала с открытыми глазами и отстала от сверстниц, пусть считает, что ей снова пятнадцать, внешность вполне подходит. А мы пока изучим характеры всех знатных молодых мужчин от графов до королей и начнем приглашать их в гости... инкогнито.

Леаттия выслушала это неожиданное предложение учителя с

фамильным безразличием, с первых же слов осознав, как непросто на него ответить. И, возможно, та Леа, какой она была еще четыре декады назад, возмутилась бы сейчас до глубины души, ведь тогда она считала себя очень образованной и самостоятельной наследницей знаменитого рода и избранницей правителя.

Но хранительница, в которую она постепенно превращается, уже успела понять и почувствовать на собственном опыте, насколько она беспомощна и неопытна в самых простых жизненных делах. Хотя теперь с этим, – судя по тому, кем намерены представить ее обществу маги, – Леаттии, похоже, удастся справиться, в конце концов, лишь немногие знатные дамы умеют умываться в ручьях. Намного хуже другое: в чем-то он и впрямь прав, ее новый учитель. Она совершенно не умеет разбираться в людях. И не сможет с первой встречи отличить льстеца от по-настоящему доброжелательного человека, а лгуна – от говорящего только правду. Да и со второй и третьей тоже вряд ли прозреет. Как выяснилось, ей нужно случайно увидеть тайное занятие хорошо знакомого человека, чтобы разглядеть его истинное лицо.

И вот этому Леа намерена учиться в первую очередь, причем упорно. Но не только на собственном опыте – в таком случае это обучение растянется на долгие годы, а этого она себе позволить не может. Хранительнице необходимо как можно скорее найти надежное место в жизни, а лучше – еще и верного сильного мужчину, которому она сможет доверить свои тайны и воспитание будущих хранителей. Такого, каким был ее отец.

А это почти невозможно, если она будет сидеть в хорошо охраняемом замке, как кактус в оранжерее. Уж об этом Леаттии известно очень хорошо, никто из по-настоящему достойных женихов не поедет искать себе невесту в такую глушь. Туда начнут стекаться охотники за приданым и те, кто успел изрядно подпортить репутацию в столице мотовством, интригами, изменами и прочими недостатками, которых ни одна заботливая мать не желает иметь в своем зяте. Поэтому придется отказаться от совета своего спасителя, хотя Леаттии и очень не хочется ему перечить. В то, что он искренне желает ей добра, хранительница верила почти безоговорочно.

– Спасибо, Джар, – оглядев примолкших магов, дружно топивших взоры в чашках с горячим взваром, очень кротко произнесла хранительница, – ты во всем прав, и это действительно хороший совет. Мне очень не хочется тебя огорчать, но мне, к сожалению, такой выход не подходит. Ты и сам знаешь почему. В твоём замке за высокими стенами могла бы жить и я всего два месяца назад, но теперь не сумею. Там мне

никогда не найти настоящих друзей и надежного спутника жизни и не выяснить, кто из правителей и их наследников достоин моей помощи. Поэтому мы все же поедem в столицу... Кстати, если я не ошибаюсь, мы сейчас в герцогстве Овертон?

– Да, – кивнул Эгрис, – и я не буду спрашивать, как ты это определила. Ответь, если можешь, на другой вопрос: у вас есть запрет на союзы с магами?

– Нет. Запрета нет. А правило, установленное первым герцогом, всего одно – вступать в святой союз только по велению души. Нельзя пускать в семью человека, которому не сможешь доверить самые сокровенные родовые тайны. – Припомнив собственную помолвку, Леа с трудом сдержала тяжкий вздох и невесело усмехнулась. – Хотя никто из чародеев никогда и не ухаживал за моими прабабками. Ведь вы все мечтаете иметь в наследниках сильного мага и точно знаете, что в роду Брафтортов одаренные не рождаются.

– Ты права, я и сам всегда так считал. Но теперь думаю по-другому, – признался глава гильдии.

– Не пугай меня так, – шутливо отшатнулась Леаттия. – Боюсь даже представить, во что может вылиться перемена твоих убеждений.

– Ничего особо страшного не произойдет, – с лукавой усмешкой успокоил ее магистр, – просто теперь охранять тебя в пути будут самые симпатичные маги.

– Чтобы нас заметили все кокетки придорожных городов и селений и устраивали по вечерам пляски бабочек у фонаря, – съязвил Джар.

– У них у всех будут сильные амулеты отвода глаз, – твердо пообещал магистр. – Сами понимаете, отправить вас без надежной защиты мы не имеем права. Слишком дорого теперь может обойтись любая ошибка. Но мешать вам они не будут – просто присматривать за подозрительными проходимцами. Весной оживляются не только девушки на выданье, но и всевозможные мошенники и злодеи.

Леаттия ожидала, что учитель начнет спорить или протестовать, но на этот раз он смолчал, видимо, был согласен с главой гильдии.

– В таком случае мы отправляемся готовить для вас дом, – поднялся из-за стола Бензор. – Давненько я не изображал управляющего, посланного хозяином купить небольшой, но приличный и удобный особняк в хорошем районе и за скромную цену.

– А мне и вовсе придется изображать кучера и таскать в этот дом купленную на распродаже мебель, – подмигнул Эгрис. – Но это намного веселее, чем лечить жертв Кайора.

– И что, там не осталось никакого лекаря? – мгновенно расстроилась Леаттия.

– Пока там некому свирепствовать, – мстительно усмехнулся Бензор. – Герцог лично ездил по заставам проверять всех пойманных сыщиками девушек и случайно оступился... теперь лежит с переломанной ногой и распоротым плечом. Но есть и неприятная новость. Как выяснилось, его секретарь Транис – довольно сильный маг, хотя и не учился ни у кого из белых и темных магистров.

– Я хорошо его помню, – плечи девушки зябко передернулись против ее воли, – у него всегда был такой тяжелый, прожигающий подозрением взгляд.

– Как странно, – с досадой бросил ложечку Джарвис, – я тоже с ним частенько встречался, когда занимался с тобой алхимией. И мне он всегда казался вялой, скучной личностью, не интересующейся ничем, кроме составления приглашений и подшивки писем.

– Очень хитер, – скупое пояснил Эгрис, – и носит хороший амулет. Но какой точно, даже я не разобрал, он никогда не надевает его без грозди всевозможных оберегов и талисманов удачи. О нем я позабочусь сам, мои ученики не выпускают его из виду ни на миг. Но нам пора, отдыхайте и развлекайтесь, а через пару дней выдвигайтесь в путь. До столицы недалеко, за декаду спокойно доедете. Коней я привел, конюх – надежный человек, как и домоправительница.

Маги растаяли в порталах незаметно, как утренняя роса с травы, и на террасе сразу стало как-то пусто и очень тихо. Джарвис молча и неторопливо допивал взвар, Леаттия любовалась цветущим садом и обдумывала новости, словно невзначай выданные ей магами. Хотя и была совершенно уверена: ни одного лишнего слова они в отличие от нее не сказали, только то, что сочли необходимым.

Но жалеть ей не о чем, как ни крути, а темные маги неожиданно оказались самой здравомыслящей силой из всех, кому небезразлично будущее их мира.

– Леа... – вдруг тихо спросил учитель, и она от изумления даже забыла о необходимости удерживать на лице бесстрастную маску, – тебя очень расстроило мое предложение поселиться в крепости?

– Нет, – открыто глядя ему в глаза, ответила девушка. – Я прекрасно понимаю, что там все мы были бы в безопасности. И года через два, а может и раньше, как только посмотрю на всех правителей, я обязательно поселюсь именно в таком месте. Ведь мой прадед не зря первым делом принялся возводить высокие стены замка. Его наставник, тот маг, многое

знал и предусмотрел... жаль только, кроме Кайоров.

– Думаю, появление разных властолюбцев вроде них он тоже предугадывал, – с досадой хмыкнул Джар и резко встал из-за стола. – Просто твои предки понемногу уверовали в собственную неприкосновенность и ослабили бдительность. Извини... я не хотел тебя задеть.

– Да я и не обижаюсь, – с горечью усмехнулась хранительница. – Ты снова прав. Только никому от этого не легче.

– И все же извини, – теперь он стоял у перил к ней спиной и упорно изучал сад, – за проверку. Но это главное правило темных магов – никогда не ввязываться ни в какие интриги и авантюры, не будучи полностью уверенными в благоразумности и надежности напарников и подопечных.

Глава тринадцатая

– Здесь на десяток миль поблизости ни одного хуторка, – многозначительно сообщила появившаяся на террасе травница, и Леа на миг забыла о собственных заботах и об интригах темных магов.

Перед ней стояла вовсе не та женщина, которая полтора часа назад отправляла девушку завтракать. Она не стала толще или выше, но выглядела теперь более привлекательной. Ее каштановые волосы, поднятые надо лбом в высокий валик, где-то растеряли серебро седины, зато приобрели массивный черепаховый гребень. Замысловатая вязь его резьбы светилась жарким янтарем, прекрасно сочетаясь с длинными сосульками серег и ажурной золотистой шалью, наброшенной на плечи поверх вишневого кашемирового платья.

– Санди, ты отлично выглядишь, – опередил Леаттию маг. – Я давно говорил, что нам следует поселиться в дядюшкином имении. Все же климат тут намного лучше, чем в Нардии.

«Еще бы не лучше», – вздохнула про себя Леа.

Нардия – северо-восточное королевство, знаменито снежными зимами, тучными пастбищами и огромными сырами, которые бородатые владельцы сыроварен привозят на осенние ярмарки почти во все столицы континента. А вот Овертон расположен на юге и надежно защищен от северных метелей невысоким, поросшим густыми дубовыми и буковыми лесами горным хребтом Тезграу. Поэтому тут властвуют сады и виноградники, ореховые рощи и хутора, выращивающие ранние овощи и огромных темно-серых гусей. Именно отсюда всегда привозили в Югрет по осени бутылки розового игристого вина и мешки с изюмом и орехами.

– Можете звать меня просто тетушка, – лукаво улыбнулась знахарка. – Госпожа Алесанда я только для чужих.

– Постараюсь запомнить, – с облегчением улыбнулась ей Леаттия, больше всего опасавшаяся, что Санди выберет для себя роль чопорной, придирчивой зануды.

– А еще постарайся понимать намеки, – подмигнула травница. – Пока не прибыли охранники и горничные, мы вполне можем погулять.

– Ты очень плохо знаешь моего друга, – ухмыльнулся в ответ на это предложение Джар, – если на самом деле считаешь, что он первым делом не привел сюда охрану, лично не расставил вокруг имения шатры-невидимки и не растянул между ними охранную сеть. Но по саду можете

гулять сколько угодно, близко к дому они не подходят.

– И после этого он предлагал мне спрятаться в надежной крепости! – Леаттии вдруг стало смешно и так легко, как не было со дня гибели отца.

С тех самых пор как она сообразила, что у них с матерью не осталось больше ни одного человека, способного заступиться в трудную минуту. Как ни странно, но Кайора, несмотря на детское восхищение, защитником она никогда не считала и только теперь начала понимать почему. Его браслет только притупил ее сообразительность и чувство справедливости, но не мог искоренить тех душевных качеств, которые всегда были присущи всем урожденным Брафортам. Честность, преданность, сострадательность и доброту.

– Раз ты так говоришь, значит, не согласилась, – прищурясь, сделала правильный вывод Санди. – И в таком случае я намерена преподать тебе первый урок. Каждая девушка должна знать, как избежать мелких пакостей, какими могут испортить ей настроение и платье завистливые змейки, убежденные, что все мужчины должны смотреть только на них.

– Матушка мне об этом говорила.

– Не сомневаюсь. Но тогда ты была невестой герцога и любая из гостей Кайора даже за самую маленькую подстроенную тебе гадость могла получить очень суровое наказание. Да и нанятые им соглядатаи следили в оба.

– То есть я пять лет жила в клетке, – горько усмехнулась Леа, – но и близко об этом не подозревала. Ну тогда рассказывай, с чем мне придется сражаться.

– Сначала скажу про клетку, – испытующе глянула на нее травница. – Мы все с рождения живем в клетках, только невидимых, и никогда о них не задумываемся. Да и нет в том нужды. Ведь самая первая клетка – материнская любовь и забота – самая теплая, приятная и надежная. Она будет с нами всю жизнь, даже тогда, когда уже уйдут за грань родители. Ведь останется построенный ими дом или посаженный сад, вложенные в руки умения или жизненный опыт. И воспоминания, которые помогут преодолеть жизненные трудности. Вторая клетка – всеобщие законы, правила и порядки, и тех, кто пытается их обойти, не ждет ничего хорошего. Презрение и отторжение, а зачастую даже строгое наказание. Ну и еще много других клеток, в которые мы входим добровольно или случайно, ненадолго или навсегда. Привязанности, дружба, любовь, ремесло или призвание. Совершенно свободен от клеток только живущий в лесу дикарь, но и он сам строит для себя границы, которые старается не покидать. Я не стала бы об этом говорить, но сейчас все мы в одной клетке

и влезли в нее добровольно, по велению души. И я не собираюсь из нее выходить.

– Спасибо, Санди, я поняла. – Графиня смахнула со щеки невольную слезинку и попыталась улыбнуться. – А теперь поясни про подпольную борьбу.

– Как мне намекнул ваш друг, – откровенно глянула на нее знахарка, – у тебя очень мощная защита, и это меня беспокоит. Не слишком ли пострадают шутницы, которые умеют очень ловко опрокидывать варенье и взвар на чужие наряды или даже прически?

– По-моему, – резко остановился направлявшийся к выходу маг, – за такие подлые шуточки никакое наказание не будет чрезмерным.

В его голосе слышалась ярость ледяных буранов, и в этот миг Леаттия ни за что не поверила бы, что когда-то Джарвис был безропотным белым магом.

– Я с тобой полностью согласна, племянник, – мягко улыбнулась ему Санди. – И волнует меня вовсе не здоровье спесивых злючек, а репутация племянницы. Ведь если слухи свяжут ее с парой-тройкой таких случаев, то ярлык ведьмы приклеится к девочке раз и навсегда.

– За это не волнуйся, – не выдержала Леаттия. – Я постараюсь запомнить все твои советы и не попадаться на пути девиц с чашками и тарелками. И кроме всего, отец немного учил меня бою на кинжалах, и хотя я давно забросила эти занятия, но уворачиваться от нечаянных ударов все же умею.

Рассказывать, что еще ни разу ни одного хранителя не заподозрили в умышленном нападении, она не собиралась никому. Как и об особенностях своей защиты, не имеющей ничего общего с ведьминскими трюками.

– К тому же, – сурово добавил Джар, – я постараюсь далеко от нее не отходить, и в любом случае все подозрения падут на меня как на неопытного мага.

– Это тоже не лучший выход, – буркнула вслед ему знахарка и подмигнула хранительнице: – Так мы идем в сад? Мне хочется погулять под цветущими яблонями, пожевать горьковатых лепестков и умыться в не просохших от росы цветах лицо. Эти небольшие радости надолго возвращают мою душу в безмятежные времена детства.

– Идем, – встала со стула Леаттия, с огорчением признавая, что сама она даже не имеет представления, каковы на вкус яблоневые лепестки.

Часа через три, неторопливо поднимаясь на заднее крылечко старинного каменного домика с башенками, балконами и террасами,

девушка была искренне благодарна травнице за настойчивость. Прогулка и в самом деле оказалась восхитительной и подарила море удовольствия и покоя.

До этого дня Леаттии никогда не приходилось часами бродить по молодой травке, обнимать тяжелые ветви, усыпанные пышными белорозовыми гроздьями, задыхаться от нежного аромата, чуточку напоминающего запах роз. И не видеть вокруг ничего, кроме бесконечного синего неба и могучих яблоневых стволов, увенчанных шапками цветов, сливающихся с плывущими вдали облаками.

И неназойливые рассказы Санди, перемежающиеся маленькими лекциями о целебных травах, которые знахарка с удивительной сноровкой отыскивала под кустами и на берегу ручья, привольно извивающегося по саду, ничуть не испортили ощущения праздника.

– Судя по всему, вы прекрасно погуляли, – встретило бредущую по коридору графиню замечание Эгриса, обнаружившегося в столовой с распахнутыми настежь дверями. – И мы тоже. Присоединяйтесь, а то все съедем.

Магистр сидел за накрытым столом и безо всякого стеснения поглощал пахучий весенний травяной суп, оторвавшись, лишь чтобы сделать это приглашение.

– Надеюсь, нам останется хоть немного, – пошутила Санди, – пока мы положим травы.

– Не успеете, – пригрозил Эгрис.

Однако через полчаса, когда, переодевшись и приведя в порядок прическу, в которой обнаружилась целая горсть лепестков, девушка появилась в столовой, еды на блюдах и супа в супницах оставалось еще на полдюжины едоков.

Санди и Джар уже были здесь, и тетушка, как-то незаметно взявшая на себя роль хозяйки, подливала и подкладывала мужчинам все новые порции.

– Обедайте плотнее, ваша милость, – посоветовал магистр, одним взглядом захлопнув резные створки дверей. – В наших планах произошли небольшие изменения.

– Какие? – насторожилась Леа, замерев возле стула чуткой струной.

– Ничего страшного, просто герцог Овертонский, как обычно, устраивает весенний бал дебютанток. Приглашения уже разосланы, нам удалось достать одно, для вас. Джар идет как спутник, а вот приглашать тетушек и компаньонов тут не принято. Считается, что родственнику и самому под силу усмотреть за сестрой, кузиной или племянницей.

– Свиньи, – в сердцах выругалась Санди.

– Согласен, – засмеялся магистр, – но мы все же придумали выход. Ты пойдешь со мной, мне пришлет приглашение придворный маг. Но нужно торопиться, бал через пять дней, а туда, даже если очень спешить, в обычной карете придется ехать не менее шести суток. Поэтому Джару с Элайной придется первую половину пути проделать в сфере. Отправитесь сегодня же, как только стемнеет, чтобы никто не заметил. Неподалеку от маленького хуторка на опушке леса будут ждать лошади с кучером и охрана, маячок я им выдал. Ну а Санди пойдет со мной прямо сейчас, мы уже сегодня должны быть в столичном доме, чтобы не вызвать подозрений несвойственной темным магам поспешностью. Все знают, что балов мы не любим и мчаться ради них сломя голову никогда не станем.

– Эгрис, – наконец опустилась на стул Леаттия, – я только одного не понимаю, зачем нам нужно непременно попасть на этот бал?

– Чтобы не остаться в неуютных, – пояснила вместо магистра Санди. – У герцога три сына, и он не желает, чтобы в его дом случайно или нарочно проникла недостаточно знатная или добродетельная девица. Поэтому заставляет своих секретарей очень тщательно проверять списки и вычеркивать всех, кто замечен в каком-нибудь скандале. Особенно он расвирепел после того, как наследника попыталась прибрать к рукам красотка, от которой за измену отказался жених.

– Ну, эта история довольно темная, – буркнул Джар. – Слухи утверждают, что наследник и был тем любовником, из-за кого расстроилась свадьба. Но он не стал за нее заступаться, и ее родителям не удалось ничего доказать.

– Как интересно, – отодвигая суп, задумчиво протянула Леа и положила на тарелку несколько румяных гусиных колбасок, в дорогу лучше поесть поплотнее. – А у меня сейчас знатный титул?

– Разумеется, – довольно кивнул глава гильдии. – Старинный графский род Габрони достаточно высок по положению и ни в чем неприглядном не замечен. Но, к сожалению, за последние полсотни лет сильно обеднел и потерял почти все поместья и ореховые рощи. Остался лишь фамильный замок, в нем живет затворником ваш двоюродный дядя. Старик давно не в себе и не желает признавать своей родни, а ни у кого из родственников нет денег, чтобы начать против него тяжбу. Но теперь, когда вам отписал наследство двоюродный дядя по бабушкиной линии, Элайна может рассчитывать на очень хорошую партию.

– Лишь бы они на меня особенно не рассчитывали, – прожевав колбаску, с тяжелым вздохом проговорила хранительница. – Избавляться от слишком настойчивых кавалеров я не умею совершенно.

– Как же ты тогда их рассмотришь? – озадаченно уставилась на «племянницу» Санди.

– Не знаю, – слегка слукавила девушка, – но очень упорные мужчины меня пугают... Я не верю, что можно с первого взгляда рассмотреть в человеке хоть что-то, кроме внешности. А это у знатных господ не самая веская причина для немедленной помолвки.

– Ты меня успокоила, – одобрительно кивнул Джар. – А неугодных тебе ухажеров я беру на себя. По дороге обсудим условный жест, а сейчас мне нужно приготовить сферу. В этом месте источник далековато, а кристаллы еще понадобятся.

– Что такое сфера? – задала Леаттия вопрос вставшим из-за стола сотрапезникам и невольно затаила дыхание, ожидая, кто из них будет отвечать.

В том, что Санди выручает магов, когда те не желают что-либо объяснять, девушка почти убедилась. Но теперь ей было интересно, насколько посвящена травница в сокровенные тайны друзей.

– Это повозка, созданная с помощью магии, – немедленно ответил глава темных магов, и девушка почувствовала облегчение.

Когда маги вдруг начинали скрытничать, у нее почему-то без видимой причины портилось настроение, хотя Леа отлично понимала, как много в гильдии тайн, которые не положено открывать чужим.

– Ты на такой уже ездила, – добавил Джар, внимательно поглядывая на ученицу. – Когда нужно, она может стать лодкой, кораблем или каретой. И даже летающей повозкой. Все зависит от количества вложенной энергии.

Немного подождал, не будет ли еще вопросов, и ушел. Магистра с Санди к этому моменту в столовой уже не было, они растаяли в портале.

Леаттия еще несколько минут посидела за столом, раздумывая, чем заняться до заката, и, наконец решив разобраться с одеждой, побрела в свою комнату, смутно сожалея, что ей так мало довелось пожить в этом безмятежном местечке, замеченном цветочными сугробами.

В дверь аккуратно постучали, когда графиня уже успела собраться, переодеться в дорожное платье и в раздумье изучала раскрытый кошель, в который несколько дней назад на бегу ссыпала из шкатулки оставшиеся драгоценности и милые сердцу безделушки. Все то, что прочно привязывало память к прошлому, где мир еще был крохотен и надежен, а родители молоды, веселы и бессмертны.

– Войдите, – по привычке с холодной учтивостью откликнулась Леа и, подсадовав на саму себя, спросила мягче: – Кто там?

– Это я. – Джарвис замер на пороге, словно раздумывая, стоит входить или лучше уйти. – Чем ты занята?

– Решаю неразрешимый вопрос, – невесело скаламбурила девушка, – что делать с украшениями и памятными вещами? Оставлять здесь не стоит, вряд ли я снова вернусь в этот дом, а таскать с собой не совсем удобно. Я уже жалею, что не оставила их в замке, но не хватало времени спрятать в тайник.

– В замке они не были бы в безопасности, – сел напротив маг. – Мы получили послание, что новый придворный маг Кайора облазил с амулетами и подвал, и склеп, и даже чердак.

– Пусть лазит, – в усмешке, чуть заметно тронувшей губы графини, неожиданно проскользнуло ехидство, и она не сочла нужным его скрывать, – ничего он не найдет. Тайник защищен не магией, а хитростью. Но даже если маг его и найдет, то не получит от тех вещей никакой пользы.

– Надеюсь, ты права, – не стал спорить маг. – А эти вещицы можно сдать на хранение Бензору. Все равно надевать их не придется. Эгрис готовит для тебя украшения с особой защитой.

– Тогда заberi. – Решительно завязав шнурок, Леа подвинула кошель с украшениями учителю и перевела взгляд на мешочки с золотом, остатки некогда огромного состояния. – А деньги?

– Тоже сюда, я отдам Санди. Будешь ей говорить, если понадобится какая-то безделушка. Но все необходимое покупаем мы с Эгрисом, по его указу тебе открыто неограниченное пользование казной гильдии.

– Но это же... – От растерянности хранительница не смогла найти нужное слово. – Так же нельзя! Ваши друзья... собратья, или как вы друг друга зовете, будут против!

– Все наши коллеги – люди весьма небедные, – усмехнулся маг, небрежно сбрасывая кошель в знакомый Леаттии серый мешок, – и не волнуются о судьбе золота, которое в виде взноса сдают в казну. Кроме того, все знают, сколько выгодных контрактов и сделок находит Эгрис для гильдии и как много времени отдает этому делу. А ты уже сделала для нас много больше, чем все они вместе взятые, и глава найдет, что сказать тому дураку, который позволит себе усомниться в верности его решения. Хотя я уверен, что в Гайртоне таких нет. А теперь давай сюда свои узелки, это зачарованный мешок, его нельзя украсть или потерять. Но утопить или уронить в пропасть вполне возможно... если будет нужно.

– Понятно, – спрятала вздох Леаттия, не желая даже представлять, какое несчастье должно случиться, чтобы ей пришлось бросать с моста свою одежду.

Серая сфера ждала их на балконе, сливаясь с быстро наступающими сумерками, и девушка уже привычно нырнула в невысокую дверцу. Устроилась в удобном кресле и с огорчением оглянулась на притихший дом, всего за один день взявший в плен ее сердце.

– Не расстраивайся, – попытался подбодрить ученицу севший впереди Джар, – никто не станет забирать у тебя это имение. И все другие, которые тебе понравятся.

– И вот это меня пугает больше всего, – само сорвалось с языка хранительницы горьковатое признание.

– Я понимаю, – немного помолчав, с неожиданной теплотой произнес маг, – и тоже на твоём месте искал бы подвох. Но ты ведь умная девушка и догадываешься, какая ценность для гильдии твой дар. Ну не дар, а особенность... не знаю, как назвать. И за нее тебя будут носить на руках и сдувать пылинки, потому что нам страшно даже представить, каким будет мир, если закроются источники. Поэтому не стесняйся, если тебе что-нибудь нужно, гильдия сделает все.

– Тебе... кто-то велел мне это сказать? – Леа затаила дыхание, словно ступая на тонкий лед.

– Нет. Да и не исполняют темные маги моего уровня ничьи приказы, – хмуро отозвался он. – Но я и сам умею делать выводы. И слишком давно дружу с Эгрисом, чтобы не понимать с первого взгляда его намерения.

– Но ведь он темный маг... а ты долго был белым.

– Белый маг в моем представлении, – по голосу Джара чувствовалось, что он улыбается, – это как бы яйцо. И оно долго созревает, а потом вылупляется темный или черный птенец. А некоторые так и остаются навсегда в яйце.

– Боюсь, – горько усмехнулась хранительница, – я тоже яйцо.

– Я бы так не сказал, – посерьезнел маг. – Ты уже вылупившийся птенец, причем очень редкий, снежно-белый. Хотя я долгое время считал тебя просто легкомысленной бабочкой и теперь рад, что ошибался. Спасать бабочек – не самое приятное занятие. Извини.

– Ничего, я и сама теперь понимаю, что именно бабочкой эти годы и жила. И больше всего понимать, что родители отдали жизнь ради того, чтобы я прозрела, – вздохнула Леа и вдруг решила приоткрыть учителю краешек тайного знания: – Ведь только после смерти матери я могла стать полноправной хранительницей, и после этого действие браслета должно было исчезнуть. Жаль, что мать не догадывалась о более простом способе, она изобрела бы, как нечаянно показать мне истинное лицо жениха.

– Не думай об этом, – оглянувшись, внимательно уставился на ученицу

маг. – Забывать не нужно, да и не удастся. Но можно не держать это постоянно в уме и напрасно не терзать себе душу. Ты ничего не в силах изменить, и никто не в силах. Просто скажи им спасибо и живи. Подарив тебе свободу, взамен мать передала нелегкую ношу хранителя, и я пока даже не могу ясно представить всех трудностей этой обязанности. Но точно знаю одно – их немало и в одиночку ты не справишься. Эгрис это тоже понимает, потому и делает все, чтобы тебе помочь. Могу даже сказать по большому секрету – он просто локти кусает, что не догадывался прежде о ваших способностях или умениях. Иначе уже давно потихоньку заменил бы Кайора на преданного гильдии человека, и сейчас не о чем было бы волноваться.

– Но... – нерешительно запротестовала Леа и смолкла задумавшись.

Действительно просто, но не совсем понятно, как бы этот новый Кайор обошелся с ней. Продолжал бы изображать с нетерпением ожидающего свадьбы жениха или постепенно отстранился, отпустив ее на волю? Не стало бы это ударом для влюбленной глупышки? А если бы все же решил жениться и когда-нибудь, лет через тридцать, она бы внезапно с ужасом поняла, что замужем за совершенно чужим ей человеком и исправить уже ничего невозможно? И такой ли бескорыстной была бы помощь Эгриса? И искренна ли сейчас? Или он все же понимает, что может сейчас хоть осыпать Леаттию золотом, но если она вдруг поймет, что темная гильдия недостойна источника, то закроет его, не колебавшись?

– Ты так долго сердито сопишь, – Джар повернулся к ученице вместе с креслом и пытливо взгляделся в ее лицо, – что мне становится тревожно. Что такого страшного я мог сказать, что ты начала делать мрачные предположения?

– Пытаюсь представить, какой стала бы моя жизнь, если бы Эгрис подменил Манреха, – честно призналась Леа и тихо добавила: – Трудно быть только что вылупившимся птенцом, не знающим, кому можно доверять, а от кого нужно бежать. Но ты прав, надо держаться. Я и стараюсь, но слишком быстро перевернулась моя жизнь и все стало другим, неправильным и незнакомым.

– Ну, некоторые вещи остались прежними, – хитро ухмыльнулся маг. – Например, учитель алхимии и зельеварения. Ну-ка, расскажи мне о чудесных свойствах корней злостного сорняка, с которым упорно борются все огородники. Кстати, как его зовут?

– Пырей, – само всплыло в памяти графини название, и она начала уверенно перечислять лечебные свойства бросовой, казалось бы, травки: – Опытный травник может сварить из его корней зелье от многих болезней,

в голодные весны их можно сушить и молоть, как муку, и хлеб с ней будет сытным и целебным. А сок и настои корней поднимают слабых детей и возвращают молодость старикам.

— Хорошо, — довольно улыбаясь, похвалил Джарвис, память у хранительницы и в самом деле оказалась отличной, если она может без запинки пересказать задание, выученное почти полтора года назад.

Их уроки прервались сразу после гибели отца Леаттии.

Глава четырнадцатая

До хуторка, неподалеку от которого их ожидали молодые маги с лошадьми, сфера добралась далеко за полночь. К этому моменту Леа давно спала, уютно устроившись в подросшем кресле, укрытая пушистым вязаным покрывалом, а Джар сидел к ней спиной, глядя в раскинувшуюся за передним окном звездную темноту.

Он любил такие вот ночные полеты, занимавшие несколько часов по сравнению с порталами, зато тратившие намного меньше энергии. Хотя гильдия тщательно собирала исходящий из источника ручеек, видимый сильными магами как голубоватая струйка дыма, развесив на его пути множество пирамидок, камней и горшков с растениями. Да и город маги построили вокруг источника только ради этого, и у каждого в центре флюгера была искусно вставлена притягивающая энергию пирамидка. Но главным было все же другое: в такие минуты ему намного лучше думалось и внезапно становились ясны и просты задачи, которые никак не хотели решаться в ином месте.

Знак от посыльных, пришедший на сигнальный браслет, легонько кольнул запястье, и маг торопливо открыл крышку плоской шкатулки с зеркалом.

– Тут бродят какие-то подозрительные личности, – обеспокоенно пробормотал один из старших учеников юношеским баском и смолк, а взамен слышались встревоженные крики и звон оружия.

– Проклятье, – тихо рыкнул себе под нос маг, и сфера стремительно ринулась вниз к неширокой прогалине, через которую проходила нитка галечной дороги.

Сейчас Джарвис видел ее только в клубящейся светлым туманом обзорной пластине, выточенной из целого кристалла горного хрусталя и прятавшейся под крышкой, укрепленной перед окном шкатулки.

Зато представлял очень отчетливо. Доводилось бывать в Овертоне, тут галька – любимый материал для дорог и площадей. В городах местные умельцы умудряются выложить из цветных камушков целые картины, ревностно соревнуясь между собой в мастерстве.

– Мы падаем? – повозившись, зевнула за спиной мага его необыкновенная ученица, поразив Джара неожиданным спокойствием.

– Срочно садимся, – ответил он, следя, как на пластине появляются из тумана крохотные силуэты пятерки магов, снабженных для удобства

особыми амулетами, подающими собратьям по гильдии знак голубым сиянием.

Чуть позже появилась и толпа темных фигурок, уверенно окруживших магов и постепенно оттеснявших их от сбившихся в сторонке лошадей.

– Почему? – Леаттия уже заглядывала магу через плечо, пытаясь хоть что-то рассмотреть в по-прежнему темном окне.

– На наших охранников напали, – буркнул он, наконец-то оказавшись над коллегами.

Хотя ни одного магистра тут быть не могло, такие задания Эгрис обычно дает молодым мастерам или даже подмастерьям, но дело ведь не в звании. А в том, насколько у них совпадают интересы и жизненные принципы.

– Что будем делать? – деловито осведомилась хранительница, мигом забыв о собственных бедах.

– Башню, – отдавая сфере мысленный приказ, пояснил Джар и строже добавил: – Никуда не ходи, сиди тихо.

Кресло, недавно бывшее удобной лежанкой, снова сжалось, а на полу появился светлый квадрат люка. Приглаживая растрепанные волосы и оправляя блузу, Леа поспешила занять свое место.

Она не могла видеть, как из боков сферы, повисшей над головами отчаянно державших оборону магов, заслонами ринулись вниз деревянные стены с узкими бойницами, зато услышала испуганную ругань нападавших и несколько глухих ударов. Видимо, бандиты не сразу поверили своим глазам, решив, что почти пойманная дичь решила укрыть себя призрачным мороком.

– Уйдут! – крикнул кто-то из разгоряченных боем магов, и в распахнувшемся люке появилась взлохмаченная голова молодого блондина.

Он требовательно смотрел прямо на магистра, был украшен парой царапин и отчего-то пах паленой дичью.

– Не уйдут, – зловеще хмыкнув, пообещал тот. – У вас раненые есть? Займитесь лечением.

– Но Каденис запретил пользоваться магией.

– Я разрешаю, – заявил Джар с такой уверенностью, что у встречающего хватило сообразительности больше не спорить, и он исчез.

Несколько секунд внизу тихо переговаривались, кто-то коротко застонал сквозь зубы, потом раздалось недовольное бурчание:

– Значит, бандиты теперь уйдут?

– Никуда они не денутся. – Джар наконец оторвался от обзорного кристалла, захлопнул шкатулку и выпрыгнул через распахнувшуюся возле

него дверцу прямо в ночную мглу.

Бандиты и в самом деле не убегали и даже не сопротивлялись, сраженные мощным парализующим заклинанием. Магистр с помощью амулета ночного видения рассматривал смирно валявшихся на дороге и у обочин отчаянных головорезов и жестко усмехался. Теперь они казались просто грязными, лохматыми кучками мусора, едва заметно отсвечивающими в оке амулета розовыми бликами, как и замершие у густых зарослей лошади, и значит, среди них не было ни убитых, ни серьезно раненных. Молодые маги сумели не нарушить приказ и ничем не выдать своих возможностей.

Первым делом Джарвис отправил в разные стороны несколько поисковичков, – не может быть, чтобы бандитов где-то неподалеку не ждали лошади и помощники или наводчики, – и только потом достал маленький, словно игрушечный, рожок. Нажал камни в определенном порядке и почти сразу услышал голос Эгриса:

– Что случилось?

– На встречавших напали бандиты.

– Где? – Голос главного магистра мгновенно стал острее кинжала.

– Там, где они нас ждали. Бандитов десятка два... и я послал поисковиков.

– Ставь маяк, иду.

Джарвис послушно крутнул в личном амулете два камня, ставя их против друг друга, и через несколько мгновений рядом возник бледно светящийся овал мгновенного перехода. Эгрис выпрыгнул оттуда полностью одетый и в сапогах, видимо, еще и не собирался спать.

– Где Лайна? – был его первый вопрос.

– Сидит в сфере. Я закрыл парней башней, у них был раненый.

– Не паникует?

– Спокойна, как опытный воин, – с неподдельным уважением ответил Джар и перевел разговор на бандитов: – Что с этими будем делать?

– Поисковик что-то нашел? – отстраненно поинтересовался глава гильдии и кивнул сам себе, услышав положительный ответ. – Тогда вы отправляетесь дальше в карете и берете с собой троих охранников. А я с остальными собираю бандитов. Думаю, пока не стоит поднимать шум, нам невыгодна ни слава героев, ни ненависть тех, с кем эти уроды делились добычей. Да и слухи не нужны, поэтому придется менять план, и темнота нам поможет. Срочно перебирайся на соседнюю дорогу. Она много хуже, но вы ведь новички и могли этого не знать. Поторопись. Через пятнадцать минут вы должны подъезжать к трактуру, вот кристалл.

Джар молча кивнул и направился к башне, попутно собирая на невидимые поводки лошадей. Животные беспокоились, не видя рядом привычных конюхов, и пришлось добавить им покорности. Жаль, конечно, что магам пришлось покупать у перегонщика в маленьком городке обычных лошадей, но чистопородные, хорошо выученные таларские скакуны, и тем более лоси, на каких разъезжал весь Гайртон, выдали бы их с потрохами.

– Двое самых сильных – к Каденису, – распахнув одну из стен башни, как ворота, скомандовал Джар. – Остальные – заводите коней в башню и пристегивайте к стенкам. Как раненый?

– Хорошо, – отозвался темноволосый маг. – Рана небольшая, но дротики у них подлые, с резьбой и ядом.

– Сохрани, сдашь Каденису. – Проходя мимо него, Джар дополнительно послал исцеляющее заклятие. – Как устроите лошадей – поднимайтесь наверх, уходим на деревенскую дорогу.

– Я полежу в гамаке, – отказался раненый. – Мне около животных легче.

«Значит, его главная стихия – вода», – сообразил магистр и создал большую бутылку целебного кваса, настоянного на меду и травах.

– Как хочешь, держи.

Через несколько минут двое магов проворно забрались наверх, устроились в созданных для них мягких креслах и только после этого, искоса поглядывая на рыженькую девицу, взяли предложенные им Джаром кружки с горячим взваром.

В этот раз сфера летела медленно и низко, почти касаясь днищем облитых лунным светом верхушек деревьев, и распахнувшая оконце Леа с тревогой и любопытством вглядывалась в проплывающую под ней призрачную, обманчиво безмятежную картину. И невольно пыталась понять, откуда взялись бандиты, напавшие на мирно сидящих у обочины путников?

Судя по тому, с какой таинственностью Эгрис и Джар перевозили ее сюда, никому, кроме них, не могло быть известно, кто и зачем сидит ночью возле одной из дорог Овертона. Значит, это местные бандиты, и с ними не все просто. В своем герцогстве Кайор по заведенному еще Брафортами правилу никогда не прощал разбойников и грабителей. Даже мелких воришек наказывали очень строго, и все знали, что значительно проще выколоть кому-нибудь огород или помыть полы в трактире, чтобы получить несколько мелких монет, чем стянуть с лотка пирожок.

Но не везде правители придерживались такого же мнения, некоторым

не хотелось заниматься тревожащими простых жителей заботами, ведь их-то никто не грабил. Разумеется, это было такое же устойчивое заблуждение, как и байки про всенародную любовь к своему королю или герцогу, но все властители тоже люди и выбирают в таких вопросах блаженное неведение.

И герцог Овертонский был как раз из этих правителей, он предпочитал наводить порядок в столице и собственном замке, не заглядывая на окраины своей вотчины. Потому-то Эгрис и прислал охрану, и Леаттия была почти уверена, что беспокоился он вовсе не о здоровье и жизни Джара и его «сестры», а о том, как они будут рассказывать о своей удачливости в столице, если въедут туда без сопровождения.

– Откуда они взялись? – оглянувшись на коллег, негромко спросил Джарвис.

– Подошли с двух сторон, – хмуро фыркнул маг, который выглядел постарше, – но сначала проскакала мимо в сторону хутора тройка всадников. Одеты как гонцы или слуги, но гербов или знаков не имели. Потом в другую сторону пролетел почтовый голубь. А через четверть часа с обеих сторон появились две толпы людей. Шли быстро, вроде как по делу, но мы сразу заподозрили неладное. Мешки были тощие и больше напоминали завернутое оружие, чем обычный багаж. Поэтому мы подняли щиты и отправили подальше лошадей.

– Ничего не кричали?

– Нам – нет, а между собой перебрасывались короткими приказами, и сразу стало ясно, что это не первое их нападение. Мы отправили тебе вестника и замкнули малый круг, но у них пара арбалетов оказалась с магическим ускорением. Вот Юджина и задело. Болт шел прямо в сердце, но амулет отвел.

– Мы над дорогой, опускаемся, – предупредил Джарвис. – Вокруг никого не вижу. Кто сядет на козлы? Тут недалеко. Юджин пусть едет в карете, мы верхом.

– Лошадей пять, – предупредил старший маг и запоздало представился: – Я – Вагор.

– Одна пойдет с грузом, – мгновенно нашел выход Джарвис. – Возьмете в углу мешки с овсом. Кормить чужим кормом своих животных не будем.

Вагор с уважением кивнул и нырнул за другом в захлопнувшийся за ними люк. Сфера сжалась, отодвинулась от стоящих на дороге лошадей и, легонько скрипнув, мягко осела на выросшие колеса.

– Скоро будем на постоялом дворе, – торопливо пояснил Джар и

выскочил наружу.

Леаттия только молча кивнула ему вслед, внимательно разглядывая, как съеживаются, меняют облик и размеры стены, оконца и диваны сферы, превращаясь в потертое нутро далеко не самой богатой дорожной кареты, освещенной обыденной масляной лампадой. Вскоре по обоим бокам прорезались обычные для повозок такого ранга дверцы и одна из них распахнулась, впуская внутрь молодого мага.

Он скромно устроился в уголке и закрыл глаза, намекая, что ему сейчас не до разговоров, и Леа понятиливо отвернулась к окну. Ей и самой не хотелось бы ничего говорить после того, как заглянула в безжалостные глаза смерти.

Повозка мягко тронулась с места, и уже через несколько минут копыта лошадей зацокали звонче. Замелькали темные очертания строений, подслеповато подсматривающих редкими оконцами, за которыми тлели ночники.

– Мест нет, – зевая, буркнул здоровенный мужик, выглянувший в полуоткрытую дверцу одноэтажного строения. – Все занято.

– А кто в селе пускает на ночлег?

– Да кто ж вас пустит среди ночи? – изумился охранник, но как-то не очень убедительно.

– Тот, кто знает тебя, – невозмутимо сообщил ему Джар. – Быстро влезай на облучок и показывай дорогу.

– Да с чего это я полезу? – продолжал упрямиться верзила. – Не хочу.

– Завтра вся деревня будет смеяться над дураком, который не захотел прокатиться за половину серебрушки, – пожал плечами маг и вскочил на коня.

– Откуда они узнают? – проворчал сторож, выходя из двери и запирая ее на огромный замок.

– У тебя же там полно гостей, а вдруг кто захочет выйти? – ехидно подколот его магистр, уже успевший запустить в здание поисковика и обнаружить, что половина комнат свободны.

– Выйдут в заднюю дверь. Давай серебро.

– Сначала определи нас на постой. И моли всех богов, если там окажется грязно или клопы с потолка прыгают, – сурово отрезал Джар, незаметно проверяя все соседние дома, хотя был уверен, что здесь намного безопаснее, чем на стоящем у развилки хуторке, где они прежде намеревались ночевать.

– Не беспокойтесь, дом чистый и постели свежие, – вдруг раздумал спорить верзила. – Лицензия выкуплена и вывеска имеется. Просто

недавно открылись, никто не знает и не доезжает до них.

– А они тебе родня, – кивнул сам себе маг, наконец-то расслышав в голосе провожатого настоящую заботу.

– Сестра, деток двое, а муж сгинул... – Эти слова сторож произнес тихо, с застарелой тоской, и смолк, словно опасаясь, что сболтнул лишнего.

Джар тоже смолчал, да и о чем говорить, если и так все ясно. Но на сестру нужно сначала посмотреть, а если получится, то и на детей. Малыши обычно не умеют лгать и лукавить, если не видят постоянно, как это делают взрослые. Ну и когда их за это не хвалят. И если у магистра мелькнет хоть тень подозрения, что в этом месте нечисто, то лучше встать лагерем на околице, чем пускать туда хранительницу.

Дом, к которому верзила привел их кривыми улочками, был по южному обычаю одноэтажным, но довольно длинным, и о том, что он изначально строился под сдачу на ночлег, говорили маленькие крылечки, ведущие к отдельным комнаткам.

Договорились быстро. Едва увидев живую радость и робкое ожидание в глазах худощавой женщины неопределенных лет и ее мозолистые руки, маг выкупил все свободные комнаты и первым делом отправил Леаттию в самую лучшую.

– Взвару вскипятить? – принимая серебро, спросила хозяйка, но он только качнул головой.

– Утром. Сейчас все устали, хотят только спать. – И, неожиданно решив проверить мелькавшую догадку, с досадой бросил: – Давно уж спали бы, да заплутали, свернули в темноте не туда, потеряли тракт. Вот и ехали наобум, куда дорога выведет.

– Счастлив ваш бог, – на миг благодарно подняла глаза к небу женщина и тотчас, поджав губы, побежала в спальню Леаттии узнать, не нужно ли чего юной госпоже.

– Бог-то бог, да и самому лучше не зевать, – тихо усмехнулся Джар, прикрыл коновязь защитной сетью и направился в свою комнатушку.

Утром он поднял спутников, едва рассвело, забрал у хозяйки корзинку с завтраком и первым сел на коня. Безропотно выполнявшая все его распоряжения Леа снова оказалась в компании с Юджином, которому Джар велел хорошенько отдохнуть и набраться сил.

– Бери, – подвинула она корзину молодому магу, – тебе нужно силы восстанавливать.

– А ты? – дерзко глянул сидевший напротив маг.

– Я тоже съем пирожок. Хотя обычно завтракаю позже.

– А можно вопрос?.. – не прикасаясь к угощению, замер ненадолго Юджин, но все же решился: – Кто ты такая? Почему ради тебя пятерку неплохих мастеров срочно отправляют на дорогу, по которой открыто бегают бандиты с мощным оружием?

– Я просто девушка, – понимая, что медлить и путаться ей нельзя ни в коем случае, улыбнулась Леаттия. – Из знатного, но бедного рода. А о том, почему мой брат нанял вас в охрану, спрашивать нужно у него. Мне в эти дела вмешиваться запрещено.

– Ты сказала правду, – задумчиво прищурился он, – но не всю. Когда говорила про брата, немного смутилась.

– Ну да, – растерялась графиня, но, не сумев остановить этот допрос, вынуждена была объяснить: – Он только недавно нашелся. Когда дядюшка оставил ему наследство, там было и мое имя.

– И куда он тебя везет?

– В Давр, на бал дебютанток. Надеется подыскать там для меня хорошую партию, – смущенно улыбнулась она, стараясь говорить только правду.

– А почему не стал знакомить с друзьями? Разве маги не годятся тебе в женихи?

– Спроси у него сам, – сердито буркнула девушка и отвернулась к окну. – Если не знаешь, что одаренные на обычных девушках не женятся.

– А обычным девушкам маги нравятся? – хитро усмехнулся Юджин.

Леа смолчала и вдруг почувствовала, как по щеке ползет что-то влажное и прохладное.

– А-а! – Тонкий визг вырвался из ее горла самовольно, не дав и секунды на размышление, а в следующий миг дверь с треском распахнулась.

Хранительница и охнуть не успела, как Джар ловко, словно циркач, прыгнул в карету прямо с лошади. Сразу втиснулся на сиденье рядом с ней, роняя на пол пирожки, схватил за руку и тревожно заглянул в лицо:

– Что произошло?

– Кто-то полз по щеке... – вздрагивая от омерзения, пробормотала Леа.

– Покажи. – Джар безошибочно нашел то место, где полз мокрый паук или многоножка, стер след пальцем и уставился на Юджина сузившимися от гнева глазами: – Развлекаешься?

– Просто немного пошутил, – независимо вздернул нос маг.

– А ты не знаешь, что на задании не положено заигрывать с незнакомыми девушками? – В голосе магистра сквозила яростная

язвительность, и даже Леаттии стало не по себе.

– А кто это был? – кротко осведомилась она.

– Водяная гусеница, – просветил ее так и не отодвинувшийся ни на гран учитель и едко добавил: – Любимая шутка водных магов. Довольно гадкая, надо сказать, шутка.

– Если я на вас работаю... – взвился Юджин и тотчас смолк, с неподдельным ужасом глядя на нанимателя.

Леаттия мельком заметила странный жест «брата», словно снимавшего со своей головы паутину, но начала догадываться, что сделал он так вовсе неспроста, лишь увидев стремительно блевшее лицо раненого.

– Мастер Арвис... – сорвался с его уст горестный шепот, и больше молодой маг не сказал ни слова, накрепко сжав губы.

– А ты кого ожидал увидеть? – холодно осведомился Джар. – Вот почему самые способные ученики, едва получив первое серьезное задание, тут же начинают вести себя как толпа наемников на ярмарке? Привлекают всеобщее внимание, лезут не в свои дела, заигрывают со всеми девушками подряд и ловят все тумачи и неприятности, которые умный человек обойдет десятой дорогой? Представляю, как обрадуется Загерс, узнав, что его ученик отстранен от задания за невыдержанность. Но сначала хочу понять, почему ты решился начать заигрывать с заказчицей?

Юджин упрямо молчал и белел все сильнее, только уши наливались жарким огнем. Теперь Леаттия ясно видела, как он молод, почти ровесник ей, и все сильнее жалела запальчивого мальчишку.

– Зря упрямисься. – Маг мановением пальца поднял с пола рассыпанную провизию и, отпустив наконец Леаттию, уставился на нее испытующим взглядом: – О чем вы говорили?

– Ни о чем, – кротко улыбнулась хранительница и мягко пояснила: – Бывают такие разговоры... пустые.

– То есть вместо того, чтобы собирать силу и восстанавливать здоровье, он принялся болтать ни о чем с девушкой, рядом с которой и сидеть не имел права... несчастье помогло, – жестко усмехнулся маг, снова переводя взор на раненого. – Ну, значит, придется Загу еще с годик вдалбливать тебе самые главные правила темных магов.

Леаттии вдруг припомнилась хорошенькая служанка с постоянного двора. Тогда ее спаситель тоже смотрел так свирепо, словно собирался приказать выпороть дерзкую девчонку. Однако обошелся совершенно другим наказанием.

– Мне кажется, – голос графини прозвучал еще тише и нежнее, – не нужно ничего говорить его учителю. Юджин уже все понял... и больше

подобной ошибки не сделает.

– Он мог бы и раньше сообразить, – неуступчиво нахмурился Джар, – если бы сопоставил все факты и попытался сделать выводы. Или хотя бы подумал, откуда у обычного заказчика взялась сфера? Если сила, чтобы ею управлять, есть лишь у нескольких магистров.

– Может, он этого не знал? – неуверенно предположила девушка, начиная понимать, что поступила верно, начав защищать незадачливого мага.

Возможно, Эгрис выбрал самых надежных и заменить провинившегося нечем или имеется еще какая важная причина, но если бы Джар на самом деле хотел выгнать Юджина, тот уже летел бы в Гайртон магическим путем.

– Этому все маги учат своих учеников в первый же год, – строго глянул на нее учитель. – Не лезть ни к кому с разговорами и вопросами, пока точно не уверишься, что это не опасно. Но на заданиях так не бывает никогда, иначе никто не стал бы нанимать темных магов. Это очень дорогая услуга, на те деньги, что получит гильдия за одного мага, купец или путешественник может нанять отряд наемников и следопытов. Да еще и повара к ним в придачу.

– Он был ранен, – продолжала настаивать Леаттия, – ему было не до наблюдений и выводов. А потом он их сделал... но немного ошибся. Нужно дать ему еще один белый камень, нельзя добивать упавшего.

– Ладно, – поразмыслив несколько минут, мрачно согласился Джар. – И только потому, что не хочется тратить энергию на портал и время на поиск замены, мы и так опаздываем. Но учти, Юджин! Я этого не забуду и пока еще тебя не простил. И раз у тебя есть силы на всякие пакости, дальше поедешь верхом.

Карета, так и продолжавшая катиться по дороге, на миг приостановилась, и Юджин выскочил из нее как ошпаренный.

– Ну... – Неторопливо пересев на противоположное сиденье, магистр помолчал, пристально изучая ученицу, и наконец осведомился: – Объяснишь, почему ты так его защищала?

– Конечно, – мягко улыбнулась Леа. – Потому что ты этого хотел.

– У тебя появился дар эмпата? – Губы Джара растянула насмешливая улыбка, но глаза оставались серьезными и чуточку встревоженными.

– Ты прекрасно знаешь, что никакой дар у меня появиться не может, – с легкой укоризной произнесла хранительница, стараясь не вспоминать родовых тайн. – Просто я постепенно начинаю тебя лучше понимать.

– Да? – Он недоверчиво скривился и тут же заинтересованно вздернул

бровь: – А зачем?

– Что именно? – Леаттии начинало казаться, будто она на внезапном экзамене, когда вопросы неизвестны заранее.

– Зачем ты меня изучаешь?

Некоторое время Леаттия подозрительно рассматривала его хитрое лицо, потом нашла ответ:

– Так ведь именно затем я и еду на этот самый смотр дебютанток. Чтобы узнать людей и те отношения, которых никак не могла видеть, сидя в запертой клетке. Да мне ведь и в голову никогда прийти не могло, что молодой человек может привлечь внимание девушки мокрой гусеницей!

– А он тебе понравился? – В голосе учителя не слышалось даже вежливого интереса, но Леа этому почему-то не поверила.

И снова припомнила про родовые особенности, но так и смогла решить, то ли это они проснулись, то ли она просто начинает рассуждать так, как ей и положено в двадцать лет. Ну всего без трех месяцев.

– Он очень молод, – начала перечислять Леа рассудительным тоном, – и немного несдержан. Но, возможно, так сказалось ранение, у него было время сообразить, что смерть смотрела прямо в глаза и только случайно прошла мимо.

– Вот тут ты немного не права, – так же спокойно сообщил маг. – Все ученики гильдии надежно защищены с первой же минуты, и в их амулетах достаточно энергии, чтобы отвести смертельный удар любой силы. И все об этом осведомлены. Но есть такая тонкость: хотя человек разумом и убежден в правдивости учителей, но сердцем поверить в это трудно, пока не проверит на деле. И Юджин тоже успел успокоиться, у него было достаточно времени. Дело в другом. Все парни в его возрасте считают необходимым привлечь внимание всех встречных девушек и ради этого идут на любые хитрости и нарушения правил.

– Да не собирался он меня очаровывать! – возмутилась хранительница. – Наоборот! Интересовался, что во мне особого...

Она резко смолкла, сообразив, что выдала Юджина с головой, и возмущенно уставилась на внимательно слушавшего ее учителя:

– Теперь ты его выгонишь?

– Темные маги не меняют своих решений каждые пять минут, – качнул он головой. – Тем более Юджин оказался намного прозорливее, чем я привык о нем думать. Хотя он и не мой ученик, но невозможно не знать всех недавно получивших звание подмастерья учеников, когда наблюдаешь за ними несколько лет. Гайртон – маленький городок... в той части, где мы живем. А теперь давай займемся алхимией, назови мне все кислоты,

которые тебе известны.

Глава пятнадцатая

Ровно через три дня карета Джарвиса Габрони подъезжала к восточным воротам Давра почти в самом в конце длинной вереницы карет, кибиток и дормезов. Все они постепенно добавились в пути, и на каждой стоянке хорошенькие и не очень путешественницы и их компаньонки упорно доказывали будущим соперницам свое право ехать во главе спонтанного обоза.

Уставшая от постоянного сидения хранительница молча рассматривала проплывающие мимо предместья, не обращая никакого внимания на учителя, копавшегося в своей шкатулке с амулетами. За эти три дня он умудрился устроить ей самый придирчивый экзамен, выявив все ее познания во всех областях науки, культуры и политики. Но никаких выводов не сообщил, хотя временами хмурился, а иногда и сердито стискивал зубы. А один раз даже нешуточно развеселился, и вот этого Леаттия не перенесла. Хлопнула по книге ладонью и яростно прошипела, что считала его более деликатным человеком.

– Я темный маг, дорогая сестрица, – заявил Джар, немедленно став предельно корректным и серьезным, – и потому никогда не притворяюсь, а всегда говорю правду. И изменяю этому правилу только в тех случаях, когда нахожусь на задании или имею дело с малышами или сумасшедшими. Ну и когда речь идет о секретах ремесла.

– То есть всегда, – едко усмехнулась Леаттия. – Ведь ты все время то на задании, то скрываешь тайны гильдии.

– Ты несколько неверно представляешь себе наши задания, – примирительно вздохнул он. – Вот, например, Каденис пять лет числился придворным магом Кайора. Но бывал там всего раз в декаду или в две, все остальное время находился в Гайртоне или занимался своими делами.

– И Кайор это прощал?

– Герцог об этом и не подозревал. В башне мага ночами горел свет, из трубы периодически валил дым, а когда кто-то любопытный пытался стучать в дверь, на ней вспыхивала огненная надпись: «Осторожно, смертельный эксперимент».

– Но на балах он всегда был... – задумалась девушка, начиная подозревать, как много было вокруг нее в последние пять лет вот таких секретов и интриг.

Ведь не может же быть, что и Манрех не устраивал специально для нее

случайных встреч и маленьких сценок?

– Он всегда был там, где ты, – пояснил Джар и хмуро добавил: – Но задавался лишь одним-единственным вопросом: стоит ли вмешиваться в твою судьбу.

– Это намек... или упрек?

– Не то и не другое. Просто я рад совершенно искренне, что у него хватило смелости поверить своей интуиции. И хотя теперь я знаю, что ты все равно бы не вышла замуж за Кайора, но не желаю даже представлять, как могли развиваться события.

Леа только пожала плечами: теперь уже нельзя сказать точно, на что решился бы герцог, потерявший возможность осуществить с помощью жены свои тайные планы насчет давно иссякшего источника.

Но после этого случая они больше не разговаривали ни о Кайоре, ни о главе гильдии, который за эти дни так и не появился. Зато к их маленькому отряду в первое же утро, едва карета отъехала подальше от деревни, примкнули еще двое магов. И теперь все пятеро непрерывно и неустанно несли свою нелегкую службу, изо всех сил стараясь ничем не выделяться из толпы наемников и егерей, сопровождавших других путниц.

Про этих девушек Леа старалась даже не думать, хотя еще три дня назад искренне предвкушала знакомство с ними. Ведь теперь ни у кого нет причин завидовать ей и ненавидеть, отныне она одна из них, готова дружить и помогать, если понадобится. Однако жизнь преподнесла графине новое разочарование: те девушки, которые ехали, подобно ей, в потертых каретах, вовсе не горели желанием знакомиться с провинциальной дебютанткой. Наоборот, все они старались на стоянках оказаться поближе к самым роскошным дормезам и словно невзначай заговорить с их хозяйками. И те, кому удалось заинтересовать богатых наследниц, задирали носы и ходили перед остальными так важно, как будто уже получили в женихи по крайней мере принца.

Джар, замечая брошенные на его ученицу высокомерные взоры, молча, но очень ехидно ухмылялся, и Леа так же втихомолку сердилась на него за эту невысказанную язвительность. Но даже не догадывалась об истинной причине такого поведения.

Все начало проясняться накануне вечером, на последней стоянке перед прибытием в Давр. В этот раз вся компания с удобством расположилась в огромном старинном замке, хозяин которого непонятно почему расщедрился и пригласил дебютанток поужинать и переночевать. В большом, скудно освещенном трапезном зале были накрыты длинные столы, и к Леаттии, устроившейся подальше от центральных мест, внезапно

подсела бойкая брюнетка, все время крутившаяся возле самых богатых путниц.

– Меня зовут Милона Бреннон, – заявила она смело, пододвигая к себе тарелку с белой рыбой, – а тебя?

Такая простота слегка покорила графиню, общаться подобным образом могли между собой только маги и простолюдины, но никак не знатные девушки. Но это была первая спутница, проявившая к Леа интерес, и она, сделав над собой усилие, постаралась ответить так же непринужденно:

– Графиня Элайна Габрони.

– А откуда ты? – бесцеремонно разглядывала хранительницу новая знакомая.

– Из имения, – прикинувшись непонимающей, кротко улыбнулась Леаттия и поспешила сунуть в рот кусочек фаршированной шейки.

– Как любопытно, – широко улыбаясь, пробормотала Милона и делано вздохнула: – А я из Фоленда. У дяди там свое дело. А у вас поместье большое?

– Да, – вздохнув про себя, нехотя кивнула Леа. – Но насколько, я точно не знаю. Имение принадлежит брату.

Как вскоре выяснилось, это пояснение стало самой большой ее ошибкой, так как все остальные вопросы юной фолендки были о брате. Как зовут, сколько лет, есть ли жена? А невеста? А возлюбленная? А сколько приданого он намерен дать за сестрой?

Услыхав последний вопрос, Леаттия едва сдержалась от ехидного смешка. Та и хотелось предложить Милоне самой посчитать, сколько денег останется у Джарвиса после выплаты приданого? Или лучше назвать ей сумму сразу? Однако вслух она ответила иначе:

– Он сказал, что сначала посмотрит на женихов. Некоторым и ста тысяч не жаль, а другие и пяти монет недостойны.

– Ты уверена, что у тебя будет такой богатый выбор? – в наигранном изумлении широко распахнула глаза Милона.

– Нет, конечно, – улыбнулась Леа. – Но я не спешу. Мне всего семнадцать, два-три года могу выбирать. Брат намерен поселиться в Давре, он попросил друга снять нам комнаты.

Рассказывать об особнячке, который Эгрис обещал приготовить к их приезду, графиня никому не собиралась.

– Но в комнатах жить так неудобно... – Живые черные глаза глядели на Леаттию сочувственно, и девушке на миг стало стыдно за обман.

Но тут очень кстати появился Джар, молча сел рядом и принялся за

еду, не обращая никакого внимания на Милону, оживленно рассказывающую его «сестре» свежие сплетни о едущих с ними в обозе девушках.

Однако когда ужин закончился и Милона, прощаясь, пообещала утром навестить Элайну, маг вдруг безапелляционно заявил:

– Не стоит.

И решительно увел ученицу к выделенным им комнатам.

Пока они шли по коридорам и лестницам, Леа молчала, но, дойдя до своей спальни, не вошла туда, а направилась следом за Джарвисом.

– Мне нужно с тобой поговорить, – твердо заявила она удивленно поднявшему бровь магу и прямо с порога ринулась в атаку: – Чем тебе не понравилась эта девушка?

– Это тебе она не понравилась, – огорошил ее Джар и, мягко улыбнувшись, указал на кресло: – Садись.

Сам он сел на край кровати, и Леаттия, только теперь рассмотрев его комнату, обнаружила, что здесь намного теснее, чем в ее собственной спальне. Да и обстановка весьма скудная, не иначе это комната для горничной или камеристки.

– А где спят охранники? – тотчас возник у нее законный вопрос, и магистр серьезно ответил:

– Здесь, по очереди.

– А ты? – мигом забыв про Милону, нахмурилась хранительница.

– Я тоже. Как только ты уснешь, мы закроем тебя защитой и повесим тут пару плетеных лежанок. И будем отдыхать по трое.

– Мне это не нравится, Джар, – сердито заявила Леаттия. – Почему бы не отдать эту комнатку мне, а вам – большую? Я бы вполне обошлась.

– Тут нет ни умывальни, ни запора на двери, слугам они не положены, – терпеливо, как маленькой, объяснил он и строго добавил: – А если ты уже все поняла про эту хитрую пиявку, то иди спать, парни действительно устают.

– Я не поняла, – резко встав со стула, ринулась к двери графиня, – и уйду только ради твоих братьев. Но утром, в карете, ты все мне объяснишь.

– Непременно, – бросил ей вслед Джарвис.

Однако утром, едва усевшись на свое место, достал шкатулку со всевозможными украшениями и принялся их задумчиво перебирать, иногда закрывая глаза и надолго замирая, сжав в ладонях какой-нибудь кулон или серьги.

Леаттия не считала пристойным начинать первой неоконченный

разговор и молча ждала, когда наконец у мага если не проснется совесть, то хотя бы лопнет терпение. И попутно размышляла о произошедшем, рассеянно посматривая на вереницу двигавшихся впереди карет самых заносчивых дебютанток. Милона ехала где-то в одной из них, с новой подругой, и графиня ничуть ее за это не осуждала. Теперь, рассмотрев поближе юных дочерей знатных и богатых семей Овертона, хранительница начала подозревать, что многие из них мечтали вовсе не о любви и союзе родственных душ, а лишь об обеспеченном замужестве. Прислушиваясь на стоянках и ночевках к их щебетанию, Леаттия неожиданно для себя открыла расстроившую ее подробность. Оказывается, почти все дебютантки твердо уверены, что мужчины обязаны осыпать их золотом и развлечениями за юность, стройные фигурки и хорошенькие глазки. И непременно в первые же дни предлагать помолвку. Смогут ли сами прожить долгие годы рядом с чужим человеком, имеющим совершенно неизвестные им привычки и вкусы, девицы даже не задумывались. Тем более никого из них не беспокоили те проблемы, которые стояли перед самой Леа.

Мимо ее задумчивого взора проплыли колонны столичных ворот, мелькнули сине-красные мундиры герцогских гвардейцев, принарядившихся ради встречи прелестных гостей, и потянулись витрины разнообразных лавочек и магазинчиков.

Постепенно вереница едущих первыми карет и дормезов редела, теряя недавних попутчиков в узких переулках и аллеях, пересекающих широкий проезд, ведущий от восточных ворот к центральной площади. Таких проездов в Давре было пять, и они делили город на районы, жившие по своим, особым правилам. Западный, самый тихий и зеленый, протянувшийся вдоль спрямленной и закованной в набережные Валты, населяла знать, северный – ремесленники, северо-восточный – торговцы и лицедеи. С юга высились доходные дома и особняки богачей, с юго-востока от портовых причалов разместились рыбные артели, дома перекупщиков и судовладельцев и несколько шумных трактиров.

В ту сторону Леаттия желала бы попасть менее всего, хотя точно знала: если доведется там жить, она постарается ничем не выказать своего недовольства.

Однако их карета обогнула по широкому бульварному кольцу центр города, где на холме высился окруженный высокой каменной оградой внушительный замок герцога Виториуса Багерна Овертонского, и покатила дальше напрямик на запад. Теперь впереди осталось только три кареты, и на повороте Леаттия отлично рассмотрела выглядывающее из-за

занавесок заинтересованное девичье личико. Вот теперь хранительница и без слов начала догадываться, почему Джарвис вчера обошелся с ее напористой собеседницей так грубо.

Ведь если Эгрис устроил для них приглашение через одного из своих клиентов или знакомых, то стало бы вопиющей бестактностью привезти с собою лишнюю гостью. Высадить же ее где-нибудь по пути было бы тем более невозможно, так как повозка, в которой Милона ехала поначалу, уже пару дней назад где-то отстала.

Леа огорченно поджала губы, начиная понимать, что права вчера была вовсе не она, и приготовилась ехать еще не менее получаса. Здесь, почти рядом с дворцом, располагались самые роскошные особняки, а Эгрис говорил о каком-то домике.

И неверяще нахмурилась, когда уже через минуту их карета резко свернула вправо, на подъездную дорожку к солидным воротам, за которыми, кроме деревьев, ничего пока нельзя было разглядеть.

Обитые бронзовыми листами с барельефами дубовые створки распахнулись мягко и бесшумно, и маленький отряд уверенно въехал на мощенную гранитными плитами дорожку. Леаттия не отрываясь смотрела в окно. Здесь, в Давре, расположенном юго-западнее поместья, лето уже вступило в полную силу, ухоженные деревья и аккуратно подстриженные кусты были покрыты густой и блестящей молодой листвой. В просветах между ними виднелись чистые лужайки, яркие клумбы, ажурные белые беседки и мостики, лучше любого сплетника рассказывающие о богатстве и сибаритстве хозяина.

Дорожка привела к большому вычурному фонтану, за веселыми струями которого виднелся большой трехэтажный дом, построенный широкой дугой. Карета подкатила к череде ступеней, полукругом обнимающей выложенную мрамором площадку, и остановилась в самом центре, напротив ряда стройных белоснежных колонн.

Леаттия прикусила губу, вспомнив, что, как назло, надела сегодня домашние туфли, но искать сейчас другую обувь не было никакой возможности. Ее дорожный сундучок стоял под сиденьем, и было бы смешно начинать в нем копать. Пришлось расправить плечи и соорудить на лице надменное выражение, делая вид, будто ее ничуть не волнует мнение незнакомых пока хозяев.

Однако стоило дверце распахнуться, как Леа вмиг забыла все тревоги и сомнения. По ступеням к ним торопливо спускалась худая женщина в светлом платье и с непокрытой головой, и графиня сразу узнала в ней Сандию. Не дожидаясь, пока ей подадут руку, прыгнула с подножки и

побежала навстречу, радуясь так, словно они были знакомы по меньшей мере лет пять.

– Ну наконец-то! – крепко обняв «племянницу», открыто радовалась знахарка. – Слава всем богам, цела и здорова! Больше никуда не уеду, а то не успела я отвернуться, как на вас бандиты напали.

– Они на охрану напали, – смущенно пояснила Леа, не имея смелости признаться открыто, как приятно ей такое неподдельное беспокойство.

С тех пор как ушла матушка, никто так искренне и откровенно не волновался за ее судьбу.

– Про охрану потом расскажешь, – мельком оглянулась Санди на идущих следом за ними магов. – Сначала я покажу тебе комнаты и позавтракаем. Нам уже доложили, что утром вы только чаю наскоро выпили.

– Кто? – спросила Леа просто так, ради поддержания разговора, и тут же, перебив сама себя, тише справилась: – А кто тут хозяин?

– Это дом гильдии, – сообщил спускающийся по лестнице Эгрис и широко улыбнулся: – С приездом, ваша милость!

– Мы вроде договаривались обращаться друг к другу попросту? – насмешливо подняла бровь Леаттия, начиная понимать, что его она тоже почему-то рада видеть.

И совершенно не желает припоминать инструкций, вписанных в свод тайных правил на все случаи жизни. Пока графиня три дня тряслась в карете, вываливая на Джара все знания, которые обнаружились в кладовых ее разума, она как-то исподволь начала понимать, как мал у нее выбор и как широко можно трактовать разрешение обращаться в трудные моменты за помощью к духам алтарей. Вернее, дух, одновременно следивший за всеми источниками, всего один, но это строжайшая тайна древних алтарей.

– Если это позволение еще не устарело, то я очень рад, – еще шире улыбнулся глава темных магов. – А дом считай своим, как и любой, какой тебе приглянется.

– А если мне захочется герцогский замок? – в шутку спросила Леаттия.

– Только назови, какого именно герцога или короля, – спокойно улыбнулся Эгрис, – и можешь считать его своим.

Услыхав это заявление, молодые маги, как раз добравшиеся до середины зала, дружно споткнулись и застыли живописной группой.

– Даже думать боюсь, – тотчас пожалела о своих словах Леа, – как ты стал бы выполнять это обещание... но я просто пошутила.

– А жаль, – хитро прищурился глава гильдии. – Я готов выполнить

любое желание любимой племянницы, чтобы хоть немного возместить тебе отсутствие магического дара.

– Я попозже придумаю что-нибудь попроще, – пообещала хранительница, сообразив, что у Эгриса есть какие-то основания для признания ее родственницей, и направилась дальше, пытаясь пока об этом не задумываться.

Сам все расскажет, все равно ей ни за что не догадаться, какие идеи могли прийти в голову этого прожженного интригана.

Комнаты, куда привела Леаттию знахарка, с первого взгляда ошеломляли изяществом и роскошью убранства. Здесь не было нагромождения мебели, статуй и безделушек, какие любят устраивать в своих домах напыщенные снобы. Место для каждой вещи, необходимой для жизни, отдыха и покоя будущего хозяина гостиной и спальни, бесспорно, выбирали очень тщательно и продуманно, стараясь предусмотреть все ситуации, но оставить достаточно пространства. Уют и праздничное настроение покоям придавали расставленные по углам бочки с редкими цветущими растениями, легкие, светлые шелковые занавеси на широких арочных окнах, пушистый большой ковер перед диваном и креслами и вазы с яркими фруктами.

– Это самые лучшие покои в доме? – оглядевшись, подозрительно спросила графиня.

– Нет. Вернее, тут везде так, – проходя в спальню, пояснила Сандия. – Иди сюда, ты еще не видела купальню и гардеробную.

– И зачем мне тогда королевский дворец? – саркастично осведомилась Леа, рассматривая отделанную зеленоватым полупрозрачным камнем купель, где свободно поместились бы и трое.

– Не знаю, – лукаво улыбнулась травница и покрутила позолоченные краны. – Купайся, вот разные мыла и травяные настои. Но если не хочешь, чтобы я посинела от голода, не сиди тут слишком долго.

– Теперь не буду, – чувствуя явную недоговоренность, пообещала графиня. – А платье?

– Я пока достану, ты какое желаешь? – уже от двери уточнила Санди.

– Проще, – небрежно дернула плечиком Леа, вспоминая сложенные в сундук наряды.

В тот миг она еще не предполагала, что гардеробная буквально набита самой разнообразной одеждой, предусмотренной на все случаи жизни. Лишь немного позже, озирая разложенные на постели платья, хранительница начала понимать, чем занималась Санди последние три дня.

Стаскивала сюда содержимое самых шикарных столичных магазинов и модных дамских салонов. И явно не одна, одному столько не унести и за десять ходок.

– Мне кажется или вы и в самом деле решили срочно выдать меня замуж и копите приданое? – само сорвалось с ее губ.

– Тебе только кажется, – мягко улыбнулась знахарка. – Я просто повесила сюда все подходящее, так как не знаю твоего вкуса. Последний год ты ходила в черных платьях. Извини, что напомнила. Позже просмотришь одежду, и все, что не понравится, слуги отсюда уберут. А пока ты одеваешься, я хотела бы рассказать свою историю. Настоящую... и не потому, что хочу тебя заинтриговать, а потому, что моя жизнь неожиданно изменилась.

– Мне очень интересно, – успокоила ее Леа, – просто я не считала уместным тебя расспрашивать.

– Мои родители из Банлеи – темные маги, но не из первых трех сотен, – помогая хранительнице с крючками, нерешительно начала Санди. – А у меня дар совсем слабый. Так бывает. И все же в двенадцать лет меня привезли в Гайртон и нашли учителя. Сама понимаешь, это было непросто, всем нравится обучать сильных учеников. Но меня взяла одна магиня, и я поселилась в ее доме. За несколько лет изучила зельеварение, алхимию и обращение с амулетами, но дар вырос ненамного. А я о нем и не жалела, потому что влюбилась. По уши, как влюбляются только в восемнадцать. Мой избранник был старше, но меня это не волновало, он тоже был ко мне равнодушен... Казалось, все идет к свадьбе. Но тут появилась соперница. Она буквально вцепилась в него, ходила по пятам, сама приглашала на прогулки и танцы, всюду и всем рассказывала о своей любви. Он держался, но она оказалась чрезвычайно хитра и пронырлива. Однажды позвала меня в беседку, упала на колени и по секрету призналась, что беременна от моего возлюбленного, и если я не отступлюсь, то ей остается только спрыгнуть с башни.

Знахарка давно забыла, что взялась помогать Леаттии, – сидела, невидяще уставясь в окно, и явно смотрела сейчас не на кроны деревьев и голубое небо, а в свое несчастное прошлое. Графиня слушала затаив дыхание, и в ее душе крепла уверенность, что она первая, кому Санди об этом рассказывает.

– Тогда я была чересчур доверчивой и наивной. Разумеется, я поверила ей, плакала она так правдоподобно. Смотреть в глаза якобы предавшему меня мужчине мне не хватило ни сил, ни отваги, поэтому в голову пришла только одна идея – бежать. Но даже слабые ученики связаны со своими

наставниками подкрепленными магией обязательствами, и мне пришлось солгать наставнице. Я рассказывала ей, как устала учиться, как соскучилась по родине и как ненавижу зазнаек с сильным даром, а она смотрела молча и печально, не перебив ни одним словом. Просто сняла привязочное заклятие и выдала мне на прощанье кошель с золотом, защитный амулет и саквояж с зельями. И сама открыла портал в Банлею.

– А он? – не выдержала Леаттия. – Искал тебя?

– Пытался, но проклятая соперница постаралась и тут. Как страшную тайну, поведала ему, будто это я приходила к ней признаваться в беременности от неизвестного красавчика и просить помощи.

– Гадина, – гневно стиснула губы хранительница. – А он? Неужели поверил?

– Куда ему было деваться, если кто-то видел, как я бежала в дом наставницы с залитым слезами лицом, не видя никого вокруг? Но он все же пошел к коллеге, и она честно сообщила, что я отказалась от обучения. Он упорно продолжил поиски, даже заявился к моим родителям. Однако я уже успела с ними поговорить и взять клятву молчания. И тряслась в этот момент в обозе,двигающемся в Брафортское герцогство.

– Как печально, – искренне огорчилась Леаттия, отчетливо понимая, что и сама наверняка попала бы на такую подлую ложь, и еще неизвестно, не натворила ли бы с горя еще больших глупостей.

– Мне повезло, денег, выданных наставницей и родителями, хватило на маленький домик на окраине, недалеко от реки. Не помню, сколько времени я просто жила, не обращая внимания ни на что. Ела, только когда уже начинало сводить от голода желудок, много спала или просто сидела у окна... но это не важно. В один прекрасный момент я словно проснулась. В доме было холодно и грязно, в ларе не осталось даже горсти муки, а в кошеле нашлось лишь несколько мелких монеток. Из зеркала на меня вместо хорошенькой девушки смотрело нечесаное, худое до синевы чучело. Зато сердце уже не разрывалось от горя, боль ушла куда-то вглубь, заросла пеплом несбывшихся надежд. Вместо них появилось презрение к собственной слабости и зло на саму себя. Вот в тот день и появилась знахарка Сандия. Я привела себя в порядок, потом развела и продала ближайшему лекарю несколько зелий. В доказательство того, что не украла их, показала медальон темного мага и подрядилась усиливать настои и мази. И начала приводить в порядок дом и участок. А через несколько лет наставница передала мне через родителей письмо, где мельком, словно случайно, помянула моего бывшего возлюбленного. Оказывается, через пару декад после моего отъезда он женился на назойливой сопернице,

а всего спустя два месяца выставил ее из дома с позором. При всем своем коварстве и хитроумии девица не учла простой вещи – темные маги отлично умеют считать и прекрасно определяют срок беременности, когда он переваливает за половину. А при необходимости не постесняются напоить подозреваемую в обмане жену зельем правды. Ну и никогда не станут называть чужого ребенка своим, если только это не их осознанный выбор.

– Так она тебя обманула!

– Всех. Ребенок был от простого наемника из нижнего Гайртона, который сбежал, едва узнав о грядущем отцовстве.

– А ты? Он искал тебя?

– Нет. Тогда не искал. Он был в бешенстве от попытки его провести и зол на всех женщин разом. И на меня в том числе, ведь я, со слов соперницы, была ничем не лучше. Но давай поспешим, а то нас потеряют.

– Пойдем, Санди, как это «поспешим»? А конец?

– Конец... ну ладно. Давай я тебя причешу и коротко расскажу остальное. Он случайно нашел меня через шесть лет, после того как я сбежала. И сначала провел подробное дознание, как положено темному магу, а потом заявился и первым делом спросил, зачем я так жестоко с ним обошлась.

– Ну и дурак же, – не смогла сдержать своего возмущения хранительница.

– Не спорю, – раздалось от двери, и в комнату вошел глава гильдии. – Но прошу учесть, что тогда я был смертельно обижен и страшно зол.

– Эгрис! – потрясенно ахнула Леаттия. – Неужели это был ты?

– Это и до сих пор я, – покаянно вздохнул магистр, но на его губах играла лукавая усмешка. – И окончание истории тебе лучше узнать от меня. Вот уже почти четыре года я неотступно осаждаю эту крепость, и только ради нее сам служил у Кайора придворным магом. Иначе отдал бы это задание любому магистру. Одновременно с этим, чтобы хоть иногда видеть любимую вблизи, я изображал старичка-травника с пригородного хуторка. Но лишь позавчера она наконец простила меня и позволила провести ритуал объединения судеб.

– Санди?!

– Ну да, – смущенно порозовела та. – Как выяснилось со временем, я однолюбка и не могу даже думать ни о ком другом.

– Так это прекрасно, я вас от души поздравляю! Жаль, подарка нет... но я что-нибудь придумаю.

– Не нужно, ты и сама для всех нас подарок, – нежно целуя руку жены,

решительно отказался Эгрис. – Поэтому я могу с полным правом называть тебя племянницей и баловать сколько угодно.

Глава шестнадцатая

В столовую они пришли все вместе, глава гильдии бережно вел впереди жену, которую, как выяснилось, на самом деле звали Ирсаной. Однако она предложила наедине называть ее привычным именем, хотя внешне теперь очень мало напоминала прежнюю травницу.

– Сняла амулет личины, – пояснила она графине, заметив изумление в ее взоре. – Родители подарили, когда уезжала. Только сама и видела в зеркале себя, все остальные – немолодую утомленную женщину, каких много в селах и маленьких городишках. Мне было все равно, а молодым лоботрясам меньше соблазна.

– Доброе утро, – встретил их уже сидевший за столом Джарвис, пришедший в дом позже всех, так как убирал сферу. – Я уж думал, не дождусь, пока соизволите появиться.

Присмотрелся к тихой, светящейся счастьем знахарке и едва сдерживающему улыбку магистру и неожиданно огорченно вздохнул:

– Все ясно, договорились наконец-то. Хотя могли бы и обождать месяца три-четыре. Где я теперь найду такую напарницу?

– Как ты можешь! – устраиваясь напротив него за столом, возмутилась графиня. – У друзей такая радость, а ты о напарнице!

– Они со своим счастьем сами столько лет воевали, все никак не могли разобраться, – похоже, маг досадовал всерьез, – и никого слушать не хотели. А в самый ответственный момент вдруг все разрешили!

– Не думала, что ты настолько жесток, что готов ради каких-то дел лишить друзей любви! – огорчилась хранительница. – Притом такой редкой.

– Я вообще злой, – вспылil вдруг Джар. – И ту пиявку вчера зря обидел.

– Не зря, – мгновенно поджала губы графиня. – Ты все сделал верно, я уже поняла. Но сейчас не прав. Санди же никуда не уходит.

– Да? – едко усмехнулся он. – А Эгриса ты спросила? Неужели ты думаешь, будто есть хоть один темный маг, который позволит любимой жене лезть в самые опасные приключения? Да она уже сегодня вечером будет сидеть в его доме в Гайртоне или в каком-нибудь тайном замке и писать нам письма.

Леа хотела возразить, в поисках поддержки оглянулась на притихших молодоженов и прикусила язычок. Эгрис с женой прятали взоры, но их

лица были виноватыми, как у нашкодивших щенков, и это лучше всяких слов убедило хранительницу в правоте учителя.

– В конце концов, они имеют на это право, – помолчав и обдумав сказанное, гордо вскинула голову наследница знаменитого рода, – так как заплатили за это счастье самую высокую цену. А напарницу себе со временем подыщешь, вряд ли Санди была единственной из магинь, кто занимается контрактами такого рода.

– Ну что ж, – оглядев присутствующих, строго и важно объявил глава темных магов, – последний экзамен она сдала. Можем собирать малый совет.

– Какой еще экзамен? – нахмурилась хранительница, мгновенно начиная закипать. – Какой совет? Эгрис! Запомни! Если ты сейчас скажешь, что рассказанная Сандией история была сказкой, я откажусь от вашей помощи и от учителя!

– Я сказала тебе чистую правду, – открыто посмотрела в глаза девушке спасительница. – Никогда в таких делах не лгала и не буду. Но есть одна тонкость – темные маги просто ненавидят рассказывать о себе такие вещи. И я рассказала потому, что Эгри очень попросил. Они ведь не знают ни твоих убеждений, ни характера, хотя и наблюдали за тобой не один год. Но то была совсем другая девушка, я и сама теперь вижу.

– Так вы действительно помирились или только разыграли меня? – Графине почему-то было очень важно это знать.

– На самом деле, – снова порозовела Санди. – Хотя я и не собиралась сдаваться раньше осени... бывают у меня такие приступы упрямства.

– А что с советом? – Леа перевела взгляд на Джара, только теперь сообразив, что он никак не мог быть в стороне от этих планов.

– Про совет скажу я, он знает только закон, – мгновенно встал на защиту друга Эгрис. – И этот закон непреложен для всех. Мы можем брать любые контракты на обучение, и если со временем выяснится, что ученик по своим действиям и рассуждениям подходит нам, собираем совет и принимаем его в гильдию.

– А с чего вы решили, что я захочу войти в темную гильдию?! – изумленно охнула хранительница.

Но хотя в душе еще кипело возмущение, вызванное таким самоуправством, графиня уже начинала понимать, как прав сейчас глава темных магов. У нее действительно нет другого пути.

– Мы и не надеялись, что ты захочешь, – вздохнул Эгрис. – Более того, предполагаем, что хранителям вообще запрещено вступать в сговоры с магами, кроме как в исключительных случаях. И понимаем, что для

решения такого важного вопроса тебе понадобится время, и немалое. Но по нашим законам, мы имеем право на совете принять постановление считать любого человека, ценного для гильдии, подопечным и защищать как своего собрата. Поэтому после завтрака сюда придут магистры, входящие в верховный совет гильдии, и я прошу лишь об одном – просто поговори с ними.

– Пей взвар, – подвинула «племяннице» чашечку его жена. – Вот свежие булочки, в вазочке молодой мед с первоцветов. И позволь мне попросить прощения, я ведь только вчера узнала, кого мы спасли.

– Тебе не за что извиняться, Санди, – твердо прервала ее Леаттия. – Ты ничем меня не обидела, и твои советы помогли мне в самый трудный момент. За это я всегда буду благодарна.

Говорить, что уже придумала, какой подарок сделает гордой травнице, хранительница не собиралась, не положено ей разбрасываться обещаниями.

– Тогда я хочу спросить... – Знахарка в нерешительности смолкла, делая вид, что не замечает сердитого взгляда своего мужа.

– О чем?

– Как ты предпочитаешь получать не очень приятные известия, сразу или после успокаивающего зелья?

– Вообще-то это был секрет верховного совета, – обреченно вздохнул Эгрис.

– Я помню, – упрямо задрала нос знахарка. – Но так же хорошо знаю, что некоторые люди не переносят угроз и принуждения, и уверена, Лайна – именно такой человек. Поэтому и считаю нужным разговаривать с ней открыто, а не плести интриги.

– Я благодарна тебе за комплимент, – невольно улыбнулась Леаттия, сообразив, что «тетушка» только что выдала ей все стратегические планы магистров, – и жду новость.

– Тогда я сам скажу, – властным взглядом остановил жену Эгрис. – Вчера вечером мне пришло срочное сообщение из Брафортского герцогства. Кайор наконец решил объявить о твоём побеге. Но сделал это с присущей ему подлостью. В зачитанном на площади указе говорится, что невеста герцога уличена в порочной связи с охранником замка. Вместе они убили его жену, заставшую их на месте... хм, измены, собрали все фамильные ценности и сбежали за пределы герцогства. Всем правителям соседних стран посланы официальные требования посодействовать в поимке преступников и возвращению их в Брафорт для справедливого суда и наказания.

Такого грязного оскорбления Леа не ожидала даже от Кайора, все же

он сын знатного рода и воспитан гувернерами, обязанными привить детям понятия о чести и благородстве. И хотя с ней самой его светлость изначально обошелся нечестно, но это можно было списать на заботу о своем герцогстве, где недостаток магии с каждым годом сказывался все сильнее.

Но решиться опозорить ее имя на весь мир, натравить на бывшую невесту тайный розыск, сыщиков и стражников всех государств мог только человек, совершенно лишенный таких понятий, как честность и справедливость.

Где-то в груди родился и начал разгораться сплетенный из обиды, возмущения и гнева жаркий клубок, и с каждым мгновением он становился все горячее.

– Леа! – вскочив со стула, бросился к ней учитель, но отшатнулся от окружавшего девушку жара.

Привычно, не рассуждая, швырнул в него холодным снегом и мгновенно получил в лицо струю горячего пара. Спасли только щиты недремлющих амулетов.

– С ума сошел! – рявкнул оттесняющий жену в сторону Эгрис. – Отходите на балкон! Я сам поставлю кокон!

– Пропусти меня к ней! – рвалась сквозь невидимый щит знахарка. – Мне она ничего не сделает!

– Да она ничего и не может сделать, – расстроено огрызнулся Джар. – Это ее защита всполошилась. Теперь я понял, как она работает, – завязана на эмоции.

– Вот я и успокою. – Санди безрезультатно дернулась, но сообразила, что муж не позволит ей ставить на себе опыты, и затихла. Мгновение хмурилась, выбирая в своей богатой практике знахарства подходящие случаи, и вдруг громко, отчаянно закричала: – Леа! Помоги!

– Что? – вмиг опомнилась хранительница, повернулась, отыскивая «тетушку» взглядом, и замерла, с недоумением рассматривая переливающийся радужными бликами шар, окружающий ее сотрапезников.

И только в этот момент заметила, что они уже не сидят за столом, а столпились у двери на балкон, явно готовясь немедленно уйти куда подальше. А потом вдруг припомнила и охвативший ее гнев, и ярое желание стереть в порошок подлого герцога, и рванувший откуда-то ветер, принесший прохладу. И даже шипение закипавшей воды и крики магов.

– Похоже, – устало опускаясь на стул, с досадой буркнула она, – сейчас вы воочию рассмотрели, как действует моя защита. Но не волнуйтесь, так бывает только в тех случаях, когда нападают неожиданно.

– То есть, – сбрасывая щиты, шагнул к ней Джарвис, – если я сейчас до тебя дотронусь, меня уже не ошпарит, как цыпленка?

– Нет.

И не успела Леа выговорить это слово, как ладонь учителя легла на ее плечо. Осторожно спустилась по руке до стиснутого от огорчения кулака, мягко разжала побелевшие пальцы и вложила в них чашечку с холодным взваром.

– Выпей.

Девушка покорно сделала несколько глотков, покосилась на возвращающихся на свои места Эгриса и Санди и отодвинула питье.

– Не помню, говорила я вам или нет, что на меня теперь не действуют никакие зелья и яды? Но эксперименты лучше не проводить, я не знаю, как их воспримет защита.

– Понятно, – кивнул Эгрис и наконец снял с жены щит.

Та тотчас вскочила со стула, обошла стол и села рядом с хранительницей.

– Лайна, прости меня. Я хотела как лучше и догадываюсь, что тебе сейчас нелегко об этом говорить. Но поверь моему слову, этим выпадом Кайор обрел очень могущественного врага, никогда и никому не прощающего таких действий.

– Мне не трудно, – горько усмехнулась Леа, – мне противно о нем говорить. Но ошибаешься ты в другом: главный враг у него теперь один – это я. И я намерена сама отомстить за себя и родителей.

Хранительница пока не знала, как именно она это сделает, но надеялась, что способ найдется. Однако сидевшая рядом Ирсана нахмурилась еще сильнее и упрямо помотала головой:

– Нет. Это неправильное желание, Леаттия, поверь моему опыту. Мне тоже когда-то хотелось поквитаться с подлой обманщицей, разбившей мою жизнь. Причем, как выяснилось, вовсе не ради любви. Но позже, когда я узнала, что у многих женщин, ожидающих детей, непомерно возрастает желание обрести надежный дом и сильное плечо, я ее простила. И когда узнала, что Эгрис ее выгнал, первым делом попросила наставницу выяснить, не нуждается ли она в куске хлеба.

– Сана, прекрати, – тихо скрежетнул зубами глава гильдии, резко вскочил и ушел на балкон.

– Я пойду к нему, – виновато глянув вслед мужу, шепнула знахарка. – Но ты все же подумай над моими словами.

Несколько минут после ее ухода Леа молча завтракала, не ощущая вкуса еды и даже не замечая, что именно ест. И лишь когда с изумлением

обнаружила, что с трудом доеденный пирожок снова лежит на ее тарелке, догадалась взглянуть на учителя. Джарвис мирно пил чай, но его губы подрагивали от смеха, и это возмутило графиню до такой степени, что она не сдержалась.

– Объясни мне, над чем ты смеешься, и мы посмеемся вместе, – процедила она ледяным тоном.

– Над собой, над кем же еще? – весело глянул синий глаз и вернулся к чашке чая. – Я только час назад, когда вы разговаривали с Санди, доказывал Эгрису, что ты рассудительная и спокойная девушка, и сам был в этом совершенно убежден. А ты умудрилась за несколько минут опровергнуть все мои выводы. Ну и что мне остается делать, как не посмеяться над собственной самоуверенностью?

– А заодно скормить мне все пироги, чтобы отомстить, – растерянно буркнула графиня.

– Нет, мстить я не способен, – посерьезнел маг. – Меня воспитывали белые, и я точно знаю: месть – разрушающее чувство. А вот у темных я осознал другое. Наказывать подлецов и негодяев нужно обязательно, и к мести это не имеет абсолютно никакого отношения. Наказать Кайора должна гильдия. У нас больше возможностей и не меньше причин. Ведь когда Эгрис прибыл в твой замок, Берта была жива, только крепко спала. А теперь везде объявили о ее смерти... и я уверен, что это правда. И сейчас понимаю, почему Кайор так резко выбросил из герцогства Кадениса. Чтобы тот не помешал тебя оболгать. Темные маги никогда не соглашаются на такие грязные методы достижения цели.

– Негодjay! – Ненависть снова всколыхнулась в душе, но никакого жара Леаттия не ощутила.

Видимо, защита как-то чувствовала, насколько близко ее враг.

– И не только он, – спокойно подтвердил, подсовывая ей новый пирожок, Джарвис, – но и его секретарь. За эти дни маги выяснили, что он – то ли сын, то ли племянник черного мага, проживающего на юге Харказа. Мне понятно, почему он ушел оттуда, Даггер всегда славился жестокостью к ученикам. Хотя обычно черные никого ничему не учат, этот маг собирал толпу последователей, как он их называл, и каждое утро с балкона дома читал им лекции, после чего отправлял работать в саду и на скотном дворе. Он ест только самые свежие продукты.

– Про него я слышала, – кивнула Леа, начиная понимать, как ловко учитель увел ее от мыслей о немедленной мести. – И теперь знаю, почему его ученик покинул учителя.

– Поделишься догадкой?

– Разумеется, раз начала этот разговор. Только дождусь возвращения Санди и магистра. Хочу сказать спасибо, вы очень деликатно доказали мне мою неправоту.

– Не за что, – невозмутимо откликнулся вернувшийся в столовую Эгрис и, усадив примолкшую Санди, устроился рядом с ней.

Щелкнул пальцами, и от его чашки с взваром пошел дымок, потом выбрал булочку порумянее, намазал маслом и лишь тогда взглянул на хранительницу.

– Но твоим месте и я сам, и любой другой нормальный человек, услышав такие подлые обвинения, пожелал бы немедленно помчаться к негодяю и покарать его всеми возможными способами.

– Но ты не помчался, – огорченно заметила Леа. – И мой отец не помчался бы. И меня бы не пустил – глупо ввязываться в бой с хорошо подготовленным противником, ничего не имея в запасе, кроме законного негодования.

– Я рад, что ты так быстро это поняла, – спокойно сообщил Джарвис. – Не люблю тугодумных учеников. Но не спеши объяснять нам свою догадку про Харказ, лучше дождаться совета.

– Значит, ты уверен, что я вступлю в гильдию, – обдумав его слова, усмехнулась хранительница.

– Ты и сама в этом уже почти не сомневаешься, – так же спокойно откликнулся он. – Хотя совет признает тебя подопечной во всех случаях. А я могу только пояснить. По одному из незыблемых законов гильдии каждый может выйти из нее в любое время, но лишь совет решает, оставлять его после этого без помощи или нет.

– И многих оставили без присмотра? – мигом подобралась Леа.

– Только тех, кого пришлось изгнать из гильдии за нарушение главных правил, – строго заявил Эгрис. – Но наблюдать за их действиями продолжали все равно. Людям свойственно меняться, со временем и под гнетом обстоятельств становиться совершенно другими, и тогда они обретают еще один шанс получить помощь. Или наказание.

– Ну вы совсем завалили девочку своими страшными рассказами! – возмутилась вдруг Ирсана, мгновенно превращаясь из жены главы гильдии в простую травницу. – Она от одного отойти не успела, другое на голову свалилось. Ей сейчас про бал думать нужно, платья примерять и украшения подбирать, а не в гильдию вступать. Не бойся ничего, Лайна, я в этой гильдии почти семнадцать лет и половину этого времени жила как хотела и делала все, что нравится.

– Плохой пример, – мрачно буркнул Эгрис.

– Другого нет.

– Не спорьте, прошу! И не вспоминайте прошлое, – поспешила плеснуть воды на разгорающийся огонек первой семейной ссоры Леаттия. – Я так за вас рада, не нужно опять все портить. Где там ваш совет? А то и правда пойду платья мерить и три дня оттуда не выберусь. И кто только успел натаскать такую кучу?

– Это он, – вдруг порозовела Санди и спрятала смущенное лицо на плече мужа. – Скупил разом весь салон. Привез шесть телег узлов и коробок.

– Саночка, – вмиг оттаял магистр, – если чего не хватит, только намекайте.

– Мне кажется, – глянув на Сандию, пробормотала Леа, – там всего с избытком.

– Три гардеробных набито битком, – скорбно подтвердила знахарка, но в ее глазах плескался счастливый смех. – Теперь мне лет сто придется донашивать давно не модные платья.

– Не беспокойся, родная, ты всегда будешь иметь самые лучшие наряды, – шепнул ей на ушко магистр, но Леа расслышала и снова порадовалась за спасительницу.

Далеко не всем, кто достоин настоящей любви, везет так, как ей. Вот самой Леаттии не повезло. Мужчина, считавшийся в ее родной стране самым завидным женихом, оказался тухлым яйцом, и выяснить это заранее, не испытав боли и унижения, у нее не было никакой возможности.

– Они придут через полчаса, – сообщил Эгрис, поглядев в крохотное зеркальце, спрятанное с обратной стороны одной из пряжек легкой куртки.

– Тогда мы успеем привести себя в порядок! – Санди решительно потянула «племянницу» прочь, и Леа покорно пошла следом.

Но, добравшись до своей комнаты, опешила, когда знахарка заперла за собой дверь, повелительным жестом обвела помещение рукой, словно закрывая занавес домашнего театра, и строго взглянула ей в глаза:

– Долго тянуть нельзя, мой полог они пробьют за пять минут, поэтому скажу прямо. Первая мысль, какая возникнет у магистров гильдии, – выдать тебя замуж за мага.

– Я это понимаю, – не сдержала легкой улыбки Леаттия.

– Отлично. Тогда возьми амулет, мне его когда-то наставница дала. С ним на тебя не подействует никакое очарование.

– Спасибо, Санди, – теперь хранительница улыбалась почти счастливо, – я так рада, что не ошиблась в тебе. Но теперь меня защищает моя родовая связь с источниками, и больше никому не удастся безнаказанно

мной управлять. Ты могла спросить об этом открыто, я как раз собиралась предупредить Эгриса, чтобы его собратья не вздумали проверять мои слова. Иначе может случиться беда, а я этого вовсе не желаю.

– Уф, сразу легче стало, – шлепнулась в кресло травница. – А то знаю я их. Как только появится сильная магиня, так всем стадом вокруг ходят, чего только не вытворяют!

– Но я не магиня.

– Зато особенная, и дети твои всегда будут в гильдии не на последнем месте. Ты уж прости, но у магов, хоть белых, хоть темных, первые мысли всегда о детях. Все ведь на себе испытали, кому легче прожить. Только черные ни о ком не беспокоятся, им важны лишь собственные желания. Потому их и не берут в темную гильдию, даже если приползут на пузе. Было несколько случаев, повторять этот опыт никто не желает.

– Я об этом помню, Санди, не волнуйся. И выйти замуж могу только за любимого человека. Думаю, Кайор тоже об этом откуда-то узнал, потому и уцепился за меня как клещ пять лет назад. И все это время старался казаться благородным и заботливым. Но я больше не та юная простушка, да и голова у меня теперь ничем не одурманена. Постараюсь не повторять прошлых ошибок.

– Я рада это слышать, – в улыбке знахарки почему-то сквозила грусть, – но если позволишь, буду подсказывать. Только в самом крайнем случае.

– Не просто позволю, а буду очень рада принять любое замечание или совет, – уверенно посмотрела ей в глаза Леаттия. – Ты же знаешь, насколько мало я разбираюсь в интригах и всевозможных хитростях. Вот сегодня вполне могла привезти сюда одну очень нахальную особу.

– Не могла, – лукаво усмехнулась Санди. – Если бы ей все же удалось напроситься в вашу карету, Джар привез бы вас в обшарпанный домишко в портовом районе, где на всякий случай сняты две крохотные комнатухи без умывальни и отдельного выхода. Она сбежала бы еще по пути... но ему не захотелось устраивать это представление. Маги устали, да и сфера тянет много сил. А теперь быстро умываемся и прихорашиваемся, Эгрис пригласил меня на совет как твою напарницу.

Глава семнадцатая

– А как они меня узнают? – Задумчиво глядя в зеркало, Леа оправила на коленях юбку.

Сама она никогда бы не узнала в этой рыжеволосой девчонке с дерзко-зелеными глазами и деревенскими веснушками на щеках бледную и утонченную графиню Леаттию Брафорт.

– Не волнуйся, у них верные методы. – Закрепив последней шпилькой собранные в строгий узел рыжие локоны, Санди достала из шкатулки узкую изумрудную диадему и такие же серьги: – Надеть?

– Это мамыны, – грустно вздохнула графиня. – Но она их никогда не носила, иначе бы я не взяла. Зеленые камни не идут к синим глазам. Думала продать, если понадобится.

– Зато сейчас к твоим глазам ничего лучше не найти. – Магиня уверенно водрузила диадему и помогла вдеть серьги.

Они и в самом деле чрезвычайно подходили к платью из тонкого темно-зеленого матового харказского шелка и к рыжим волосам Леаттии, но сейчас это волновало ее меньше всего. Не до нарядов и украшений, когда решается твоя судьба и выбор сделан вовсе не тобой. Но и не магами, что бы они сейчас ни думали.

Леаттии теперь ясно как день, что никогда бы не решились на свой отчаянный поступок родители юной хранительницы, если бы сначала тщательно и не единожды не просчитали всех его последствий.

– Можно войти? – постучав, осведомился из-за двери Джарвис и тотчас получил разрешение. Но входить не стал, распахнул ее и коротко сообщил: – Пора. Нас ждут.

Как они шли в гостиную второго этажа, Леаттия не запомнила, все ее мысли занимал предстоящий разговор. И только очутившись в светлой угловой комнате, середину которой занимал большой круглый стол, вдруг с досадой вспомнила, что не спросила, каким именем ей представиться и как называть своих спасителей.

– Знакомьтесь, моя ученица Леаттия Брафорт, условное имя – Элайна Габрони, – спокойно объявил Джарвис, подводя девушку к столу и усаживая на стул.

Не успел он сесть рядом, как в дверях появился глава гильдии, властно держащий за талию Санди.

– Знакомьтесь, моя жена Ирсана Тагорно. – Магистр смотрел так

строго, словно предупреждал, что убьет любого, кто посмеет пошутить или отозваться неуважительно.

– Мы рады поздравить вас с таким счастливым событием, – первым учтиво улыбнулся немолодой маг с посеребренными висками. – А я – Леонтис.

– Очень рад за вас, – широко улыбнулся другу Бензор и жестом фокусника достал из воздуха простой деревянный шар вроде тех, какие гоняют по лужайкам деревенские детишки. – Примите от всей души.

В первый момент Леаттии показалось, что это шутка, но Эгрис просиял, получив странный дар, и она засомневалась в своем первоначальном выводе. Возможно, это какой-то магический артефакт или особая шкатулка, в которой лежит нечто очень ценное.

Потом молодоженов так же тепло поздравили остальные четверо магов, пообещали подарки и примолкли, поглядывая на Санди.

– Эгрис забыл сообщить... – Джарвис сделал паузу, однако глава гильдии сидел с непроницаемым лицом, и маг, незаметно усмехнувшись, договорил: – Ирсана – моя напарница и одновременно наставница Элайны, условное имя Сандия. Поэтому имеет право присутствовать на этом совете.

Магистры изумленно покосились на своего главу, но единодушно смолчали и так же дружно уставились на Леаттию.

Однако хранительница уже успела их разглядеть, убедиться, что никто не вызывает у нее неприязни или опасения, и успокоиться, поэтому глядела на магистров с безмятежной уверенностью.

– Хочу предупредить, – негромко сообщил Эгрис, – хранительница защищена от нападений, ядов, зелий и любых магических воздействий, и ее защита бьет на опережение любого, кого сочтет угрозой. Поэтому настоятельно не советую проверять ее ментальными щупами или ложными выпадами. Полчаса назад мы с Джаром на своей шкуре испытали мощностъ и скорость реакции этой защиты и убедились в ее уникальности.

В глазах магов зажегся жаркий интерес, и Леаттии вдруг стало весело. Стало быть, хорошенькая девушка, наследница знаменитого рода и хранительница секрета источников души магов не тронула, а вот ее необычайная защита взволновала, как детей – первый салют.

– И откуда она берет энергию? – бдительно рассмотрев Леаттию, осведомился один из магов, темноволосый крепыш, явно имевший в родителях выходца из Харказа.

– Пока непонятно, Загерс, – пожал плечами Эгрис. – А эксперименты делать опасно и неразумно, поэтому я их запрещаю.

– Но ты же сам сказал, что полчаса назад... – начал Бензор.

– Мы ей сообщили об указе Кайора, – пояснил Джарвис. – И сразу поняли, что зря это сделали, не подняв прежде щиты.

– И как вам удалось справиться с приступом ее гнева? – Леонтис смотрел на хранительницу с искренним сочувствием, и его слова не вызвали в ней никакого раздражения.

– Санди ее позвала, – коротко ответил Джарвис и перевел разговор на более волнующую Леаттию тему: – Если у вас есть сомнения в истинности графини Брафорт, спрашивайте, я как учитель буду помогать отвечать.

– Если бы у нас и были какие-то подозрения, то хватило бы твоего сообщения о наставничестве, – твердо сообщил светловолосый худощавый маг с резкими чертами лица и представился: – Я – Тирнез. И у меня самый больной вопрос – если ты сумела разбудить наш источник, то не можешь ли открыть и другие?

– И да, и нет. – Леа подавила вздох, понимая, как мало им этого ответа, и нехотя призналась: – Я могу только попросить его открыть. Но решаю не я. А кто – говорить вам не имею права. Зато могу сказать другое – энергия не бесконечна. Если бы было так, древние расы до сих пор жили бы рядом с нами. Поэтому, чтобы ее хватило и вам, и вашим правнукам, нужно тратить магию разумно, она не должна хлестать бесцельно, как вода из фонтанов. Вот для того мы и закрываем одни источники и добавляем силы другим.

– Значит, источник в Харказе, – нахмурился Бензор, – ваших рук дело?

– Не рук. На том источнике сидит одержимый ошибочными и вредными идеями черный маг и всю энергию тратит на страшные опыты. Пытается оживить умерших людей и животных, создать монстров, взять власть над стихиями. Ни капли магии не идет на пользу людям, поэтому источник закрыли. Вот после этого ученик Даггера и втерся в доверие к Кайору, намереваясь заполучить меня. Они не понимают сути старинных посланий, – Леаттия говорила с неожиданной для магистров уверенностью и душевной болью, – и пытаются задобрить стоящие на источниках алтари жертвенной кровью. Впрочем, ваш тоже был залит ею. Хотя в выбитых на стенах посланиях четко написано, что источник отзовется только тем хранителям, в ком течет кровь первого герцога Брафорта.

– Нам было понятно только одно слово – кровь, – мрачно усмехнулся Эгрис. – Все остальное казалось бредом. И если бы я сам не видел всего своими глазами, никогда бы не поверил.

– Теперь мне все кажется еще более запутанным, – с досадой выдохнул Тирнез. – Хотя мы и раньше подозревали, что магия иссякает. А сейчас будущее видится более мрачным.

– Если маги будут тратить энергию бережно и осознанно, не устраивая войн, катаклизмов и всяких безумств, ее хватит еще на многие тысячи лет, я не раз слышала это от родителей, – произнесла Леаттия и смолкла, ожидая новых вопросов.

– А ты не слышала от матери, – пытливо уставился на девушку Леонтис, – может ли хранитель защитить своих близких?

– Пусть это объяснит Эгрис, – побледнела хранительница.

– Если ты позволишь, – помрачнел Джар, – я сам расскажу, со стороны проще.

– Не нужно, – устало отмахнулся глава гильдии. – За ошибки положено отвечать. Да, она могла защитить и защитила мужа ритуалом объединения жизней. А когда не нашла другого способа спасти из лап Кайора дочь, придумала способ передать ей силу хранительницы. И я сам подсказал им его, когда попытался предложить помощь и намекнул, что без меня преодолеть защитный купол не удастся. Они и не пытались его преодолеть... прости, Леа. Только Кайор с его дутым самомнением мог подумать, что хранительница родовой мудрости так простодушна.

– Ты не виноват... – с горечью пробормотала девушка. – Ничто их не остановило бы, раз они не видели другого пути. Даже если ты сумел бы отобрать у них портал, они обязательно придумали бы другой способ. Ведь тогда по-хорошему со мной бесполезно было разговаривать, я никому бы не поверила. И прервать действие браслета тоже никто бы не смог – я ведь носила его, не снимая. Только проснувшаяся связь хранительницы с источником ослабила его действие.

Магистры притихли, видимо, искали ошибку в расчетах покойных графа и графини Брафорт Гардез или свой способ решения этой задачи.

– Если ни у кого нет вопросов, – Эгрис достал из плоской коробки листы синеватой бумаги с вензелями и печатями, – я зачитаю графине Брафорт подготовленное Бензором соглашение о сотрудничестве.

– Вопросы нет, – задумчиво протянул молчавший до этого сухонький и лысоватый мужчина неопределенного возраста, – но логического объяснения вашим рассказам я не вижу. Мы столько лет жили, ничего не зная о брафортских хранителях, и вдруг выясняется, что они имеют власть над всеми известными источниками!

– Представь себе, они тоже тысячу лет жили в своем замке и не подозревали о существовании магистра Гвелоса, самого известного скептика темной гильдии, – насмешливо глянул на собрата Эгрис. – Но это ведь ничего не меняет?

– Не меняет, – так же медленно, словно смакуя слова, отозвался

Гвелос, – но все же понимают – ничего ниоткуда не берется? А я уже пять раз проверил магический потенциал этой девочки и не нахожу в ней ничего, кроме очень слабого амулета.

– Гвелос! – предупреждая рывкнул Джарвис, но опоздал.

В груди графини мгновенно вскипел уже знакомый жар, выплеснулся прямо в лицо скептического магистра, и тот, мгновенно занявшись буйным пламенем, вместе со стулом отлетел в угол комнаты.

В следующую секунду на него обрушились неистовые потоки воды и горы снега, а над магистрами замерцали разноцветные переливы щитов. Только Джар, сидевший рядом с Леаттией, не возвел над собой щита, и это неожиданно тронуло ей душу. Но не узнать о причине такой беспечности хранительница все же не могла.

– Учитель, – отчего-то при магистрах хотелось обращаться к нему именно так, – а ты не успел закрыться?

– Почему ты так решила? – Синие глаза смотрели заинтересованно и настороженно.

– Ну, над всеми светятся такие пузыри, как на лужах после дождя, а над тобой нету, – пояснила Леаттия, начиная подозревать, что задала магам новую задачку.

Иначе с чего бы все они замерли, поедая ее недоверчивыми взглядами, словно у нее посреди лба вырос рог? И даже закопченный скептик, потерявший и остатки шевелюры, и всю одежду, забыл о необходимости стыдливо присыпать снегом худое тело и раскрыл от потрясения рот.

– И какой у меня пузырь? – с сомнением осведомился Леонтис, предупреждая глянув на Джара.

– Радужный, как болотная вода, – уверенно ответила заметившая этот безмолвный разговор хранительница. – На Эгрисе тоже такой, но синего больше, на Загерсе – сине-зеленый, у Тирнеза – рыжий и немного фиолетовый. А что это значит?

– Это цвет стихий, – отправив Гвелосу лежавшее на диване яркое покрывало, пояснил глава гильдии. – И видеть его могут только сильные маги. Вернее, могли до сих пор. А ты не должна была... и раньше, по моему, не видела.

– Извини, Эгрис, – вежливо возразила хранительница, – но я вижу это с того самого момента, как ты вел меня порталом.

Магистры дружно перевели взгляды на главу.

– Пытался, – поморщился он, – и чуть все не сгорели. Хорошо, что догадался прервать путь и создать прудик.

– Тогда понятно, – вздохнул Бензор, – почему ты этого не рассказал.

– Зато я теперь знаю, что вы тогда чувствовали, – приковылял из занавешенного покрывалом угла полностью одетый Гвелос, бочком устроился на стуле и жадно сцапал подвинутый ему внушительный кубок с каким-то питьем.

– Тебя вроде в лицо ударило? – подозрительно прищурился Джар. – Почему же ты сесть не можешь?

– И в кого ты такой внимательный? – огрызнулся тот, оставил пустую посудину и, ничуть не смущаясь, признался: – Я думал, она ударит в ту сторону, откуда нападают. Создал крошечный шарик холода, увел в дальний угол и оттуда бросил... вернее, только приказ отдать успел. И тут оно долбануло меня самого и сразу подожгло.

– Скажи спасибо, что ударило сразу, – жестко глянул на экспериментатора Эгрис. – Вон принц Филимон за такую попытку всю жизнь игрушечные войска в битвы водил.

– Принц был подлецом, – не выдержала Леа, – и заслужил суровое наказание. А Гвелос пока получил первое предостережение, и я прошу не повторять таких опытов. Вы же все мудрые и понимаете, что я никак не могла заметить его шарика и угадать момент, когда он решит ударить.

– Надеюсь, они все осознали, – хмуро глянул на соратников Джарвис. – Лично я вижу это в третий раз и точно знаю – рисковать не стоит.

– А сам не поднял щита, – тихонько буркнул Гвелос.

– Зато надел защитный артефактный пояс, – виновато глянув на Леаттию, признался ее учитель. – В эти щиты уходит прорва магии. Так будем мы подписывать договор или нет?

– А он сгорел, – развел руками Эгрис. – Пламя так и слизало. Нужно новый писать.

– Не нужно, – категорично отказалась хранительница. – Теперь я ничего подписывать не буду, возможно, это было мне предупреждением. Но вам ведь не о чем беспокоиться, я и так никуда не денусь и с черными объединяться не буду. Но обещаю, как только подвернется возможность, спрошу об этом у алтаря.

– Можно мы пойдем с тобой? – почти единодушно выдохнули маги.

– Позже это обсудим, – остудил их пыл Джарвис. – Сейчас ей нужно отдыхать и готовиться к балу. Да и нам тоже, для темного мага три дня тащиться на лошади – это медленная пытка.

– Последний вопрос, – заторопился Леонтис. – Хранительницам не запрещено выходить замуж за магов?

– Хранительницам не позволено лишь одно – выходить замуж без

любви, – твердо заявила вместо ученицы Ирсана, и магистры снова ненадолго примолкли.

Но по их задумчивым взорам и тонким усмешкам хранительница догадывалась, какие планы сейчас рождаются и обрастают деталями в их мудрых, но беспокойных головах. И первое же заявление подтвердило ее правоту.

– Значит, маги могут ухаживать за графией Элайной Габрони наравне с остальными, – объявил Тирнез. – Тогда я пришлю сюда пару старших учеников и помощника, он еще не женат.

– Я тоже, – спокойно поддакнул Загерс. – Но, думаю, мне можно не беспокоиться. Девушки любят высоких и красивых. И у меня как раз есть такой ученик, вернее, он уже подмастерье.

– И зовут его Юджин, – негромко добавил Джарвис, небрежно болтая ложечкой в чашечке с взваром, появившейся на столе после исчезновения сажи.

– Ну да, – нахмурился Загерс. – Очень смелый и честный парень. А чем он тебе не нравится?

– Он и правда смелый, – огорченно вздохнула Леаттия, начиная понимать, как непросто девушке найти любимого мужчину. – Но он сопровождал нас сюда вместе с друзьями.

– И? – насторожился магистр.

– Запустил на Лайну водную гусеницу, – неохотно выдал мага Джар и хмуро пояснил: – Они ехали вместе в карете.

– Дурак, – огорченно выдохнул Загерс и проникновенно попросил: – Простите его, Элайна.

– Я простила. – Леаттии очень не хотелось говорить о таких вещах с мужчинами, но она осознавала, как важна для магов возможность крепче привязать ее к гильдии. – Но не это главное, я только теперь поняла. Он был ранен и виновной в этом посчитал меня. Девушка в дешевом дорожном платье недостойна защиты шести магов.

– И кто остальные пятеро? – насторожился Леонтис.

– Четверо, пятым был Джар под личиной. Все лучшие молодые мастера, я сам подбирал, – пояснил Эгрис и с виноватым смешком признался: – Теперь уже можно сказать. Надеялся, что в дороге они подружатся с хранительницей. После нападения бандитов я поставил на сферу артефакт наблюдения и потому знаю точно. После той гусеницы все маги встали на сторону Юджина, которого Джар в наказание выгнал из кареты. Зато вбухал в парня столько регенерации, что хватило бы поднять павшую лошадь, а сам потом свалился без сил. Ему вдобавок пришлось

бросать на себя ускорение, девушки в таких случаях визжат так, словно горят.

– Я никогда раньше не визжала, – в голосе графини сквозило плохо скрытое огорчение, – просто он смотрел так ехидно, словно посадил на меня какого-нибудь дохлого лягушонка.

– Ну и где сейчас все эти герои? – хмуро осведомился Бензор.

– Дежурят у входа, – глава гильдии коварно ухмыльнулся, – и думают над моими словами. Я предложил Элайне на выбор дворец любого правителя, и они это слышали.

– Не зря я не согласилась, как чувствовала подвох, – осуждающе уставилась на него хранительница. – Но даже подумать не могла, что главный маг может шутить как ученик!

– Мы же темные маги, – довольно засмеялся Эгрис. – И ученики, и магистры. Разница только в одном: старшие лучше владеют собой и умеют отличать важные вещи от мишуры. Но, увы, без жизненного опыта это умение получить невозможно. Хотя если бы ты согласилась, это предложение перестало бы быть шуткой. А теперь пора принять решение по главному вопросу, объявлять ли графиню Брафорт, условное имя для всех Элана Габрони, подопечной гильдии? Как будем делать выбор, открыто или тайно? Вот чаша, вот камни.

– Открыто, – не думая и секунды, заявил Джарвис. – Я за признание.

– Я тоже, – поддержал его Бензор, – за признание.

– Да чего тут долго думать, конечно, признать! Иначе внуки назовут нас дураками, – откровенно заявил Гвелос.

– За признание.

– И я за.

– И я.

– Я тоже за признание, – твердо заявила Ирсана. – Даже если Леаттия больше ничего не сделает для гильдии, она уже заслужила уважение и помощь.

– Ну и я, конечно, за признание, думаю, никто не сомневался, – подытожил Эгрис. – Выбор единогласен. Бензор, напишешь указ и дашь прочесть под клятву всем старшим магистрам и мастерам.

– А вы уверены, – встревожилась вдруг Леа, – что среди вас нет ни одного... ну, не предателя, а болтуна?

– В этом никогда нельзя быть уверенным, – помрачнел Эгрис, – потому и берем клятву. Наказание за измену очень суровое, по доброй воле рисковать никто не станет. Ну а всех случайностей предусмотреть нельзя, поэтому будем охранять тебя так, как и королей не охраняют.

«А всего-то хотелось маленький домик да тихое семейное счастье...» – невесело вздыхала хранительница, наблюдая, как магистры по одному выходят на балкончик и исчезают, растворяясь в синем небе, как утренние облачка.

Глава восемнадцатая

Край неба напоминал праздничный пряник, облитый нежно-розовой глазурью, когда ворота столичного особняка, носящего странное название «Зеленый фрегат», распахнулись настежь и оттуда выкатились две легкие летние повозки. За каждой скакало по два всадника, то ли охрана, то ли просто лакеи, понять точнее было невозможно. Перед въездом на бульварное кольцо вторая коляска приотсталала, пропуская пару неспешно кативших по кольцу карет. Кучер копался в упряжи, делая вид, будто разбирает спутавшиеся поводья, а сидевшая в коляске не очень молодая пара изображала беседующих об очень важных вещах людей. Наконец кучер вскочил на свое место, дернул вожжи, и кони мягко вынесли экипаж на выложенную шлифованной плиткой мостовую, оказавшись после этого простого маневра в сотне шагов от бывших спутников.

— Глядя на это лицедейство, хочется одновременно смеяться и плакать, — искоса поглядывая назад, хмуро сообщила расслабленно улыбающемуся учителю Леаттия. — И могу точно сказать, так я никогда не найду мужа, зря только потрачу свое и ваше время. Не верю, что кто-то может думать о любви, чувствуя себя сидящей в банке подопытной мышкой.

— Я никогда не задавался вопросом, как ищут себе мужей знатные девицы, — пожал плечами маг, — но Санди уверяет, что именно так тебя рассмотрит больше подходящих мужчин. Ведь по правилам только мужчина может проявить инициативу и подойти знакомиться.

— А девушкам остается выбирать из этих смельчаков, — съязвила хранительница, и в самом деле чувствуя себя то ли залежалым товаром, то ли жертвой жестокого розыгрыша, — и с тоской смотреть на тех, кто нравится, но не подошел.

— Только мигни, — уверенно заявил Джарвис, — и мы доставим тебе любого.

— Как это? — опешила графиня, рассмотрела в безмятежно озирающих череду колясок глазах учителя лукавые смешинки и рассердилась: — Тебе лишь бы шутить! А мне надо выбирать... на всю жизнь, между прочим.

— А разве тебя кто-то торопит? — хмыкнул он и отвернулся, разглядывая обгоняющую их коляску, откуда доносились веселый смех и звонкие голоса хорошеньких дебютанток.

— Никто, кроме вас, — буркнула Леа, смерив скептическим взором

оживленные лица, развевающиеся атласные ленты шляпок и кружево зонтов и перчаток. – Не могу я думать только о себе, когда вижу, сколько людей ждет от меня какого-то выбора.

– Тогда сделай такое же счастливое личико, как вон у тех кукол, и улыбайся всем мужчинам подряд, как они. Может, кто-то и клюнет.

Душу графини кольнуло обидой, но она сумела сдержаться, не подав виду и не ответив резкостью. Помолчала немного, обдумывая его слова, и тихо спросила:

– Тебе хотелось меня задеть? Думаешь, я и сама не чувствую в этом какую-то неправильность? Только никак не могу понять, в чем дело. И раз ты советуешь, постараюсь эти три дня быть такой, как они, это не так уж и трудно. Но если после бала мое мнение не изменится, уеду назад в поместье или в какой-нибудь другой глухой уголок и буду сидеть там, пока не придумаю выход.

– Как хочешь. – Джар снова широко улыбнулся проезжающим мимо красоткам и небрежно сообщил, резко меняя тему: – Сейчас выедем на набережную. Экипажи туда не пускают, и все гуляют своими ножками. С лестницы прекрасный вид, везде торгуют напитками и сладостями, мороженым и орехами, и можно посидеть в беседке.

– Они наверняка все уже давно заняты, – засомневалась хранительница, вспомнив, как любила смотреть вечерами на озеро.

А тут морской залив, шхуны, яхты... лодки... тающее в волнах солнце.

– Бензор выкупил беседку на всю декаду, – с усмешкой доложил магистр.

– Спасибо, – смутилась Леаттия и вдруг вспомнила, о чем хотела его спросить: – А ты хоть раз влюблялся?

– Я был женат, – ровно проговорил Джар, помедлил секунду и суше добавил: – И даже имел сына.

– Извини, – тут же раскаялась в своей бестактности девушка, с чего-то вообразив, будто его семья погибла.

– Не за что, – так же сухо прервал ее извинения маг. – Они живы и здоровы.

И демонстративно отвернулся, давая понять, что разговаривать на эту тему больше не намерен.

По набережной они шли неторопливо, принаравливаясь к движению гуляющей разряженной толпы. Леаттия осторожно, двумя пальчиками, держалась за согнутый локоть «брата», старательно приподнимая второй рукой длинный подол. Споткнуться и упасть нельзя ни в коем случае, тогда

сегодня вечером вся знать Давра станет насмехаться над неуклюжей провинциалкой.

«Делать им больше нечего», – сердито стискивала губы хранительница, с огорчением признавая прелесть простых отношений и удобство более коротких юбок.

Медленно продвигаясь вдоль перил к широкой лестнице, которую считало своим долгом перестраивать и украшать не одно поколение герцогов Овертонских, Леаттия рассмотрела разнообразные многоярусные беседки, как грибы облепившие лестницу с обеих сторон, и поняла, что заранее глубоко благодарна Эгрису за заботу.

Даже если их беседка окажется не верхней и не самой удобной, все равно намного приятнее смотреть на море, не слыша отовсюду наигранных вздохов, приторных комплиментов и рассуждений о погоде и предстоящем празднике. Хранительнице все это успело надоесть, пока они добрались до ступеней.

– Тут можно спускаться самим, а можно нанять паланкин, – равнодушно намекнул Джарвис, когда они преодолели несколько широких ступеней и Леа успела хорошенько подмести их подолом.

– Отдаю тебе право выбора, – холодно заявила она, не понимая причины его странного поведения.

Вовсе не так, по ее мнению, должны разговаривать наставники со своими ученицами.

– Я могу даже отнести тебя на руках. – Трудно было не различить язвительных ноток, как змеи скользивших в голосе мага.

– У гильдии не хватит денег на носильщика? – приподняла бровь графиня, смутно догадываясь, что говорят они о разных вещах.

– У нее хватит денег даже на дворец, – ехидно сообщил он и щелкнул пальцами, подзывая паланкин. – Прошу.

Паланкином здесь называлось застеленное шелковым покрывалом легкое кресло, над которым болтались кисти обтянутого выгоревшим шелком балдахина. Как только Леа уселась иправила юбку, наставник надменно скомандовал:

– В сиреневую беседку его светлости герцога Виториуса Овертонского.

Парни в соломенных шляпах сумели ничем не выдать своего изумления, схватились за длинные ручки и споро понеслись вниз.

А вот Леаттия едва смогла выдохнуть вставший в горле ком: почему-то одно упоминание о герцоге вызывало неодолимую неприязнь. Как вскоре выяснилось, ехать нужно было всего ничего, сиреневой беседкой называлась ажурная башня, стоявшая на одном из поворотов так удачно,

что вид из нее не загораживало ни одно подобное строение.

– Прошу. – Джарвис оказался возле паланкина, лишь только тот остановился.

Графиня огорченно вздыхала, представляя, как учитель, чтобы не опоздать, козликом скачет за ними по ступенькам, и досадовала на свою несообразительность, но ничего изменить уже не могла.

Носильщики давно умчались наверх, а она все стояла, держась за мраморные перила, изучая ажурное сооружение, щедро задрапированное светлыми, но не прозрачными занавесями, и не зная, как, а главное, о чем теперь разговаривать с магом. Хотя и умела вести вежливые беседы на любые темы, но сейчас никак не находила ни нужных слов, ни смелости.

При ближайшем рассмотрении беседка оказалась трехэтажной. В нижнюю и верхнюю ложи вели неширокие изящные лесенки с ажурными перилами, и Леа была убеждена, что их отправят вниз. И заранее с этим смирилась – провинциальные гости должны быть счастливы уже тем, что попали сюда. И не страшно, если вид будет немного менее величественным. Однако вскоре выяснилось, что Эгрис приготовил им сюрприз.

– Ваша ложа – самая верхняя, – прозвучало подобострастное сообщение, и, обернувшись, графиня обнаружила рядом лакея в герцогской ливрее, почтительно взиравшего на щедро украшенный золотыми виньетками плотный билет мелового картона, небрежно предъявленный Джаром. – Проводить?

– Спасибо, мы не заблудимся, – учтиво отказался маг и с той же безликой обходительной улыбкой подставил ученице локоть: – Прошу!

Графиня заученно улыбнулась, положила пальчики на сгиб его руки и, подхватив юбки, уныло шагнула под полог раздвинутой перед ними шелковой занавеси. Трудно было не сообразить, что учитель на что-то разозлился или обиделся, но она не знала за собой иной оплошности, кроме бестактного вопроса о личной жизни. Хотя в этом была немалая доля его вины: если бы Джар изначально не начал вести себя с ней попросту, по-дружески, ей и в голову не пришло бы разговаривать на такие темы. Но тем не менее Леа не собиралась себя оправдывать, только теперь с огорчением осознав, что в последнее время, поглощенная мыслями о своих несчастьях, перестала замечать чужие беды.

– Прошу!

«Похоже, Джарвис забыл все остальные слова», – вздохнула тайком хранительница, проходя к перилам широкой арки, открывающей вид на залив. Вид и в самом деле был чудесен, и его не портили ни соседние

башни, скрытые колоннами и распахнутыми настежь створками, судя по заключенным в бронзовые переплеты стеклам, защищавшими убранство беседки в непогоду. Ведь не уносили же отсюда плетеную мебель, накрытую харказскими ковриками и подушечками, и тонконогий столик, заставленный сладостями, фруктами и холодными напитками.

– Добрый вечер! – жизнерадостно объявил кто-то незнакомым голосом, и Леа поспешила обернуться. – Чудесная погода, не правда ли? Мастер Арвис, представьте нас вашей прелестной спутнице.

У входа, широко улыбаясь и украдкой изучая хранительницу, стояли трое весьма привлекательных молодых мужчин.

– Прошу. – В голосе учителя Леа расслышала желчные нотки и насторожилась, но постаралась улыбнуться гостям так любезно, как только сумела.

Ведь раз беседку выкупил Бензор, то вряд ли глава гильдии позволил бы пустить сюда кого-то чужого.

– Моя сестра Элайна Габрони, – сообщил учитель с той же едва заметной усмешкой и принялся представлять мужчин: – Знакомься, дорогая, это Лаберт, это Одерз, а вот этот – Сейнон. Устраивайтесь, не стесняйтесь.

В его последних словах даже молодые маги расслышали язвительность, но сделали вид, будто их это совершенно не касается. Дружно достали откуда-то букеты, учтиво вручили их графине в честь знакомства и совершеннолетия и принялись ухаживать за ней так рьяно, что поначалу девушка даже растерялась. И как-то не заметила, в какой момент «брат» потихоньку сбежал, хотя и смутно помнила, что он говорил о желании прогуляться по набережной.

Обнаружив эту выходку, Леа с трудом усмирила вспыхнувшую в душе досаду, удачно сделав вид, будто любитесь проходящей мимо красавицей-яхтой под белоснежными парусами.

– Герцогская «Белая птица», – пояснил вставший рядом Сейнон. – Молодые герцоги катают фавориток и фрейлин и рассматривают в подозрные трубы дебютанток. Ведь встречаться с ними до официального представления нельзя.

«Как занятно», – тотчас перевела для себя Леа. С ними нельзя, а с ней, значит, можно?

– Но мы же маги, – хитро усмехаясь, подмигнул другу золотоволосый Одерз, даже не подозревая, насколько упал в глазах графини после этого заявления.

Древние расы не были против союзов хранителей с магами,

предостерегали лишь от тех, кто считает себя лучше обычных людей.

– Если человек умеет хорошо петь, – поясняли Леаттии родители, – это значит лишь одно: судьба сделала ему подарок. Но от этого он не стал ни добрее, ни справедливее, скорее наоборот, потому что талант – это большое испытание, и очень немногие выдерживают бремя славы. Точно так же и маги – их способности вовсе не гарантируют пользу для человечества. Зачастую маги, напротив, таят в душе непомерные амбиции и желание доказать всем свою силу и исключительность. Поэтому хранителям и близко нельзя подпускать к себе таких, они ведь никогда не поверят, что ты не можешь открывать источники по своему желанию. И постараются так влезть в душу, чтобы хранитель безоговорочно выполнял их приказы. Вот только дух источников этого не позволит и сурово накажет и мага, и хранителя. И неизвестно, кого больше.

– Дело не в этом, – одернул собрата Лаберт, темноглазый шатен с кокетливыми усиками. – Просто мы друзья ее брата и вполне могли бы познакомиться раньше, в Гайртоне, например. А друзьям навещать соседей не запрещено. Кстати, я уже бывал в замке Виториуса и знаю пару шуток, какими придворные острословы любят смущать новых гостей...

Рассказывая смешные истории и байки, молодой маг исхитрился ловко устроиться на соседнем с Леаттией стуле и захватить несложную обязанность подливать ей лимонад и подкладывать в вазочку мороженое. Девушка и не протестовала – вели себя гости очень учтиво, а развлекали ее так старательно, словно ученики, сдающие экзамен на галантность.

Впрочем, вдруг пришла ей в голову дерзкая мысль, скорее всего так и есть, если Эгрис задался целью непременно выдать ее замуж за своего собрата. И раз так, то и инструкции они получили очень точные, и значит, сейчас она наблюдает маленький спектакль, разыгрываемый тремя лицедеями с особыми способностями для простушки-провинциалки, оказавшейся по странной прихоти судьбы племянницей главы гильдии и подопечной одного из старших магистров.

С этого момента Леаттия начала незаметно следить за обходительными поклонниками, не забывая улыбаться шуткам и слегка смущаться, получая слишком напористые комплименты. Похоже, маги не сочли ее достаточно крепким орешком и были убеждены, что достаточно одной встречи, чтобы девушка их никогда не забыла.

Через полчаса роль заводит незаметно перехватил Сейнон, потом Одерз. Леа все охотнее смеялась над их остротами, ела мороженое, однако старалась ничего не обещать, даже в шутку. И не рассказывать о себе ничего важного, втихомолку радуясь, что этому родители научили ее в

первую очередь.

Солнце тем временем почти наполовину ушло в море, напоминая, что гулять по ночному городу знатым дебютанткам настрого возбраняется.

– И кто придумал такие узкие лестницы? – капризный голос Санди раздался как раз в тот момент, когда хранительница начала подумывать, не пора ли ей отправляться на поиски учителя.

– Если желаешь, радость моя, – с неожиданной нежностью пообещал шедший за женой Эгрис, – к завтрашнему дню ее расширят.

– По-моему, не стоит делать его светлости таких опрометчивых подарков, – вздохнув, заявила магиня, прямоком направляясь к хранительнице. – Лайна, девочка моя, как тебе тут понравилось, сквозняки не тревожили? Мы сидели ниже, вид ничуть не хуже, зато нет никаких лестниц.

– Спасибо, тетушка, сквозняков не было, – заторопилась навстречу к ней графиня. – А мы уже едем домой? Благодарю, господа, я замечательно провела время.

И, увлекаемая знахаркой, правильно понявшей этот намек, спокойно прошла к лестнице мимо слегка ошеломленных поклонников.

Они так и шли вдвоем до самой двуколки, и только проходя по набережной мимо веселой компании, устроившейся на широкой скамье, Леа поняла, почему травница держится за нее так упорно. Перед кучкой ярких, как харказские птицы, девиц стоял Джарвис и показывал прелестницам какие-то фокусы, получая взамен восхищенные взоры и вид сверху на смелые декольте.

Разглядев эту картину, Леаттия тайком понимающе усмехнулась и засомневалась было, стоит ли дожидаться развлекающегося учителя. Однако Ирсана решительно села вместе с ней в коляску, заявив следовавшему за ними Эгрису, что девочки хотят пошептаться. Это заявление весьма развеселило хранительницу, начинавшую понимать, что ни одно из сказанных ею слов не останется тайной для главы гильдии, а может, и для всего совета.

Но магиня думала иначе. Едва они свернули на бульварное кольцо, крутнула камушек в украшавшей вырез ее платья броши и взяла «племянницу» за руку.

– Ну, понравился тебе хоть один из этих красавцев?

– Смеешься? – неподдельно изумилась графиня. – Я ведь их впервые вижу. И кроме того, все они были как-то похожи...

– Почему-то мне так не показалось, – смешливо возразила Санди.

– Я не о внешности... Сама понимаешь, как бы я ни ненавидела

Кайора, но некрасивым его не назовешь.

– Не назовешь, – мирно согласилась магиня, но не сдержалась, зашипела сердито, как разбуженная змея: – Вот только его красота мгновенно тускнеет, едва разглядишь во взгляде высокомерную злобу, а на губах – подленькую, жестокую ухмылку. Ты этого увидеть не могла, при тебе он становился таким приторно-сладеньким, что это замечали все вокруг. И старались в этот момент подсунуть ему прошения и указы о помиловании, хотя и сильно рисковали своей шкурой. Он далеко не настолько умен, как превозносят это подхалимы, зато злопамятен и хитер, словно хорек.

– Я полностью с тобой согласна, – побледнела Леа, – но говорила не о том.

– Прости, я тоже не о том хотела сказать. Просто все мужчины обычно именно так начинают ухаживать за девушками – дарят цветы, стараются угодить и развеселить, показать себя с самой выгодной стороны. Ведь выбирать-то тебе.

– А что, в гильдии это самые завидные женихи? – пошутила Леаттия, но знахарка ответила серьезно:

– Нет, есть и лучше. Просто эти успели добраться сюда первыми... и вытянуть жребий.

– Что?! Санди, не отворачивайся, замахнулась – так бей. Кто там тянет жребий?

– Лучшие женихи, – неохотно буркнула магиня. Помолчала, повздыхала и мрачно добавила: – Их уже почти два десятка, но нельзя же было привести всех разом? И им неудобно, и ты начала бы паниковать. Иного способа, как иначе показать тебе всех наших до бала, никто придумать не сумел.

– Но зачем мне двадцать?.. – ошарашенно взглянула на нее графиня.

– Тебе нужен один, это всем ясно, – терпеливо поясняла магиня, поглядывая на приближающиеся ворота. – Но кто именно – не известно никому. Даже тебе самой. И самый простой способ это выяснить – познакомить тебя со всеми и дать поговорить без свидетелей. Возможно, кто-то западет в душу или хотя бы понравится больше других. Ему самому в таком случае можешь ничего не говорить, а мне намекни. Я всегда подскажу, уж в людях за эти годы разбираться научилась. Ведь от знахарки ничего не таят, и радости, и горести – все несут полной мерой. Но бед обычно больше.

– Мне нужно об этом подумать, – вздохнула Леа и потрясенно уставилась на Санди, непреклонно заявившую в ответ:

– Думай сколько угодно и выбирай хоть год, хоть два. Но от знакомств отказаться теперь не получится, ты же сама хотела научиться всему тому, что умеют остальные девушки в твоём возрасте. Принимать ухаживания и кокетничать, шутить и даже чуточку флиртовать – все то, что помогает лучше узнать человека и понять, нужен ли он тебе. Но вот играть чужими чувствами не стоит, мужчины тоже люди и им тоже бывает больно. И особенно темным магам, они более других горды и чутки ко лжи.

– Ох, светлые духи! – потрясенно ахнула хранительница. – Но я ведь и не предполагала, что придется устраивать экзамен толпе магов на способность к лицедейству! Они ведь даже на гран не показали своих истинных лиц, только учтивые маски дамских угодников.

– А чего ты хотела в такой обстановке? – ворчливо поинтересовалась знахарка. – Истинные лица зачастую познаются только в беде да в бою. Ну не устраивать же нам тут сражение?

– Конечно нет, – огорченно буркнула Леа, вылезая вслед за «тетушкой» из коляски. – Но почему именно до бала?

– Потому, – склонившись к ее уху, шепнула Ирсана, – что юные герцоги и их друзья изучали искусство обольщения юных девиц на практике и поднаторели в этом гораздо больше, чем молодые маги.

Это сообщение застало Леаттию врасплох, до сих пор ей отчего-то мнилось, будто только Кайор одержим охотой за молоденькими фрейлинами и баронессами. И теперь девушке требовалось хотя бы немного времени, чтобы хорошенько все обдумать и подготовиться к балу. Разумеется, она не собиралась искать и заталкивать за подвязки острые стилеты и фиалы со снотворным, которыми так лихо пользовались героини женских романов, ставших для нее отдушиной после смерти отца.

Да и никакое другое оружие ее не интересовало – наоборот. Более всего Леа боялась, что усиленная духом защита может сыграть с ней плохую шутку, если кому-то из придворных ловеласов придет в голову потискать ее в темном углу. Но становиться беспомощной жертвой она тоже не имела никакого желания и решила поговорить об этом с магистрами после ужина.

Однако, спустившись по звонку в столовую, Леаттия с изумлением обнаружила, что ужинать они будут вовсе не уже привычной тесной компанией. На диванах вольготно расположились хорошенькие девицы, которых она видела на набережной, а возле окна Бензор разговаривал с четверкой молодых людей, которых Леа каким-то неведомым чувством определила как магов. Кстати, все они снова, как на подбор, были высокими, стройными и привлекательными. Интересно, как Эгрис их

отыскивает? Не может же всех помнить?

Сообразив, что сейчас эти красавцы ринутся на нее, как пчелы на варенье, хранительница даже расстроилась – общения с незнакомыми мужчинами и днем хватило с лихвой. Ей вдруг пришла в голову дерзкая мысль проверить, как маги будут выполнять задание Эгриса, если сама она постарается держаться как можно холоднее.

– Добрый вечер! – Коротко поприветствовав всех присутствующих разом, девушка уверенно направилась к магине, давая себе обещание ходить сегодня за ней, как нитка за иглой.

– Мы ждали только тебя, – догадливо рванулась ей навстречу Ирсана. – Прошу всех к столу!

Явно ломая какие-то планы мужа и его друзей, знахарка усадила «племянницу» рядом с собой, и та повеселела, рассудив, что теперь отбиваться от настойчивого ухаживания ей будет в два раза проще.

– Можно здесь сесть? – Один из собеседников Бензора, сероглазый, хорошо сложенный и весьма привлекательный шатен, стоял рядом с соседним стулом и с нахальной усмешкой открыто изучал Леаттию.

– Как хотите, – равнодушно ответила она.

А тайком вынуждена была признаться самой себе, что это и в самом деле занятно – ощущать внимание таких видных мужчин. И почти неприкрытую зависть сидящих напротив прелестниц, между которыми, как козел в капустной грядке, устроился ее учитель.

– Я желаю сидеть рядом с вами, – загадочно глянув на Леаттию, обаятельно улыбнулся незнакомец и сел.

Причем умудрился устроиться вроде и прямо, как требовали правила приличия, и все же слегка развернувшись к соседке, довольно откровенно давая всем понять, что здесь его интересует только она и никому другому он не позволит вмешиваться в их беседу.

– Чем же мы заслужили такое внимание? – не удержавшись, съязвила Леаттия, которую слегка ошеломила его напористость.

– Незаурядностью, загадочностью и красотой, – расцвел еще более обворожительной улыбкой сосед.

– Боюсь, вы мне льстите, – не поверила графиня. – Я всего лишь обычная провинциалка. А искать загадочных красавиц наверняка проще в герцогском дворце.

– Я пытался, но, к сожалению, безуспешно, – ловко подкладывая на ее тарелку закуски, делано пригорюнился маг. – Там все слишком бойкие и не умеют сразу узнавать жителей Гайртон.

Последние слова он произнес очень тихо, и вряд ли кто-то сумел их

расслышать, кроме Леаттии.

– Но я тоже этого не умею, – откровенно призналась она, насмешливо глядя в серые глаза. – Если бы тетушка не вышла замуж, меня туда никто бы и не пустил.

– Я бы пустил, – уверенно заявил он и небрежно, словно случайно забыл, представился: – Кстати, я Вельтон, мастер. Мой дом неподалеку от дома вашего дядюшки, и я буду счастлив отдать все ключи от него... только намеркните.

Маг снова говорил очень тихо, почти шептал, склонившись к Леаттии и лаская ее нежным взглядом. А девушка вдруг почувствовала себя полураздетой и незащищенной перед этим откровенным взглядом и не на шутку испугалась, ощутив разгорающийся в груди знакомый жар.

– Отодвинься, быстрее, – изо всех сил сдерживая раздражение, умоляюще шепнула она и, схватив бокал с лимонадом, в котором плавали звездочки льдинок, выпила его в несколько глотков.

– Но что такого... – еще непонимающе хмурился маг, а Джарвис уже отстранил его и встал рядом с ученицей.

– Ну-ка... – бесцеремонно положил ладонь ей на лоб, и хранительнице сразу стало легче, откуда-то появились силы справиться с жаром, и она облегченно выдохнула.

– Так я и думал, переела мороженого, – тем временем бурчал учитель, решительно поднимая ее на руки. – Нужно выпить зелья и выспаться.

– Я тебе помогу, – сорвалась с места Санди и, не обращая никакого внимания на гостей, помчалась следом за ними.

– Можешь уже отпустить меня, – дернулась Леа, когда они оказались возле лестницы, но магистр только плотнее сжал губы.

– Не спорь, – предупредила не отстававшая от них магиня. – На тебе сейчас успокоение, и самой идти будет трудновато.

– Успокоение? – изумилась хранительница, взглянула в суровое лицо учителя и невольно хихикнула.

Он пренебрежительно дернул щекой и крепче притиснул ее к себе. И тогда Леа не сдержалась. Засмеялась сначала едва слышно, потом все громче и безудержнее, выплескивая в этом смехе недавно пережитое раздражение и тревогу.

– Истерика, – констатировала Санди, когда они почти бегом ворвались в спальню. – Придется дать зелье по сильнее.

– Да не действуют на меня ни зелья, ни успокоения! – едва сумела выговорить сквозь смех графиня, но посмотрела в хмурые лица друзей и безропотно проглотила какую-то гадость.

А потом так же покорно позволила Санди помочь раздеться и разобрать прическу, легла в постель и закрыла глаза, очень ясно осознавая, что это лишь малая плата за их заботу и искреннее беспокойство.

Глава девятнадцатая

Звук голоса, возникшего где-то в голове, не пугал и не удивлял, он казался хорошо знакомым и почти родным. И говорил он о тех вещах, которые Леаттия давно знала и понимала их важность.

Потому-то, проснувшись и оглядев освещенную ночником роскошную спальню, девушка ни на минуту не подумала, будто ей приснился обычный сон. Наоборот, была убеждена, что получила послание от того, кому теперь служила. Глянув на стоявшие в углу громоздкие часы с башенками и хороводами танцующих фигурок, хранительница облегченно выдохнула. Оказывается, спала она не более двух часов, и значит, никуда не опоздала.

Немедленно поднявшись с постели, девушка принялась торопливо одеваться и на этот раз выбрала не платье и не юбку, а без сомнений вытащила из шкафа женский охотничий костюм. Хотя мужской для таких вылазок, несомненно, был бы удобнее, но о нем необходимо позаботиться заранее, а она до этого часа даже представления не имела, какие распоряжения может выдать дух.

Поспешно натянув плотные штаны, сапожки и темную, почти до колен длиной, замшевую рубаху с карманами и широким поясом, Леа как чалмой обмотала голову тонким зеленым шарфом и выскочила из спальни. Нужно было спешить, пока маги не разошлись по своим комнатам. Без их помощи будет очень непросто справиться с заданием, а стучать ночью в покои к мужчинам она не решится. Не так просто преодолеть правила приличия, вбитые в голову присланными Кайором наставниками.

В доме властвовала тишина, графиня невольно старалась шагать неслышно, хотя и понимала, как это нелепо. Маги наверняка защитили дом своими заклятиями, и им немедленно станет известно о нарушителе спокойствия.

И все же до столовой она добралась благополучно, а увидев пробивающуюся через щель в дверной занавеси полоску света, почувствовала огромное облегчение. Но подойдя вплотную и расслышав данное ей Джаром имя, на миг замерла прислушиваясь. Разговаривали глава гильдии и мастер, которого она чуть не подожгла.

– Ничего не понимаю, – удрученно вздыхал Вельтон. – Я никогда и ничем не оскорбил ни одну девушку. Да и зачем, скажи, мне обижать твою подопечную, если она понравилась с первого взгляда? Мы же договорились...

– Эгрис! – Слушать дальше Леаттия считала верхом бестактности.

Не найдется ни одного человека, которому будет приятно узнать, что слова, сказанные в порыве откровенности, слушал вовсе не тот, кому они предназначались.

– Лайна? – вскочив с места, бросился к ней глава гильдии и вдруг рассмотрел, как она одета. – Куда ты собралась? Что случилось? Садись выпей чаю, сейчас придет Санди...

– Подожди, – твердо остановила его хранительница, сама удивляясь уверенности, с какой ей удалось это сказать. – Не нужно ее будить, лучше Джара.

– Лайна, – полуобняв девушку за плечи, магистр мягко подталкивал ее к креслу, стараясь загородить собой притихшего, как мышка, Вельтона, – ну зачем тебе брат? Он устал, пошел отдыхать...

– Эгрис, – сообразив, что маг просто не догадывается, о чем идет речь, хранительница вывернулась и строго уставилась ему в лицо, – выслушай меня внимательно. Но сначала ответь, я могу при Вельтоне открыто говорить о своих делах?

Она чуть не сказала «о тайнах», но вовремя спохватилась.

– Конечно, – уверенно кивнул глава темных магов. – Среди тех, кому позволено с тобой познакомиться, нет ни одного человека, за которого я не смог бы поручиться.

– Спасибо, – отмер маг и встал рядом с другом, внимательно, словно впервые, рассматривая девушку, застывшую перед ними в ожидании ответа.

– Тогда слушайте, – серьезно кивнула она. – Мне нужно срочно добраться до источника. Боюсь, там потребуется помощь... а я ведь не маг. Потому и спрашивала про учителя.

– Извини, – нахмурился Эгрис, – я сразу не понял. Но его и правда сейчас не достать, поехал провожать гостей.

– А еще маги в доме есть?

– Только Санди.

– Пусть спит. Теперь про источник. Ты можешь попасть во дворец герцога?

– Днем – могу. А ночью придется вызывать придворного мага, он в это время обычно развлекает их светлостей волшебными картинками.

– А сфера у тебя есть? – Леа задавала вопросы быстро и сосредоточенно, не обращая внимания на все мрачневшие взоры магов.

– Конечно.

– Тогда мне нужна карта. Полетим к ближайшему спящему источнику.

– Сейчас. – Магистр сделал пальцами замысловатый жест, словно вытаскивая нечто из узкого сосуда, а не сводивший с девушки взгляда Вельтон изумленно приподнял бровь.

– Теперь понимаешь, – заметив эту гримасу, невесело пошутила графиня, – какого кота в мешке пытается подсунуть друзьям мой дядя?

– Очень прелестного, – тотчас одарил ее комплиментом маг, – и самой любимой мною породы.

– Боюсь, к утру окрас поменяется, – зловеще предположила девушка, но маг ответил лукавой усмешкой:

– Я не про цвет волос, всем нам приходится ходить по соседним государствам под личиной и мороком.

– Я тоже не про него, – бросила Леа и склонилась над шелковой картой, которую разворачивал на столе глава гильдии.

Подвинулась ближе, заученно положила пальцы на источники внутреннего кольца, мысленно разделила внешнее кольцо на части, проверяя себя по надежным ориентирам, и поставила палец на ближайшую к Давру точку, не отмеченную никаким знаком.

– Вот сюда. Как будем к нему ближе, я подскажу точнее.

– Я позвал Бензора, – деловито сообщил Эгрис. – Он принесет артефакты и кристаллы и пойдет с нами. Пять минут ведь ничего не решают? А ты пока объясни хоть приблизительно, в чем дело.

– Извини, но раз есть время, я бы лучше выпила стакан горячего чаю, – не согласилась девушка. – Поужинать не удалось.

– А чем я тебя обидел, можешь сказать? – Вельтон смотрел спокойно и даже улыбался, но его руки непроизвольно крепче вцепились в край стола.

– Ничем не обидел, – твердо выдержала его взгляд графиня. – Просто у человека, которого я ненавижу, есть такая привычка... шептать на ухо.

– Проклятье! – огорченно рыкнул маг. – Ну хочешь, я вызову его на поединок?

– Его и без тебя есть кому наказать, – холодно буркнул глава гильдии, подвигая Леаттии чай и блюдо с тарталетками. – И это вовсе не наши собраты.

Леа едва не подавилась, расслышав в его голосе незнакомую жесткость, но тут же запретила себе об этом даже думать, пока не исполнит указание духа.

Бензор прибыл, когда она уже допила вторую чашечку чая и решительно отодвинула от себя блюдо. Но появился магистр вовсе не там, где Леа ожидала его увидеть. Внезапно заглянул в окно, внимательно оглядел присутствующих и, раздвинув шторы так запросто, словно за ними

была дверь, приглашающе махнул рукой:

– Карета подана.

Эгрис посадил девушку, влез сам и не успел еще сказать Вельтону ни слова, как тот ловко заскочил внутрь.

– Куда? – коротко спросил казначей гильдии, а глянув на поставленный на карте крестик, поднял сферу выше городских шпилей, и она стремительно помчалась на восток.

– Теперь можешь объяснить, зачем мы туда летим? – осторожно заглянул в глаза хранительницы главный магистр.

– Да, – уверенно кивнула она, отлично понимая, как заденет гордость магов ее следующее заявление. – Он сначала вас проверит и потом сам все скажет.

– Можно узнать, кто – «он»? – обдумав ее слова, осведомился Вельтон, но Леа ничуть не сомневалась, что и старшие магистры не против получить подтверждение своих подозрений.

Но сегодня, ради важности появившегося у духа задания, она получила разрешение намекнуть добровольцам на его существование. Впрочем, Эгрис и Бензор об этом уже знали, осталось рассказать Вельтону.

– Оставляя людям источники, – мягко пояснила она, – старшие расы не хотели, чтобы их дар стал причиной войн и ненависти, и потому предусмотрели решения на все случаи, даже самые невероятные. Но доверить их книгам или каменным скрижалям не могли – черные маги способны уничтожить любые знания, какие им не понравятся, а остальные извратить. Поэтому старшие оставили невидимого и разумного магического наблюдателя, мы зовем его духом. Для них это было несложно.

– А как ты узнала, что нужно к нему идти? – В глазах молодого мага горел такой знакомый Леаттии исследовательский огонек, что она невольно усмехнулась.

Вот и конец их короткому роману, отныне она для него больше не хорошенькая девушка, а всего лишь интересная загадка.

– Поймешь, когда прибудем к источнику. – Эгрис некоторое время внимательно рассматривал карту, потом с сомнением покосился на Леаттию: – Я помню эти места, когда-то пришлось жить неподалеку. Но никаких строений, напоминающих алтарь источника, в округе я не встречал.

Леа только бледно улыбнулась в ответ: она и сама боялась ошибиться, принять обычный, но очень яркий сон за указание духа. И почувствовала невероятное облегчение, когда левой щеки вдруг коснулось уже узнаваемое тепло и в голове возник дающий указания тихий голос.

– Немного левее и ниже, – попросила она Бензора, и тот немедленно исполнил ее просьбу.

С этого момента маги сидели не дыша, слушая уверенный девичий голос и следуя в указанном направлении.

А еще через несколько минут сфера стояла у подножия небольшого холма, поросшего чахлой малиной и костяникой.

Маги вылезли первыми и сначала бдительно проверили округу магическими поисковичками, только потом разрешив выпрыгнуть из сферы хранильнице. И даже не догадывались, что за эти минуты она успела получить новые указания и разрешение взять с собой всех троих.

– Можно сложить сферу, тут ее оставлять нельзя, – пояснила Леа, едва очутившись на траве. – Сейчас откроется проход.

Всего за минуту магическая повозка превратилась в обмотанную холстиной доску, и едва Бензор забросил ее за спину, на вершине холма поднялось округлое строение. Низкое и очень небольшое, не шире одноместного шатра. Леаттии оно казалось темным и теплым, а маги видели светящийся силой купол.

– Быстрее! – Хранильница устремилась туда первой, и мужчины ринулись следом.

Догнали, подхватили и, держа девушку на весу, дружно ввалились в необычное помещение. И тотчас почувствовали, как проваливаются в темноту магического пути. Эгрис встревожился, ожидая появления странного пламени, защищающего хранильницу от переходов, но перенос закончился, вокруг них вспыхнул неяркий свет, а огонь так и не появился.

– Это закрытый источник, на котором стоит башня Даггера, – пояснила спутникам Леаттия, показывая на возникшие вокруг них стены. – Сегодня черный маг и его ученики привели сюда толпу пленников, собираясь открыть источник их кровью.

– Нужно было брать больше боевых жезлов, – огорченно рыкнул Бензор.

– Нет. Почувствовав ужас жертв и намерение злодея, дух сам расправился с ним и помощниками, воздав каждому по заслугам, – тихо пересказывала хранильница полученные от духа объяснения. – Но узники скованы цепями, измождены и голодны. Среди них есть больные и раненые. Вы можете их спасти, если пожелаете.

– Конечно, зачем спрашиваешь? Открывай быстрее!

Все трое магов уже стояли у стены напротив алтаря, ожидая появления прохода, и их единодушие обдало душу Леаттии давно забытым теплом.

– Открываю, – загадочно улыбнулась она, и алтарь озарился синеватым сиянием, а стена перед магами растаяла, открыв освещенный факелами двор крепости, усеянный темными телами.

И только одно мгновение они позволили себе полюбоваться редкостным чудом – открытием источника, потом отвернулись и дружно ринулись к старающимся не стонать жертвам.

– Спасибо, – обращаясь к своему повелителю, выдохнула Леаттия и поспешила следом за ними, втайне жалея о собственной беспомощности в целительском деле.

Мелькнуло в ее голове смутное раскаяние в решении не будить Санди, тут работа как раз для знахарки, и исчезло, вытесненное срочными заботами. Пока Вельтон и Бензор обходили пленников, невидимыми ударами заклинаний разбивая замки на цепях, Эгрис успел обшарить поисковичками замок, который народ скромно называл башней Даггера. В нижних, самых неприятных помещениях нашлось десятка два запуганных и забитых младших учеников и слуг. Все они были одеты в серое рванье и обриты налысо, у многих не хватало ушей и зубов. Зато они знали, где можно найти полотно и горячую воду, и догадывались, какие комнаты и спальни старших учеников не защищены ловушками.

Неодаренные последователи черного мага ютились на чердаках в скотном дворе, и сейчас оттуда не доносилось ни звука, но проверять, живы послушники или нет, у магистров пока просто не было возможности. Они занимались лечением раненых, отдав под командование Леаттии слуг и учеников.

И теперь те носились вихрями, подтаскивая воду и полотно. Жертв мыли прямо на месте, устраивая каждому подлеченному короткий теплый дождик и заворачивая в чистую простыню. Потом слуги осторожно укладывали бедолаг на носилки и уносили в дом, устраивая в комнатках первого этажа. Соваться выше Эгрис не разрешил, бывший хозяин наставил там просто невероятное количество всевозможных, но неизменно подлых ловушек и капканов.

Работа была в разгаре, когда с ночного неба на крепость свалились две огромные сферы, сели в сторонке и изрыгнули десятка три магов и магинь.

Дело закипело с новой скоростью и размахом, маги, просто упивающиеся свободно хлеставшей энергией источника, творили чудеса. Переносили бывших пленников в свитых из воздуха сетях, очищали комнатки для них водными метелками и сушили теплым ветром, нашли кладовую и, сняв защиту и охранки с продуктов, вмиг сварили на магическом огне большой котел бульона.

Эгрис нашел Леаттию, когда она с ложечки поила супом бледную, изможденную девчонку лет тринадцати. Как выяснилось, сумасшедший маг намеревался в случае, если не поможет кровь слабых одаренных: ведьм, травниц и проводников – принести в жертву несколько девственниц.

Магистр постоял, посмотрел на хранительницу и, присев напротив, создал небольшое зеркальце:

– Погляди на себя.

– Ну, я так и думала, – заглянув в синеватое стекло, спокойно пожала плечами хранительница. – Мне дух это еще во сне пояснил. Такова моя плата за перенос. Чтобы закрытый источник смог меня узнать, дух при входе в портал снимает все воздействия магии и зелий. Иначе может случиться беда. Например, нас выкинуло бы на крышу крепости. Но не думаю, что меня кто-то рассмотрел и узнал в этой одежде, тут было темно и все суетились.

– Я и сам тебя еле узнал, – вздохнул глава гильдии. – Исчезли даже мои маячки, поставленные на твои артефакты.

– Можно позже придумать особый тайный знак, – хмуро улыбнулась девушка, поправив одеяло на заснувшей пленнице. – Либо сделать для меня простое кольцо с особым рисунком или камнем, сам потом решишь, как лучше. А сейчас я тебе зачем-то нужна?

– Тебе пора отдыхать... и я хотел спросить, хочешь остаться здесь, мы уже очистили все комнаты, или вернешься в Давр? И если желаешь вернуться, то как – на сфере или порталом?

– Порталом мне нельзя. А дух переводит только в самом крайнем случае, таком, как сегодня. Поэтому лучше на сфере, там и поспать можно. А больше ты ни о чем не хочешь спросить?

Эгрис упрямо поджал губы и мотнул головой.

«Вот в этом вся суть темных магов», – устало улыбнулась графиня. Они никогда ничего не просят и не требуют, особенно если соглашались помогать, не ставя никаких условий.

– Извини, я не так выразилась. Просто понадеялась, что поскольку я вам теперь своя, то можно обойтись без церемоний.

– А ты своя? – оттаивая, еще колко глянул он.

– Ну а чья же? – укоризненно фыркнула Леа. – Да и дух разрешил мне вступить в гильдию. И в знак вступительного взноса отдать вам этот источник, крепость и все остальное имущество Даггера. У него есть еще дома и поместья, все документы хранятся в сейфе в стальной шкатулке, но она защищена потайными ядовитыми иглами.

– А об этом ты откуда знаешь? – пророняло даже главу гильдии.

– Этот гад очень хотел жить, – нехотя буркнула она, – и пытался подкупить духа своим богатством.

– Действительно гад и мразь, – сплюнул Эгрис. – Тогда идем. Я как раз собирался отправить одну сферу, она заберет тех, кто возвращается в Банлею, оттуда было ближе всего вызвать помощь. Потом доставит в Давр тебя.

– Я полечу с Бензором?

– Его сейчас невозможно оторвать от кладовой с артефактами, – с хитрой ухмылкой признался магистр. – Хотя Бен и не знал точно, достанутся ли они нам, но не посмотреть просто не мог. Он ведь артефактор и чувствует их, как садовник цветы. А с тобой полетит Вельтон, у него в Гайртоне ученик. Мальчишке всего пятнадцать, и его нельзя надолго оставлять без присмотра.

– А как Вельтон меня узнает? – Леа огляделась, ища свой шарф, но так и не нашла, видимо, потерялся где-то во дворе.

Неожиданно в дверь бесцеремонно заскочила одна из магинь, оглянулась и кому-то крикнула:

– Мастер Вельтон, он здесь!

– Увы, – буркнул магистр, посмотрев на растерянное лицо хранительницы, – я могу поставить только отвод глаз, а он их видит.

– Эгрис, – шагнул в комнату маг, – ты ее нашел?

И только после этого заметил молча смотревшую на него прелестную синеглазую девушку в смутно знакомом охотничьем костюме.

Долгую минуту маг пристально изучал так и не открывшую рта графиню, затем плотнее прикрыл дверь и присел на сундук.

– Только сейчас я понял шутку про темную кошку. А можно узнать, сколько времени вы собирались прятать ее под личиной?

– А вот это тайна совета высших магистров, – хмуро сообщил Эгрис. – Но тебе теперь все равно придется давать клятву о неразглашении, поэтому поясню. Хранительница источников нашего мира графиня Брафорт признана самым ценным достоянием гильдии, и прятать мы ее будем до тех пор, пока не исчезнет угроза нападения.

– Тогда не сомневаюсь, что Манрех не проживет и месяца, – мгновенно сделал свои подсчеты Вельтон. – Но не понял, почему нам нельзя прибить его самим?

– Ты собираешься обрасти клятвами, как шхуна ракушками? – желчно осведомился Эгрис. – Но как кандидату в совет магистров могу намекнуть. Он связался с очень плохими людьми и ради них выгнал своего придворного мага, хотя я его и предупреждал.

– Так это ты сидел в его замке столько лет, – сообразил Вельтон, задумался на миг и съязвил: – Тогда ты действительно имеешь право называть Элайну племянницей.

– Тогда я его боялась и не любила, – вздохнула хранительница и жалобно уставилась на главу: – Мне нужен шарф или платок.

– Я могу сделать иллюзию, – предложил молодой маг и опешил, услышав дружное «нет».

– Ни в коем случае ничего на нее не кастуй, – строго предупредил Эгрис. – На ней защита источника. Были уже желающие, сверкали потом голым... хм, телом.

– Так вот почему нас предупредили, – сообразил Вельтон, но договаривать не стал. Нарисовал в воздухе какой-то заковыристый знак, и в его ладони появился шелковый харказский платок. – Прими, это настоящий, не иллюзия.

Он подал девушке струящуюся ткань и с неожиданно печальной улыбкой проследил, как она заматывается тщательно, словно истинная харказка.

– Пора отправлять сферу, – решительно поднялся со стула Эгрис и вдруг признательно заглянул в синие глаза хранительницы: – Спасибо за такой драгоценный подарок, Леаттия. Я говорю не о крепости и поместьях, а о надежде на будущее.

– Это не я, – отказалась графиня. – Я только передала его просьбу. Ведь вы могли и отказаться.

– Возможно, мы именно так и поступили бы, – на миг помрачнел магистр. – Хорошо, что я своими глазами видел, как ты усилила гайртонский источник. Ведь, согласишься, темному магу, привыкшему все добывать своим умением, трудно поверить в подобное чудо без веских доказательств.

Глава двадцатая

По двору графиня шла, не поднимая глаз, стараясь держаться в тени ведущего ее под локоток Вельтона. А возле сферы на миг запаниковала, представив, как несколько часов сидит рядом с толпой любознательных магов. Однако тотчас заметивший ее колебания Эгрис перебросился с сидевшим впереди магом парой фраз, и в летающей повозке открылась узкая дверца, ведущая в отдельную маленькую кабинку.

Леаттия благодарно улыбнулась главе гильдии, закрывшему за ней дверцу, проследила в оконце, как Вельтон входит в общую дверь, и прилегла на узкую, но удобную козетку, намереваясь проспать до самого Давра.

Но разбудили ее гораздо раньше.

– Элайна... – виновато звал Вельтон, – проснись.

– В чем дело? – Леа тряхнула головой, чтобы быстрее проснуться, но от резкого движения платок сполз с головы, выпустив на свободу волну пшеничных волос.

– Мы в Сорбейне, в доме Эгриса, – терпеливо объяснял маг. – Все уже ушли, и я хочу свернуть сферу. Такую большую мне трудно вести.

– Извини. – Девушка выбралась на дорожку и обнаружила рядом с собой широкие ступени невысокого крыльца.

Через распахнутые створки входных дверей гостеприимно лился яркий свет, откуда-то тянуло ароматом свежих булок и еще чем-то таким домашним, уютным, что сразу захотелось туда войти.

– Там можно умыться и выпить чаю, – деликатно подсказал Вельтон, водя руками по стенкам медленно съеживающейся сферы, и хранительница не нашла в себе стойкости отказаться от этого предложения.

Через полчаса маг обнаружил ее в небольшой уютной гостиной за столиком, заставленным тарелочками со свежими плюшками. Ободряюще улыбнулся в ответ на чуть смущенный взгляд, присел напротив и налил себе чашечку душистого чая.

– Я не стал делать тебе отдельную кабинку, – спокойно сообщил он, понемногу отпивая горячий напиток, – отоспишься дома. Отсюда до Давра добираться напрямик через холмы и залив всего часа два, и подлетать будем на рассвете. Это ошеломляющее зрелище, и я не могу позволить тебе его проспать.

– Да я уже и не хочу спать, – бледно улыбнулась Леа, тронутая такой

заботой.

– Это хорошо, – Вельтон лукаво улыбнулся. – За последние три часа у меня понемногу улеглись в голове последние новости и возникла пара вопросов.

– Это хорошо, – передразнила его графиня, – что всего пара. Мне казалось, у темного мага их будет раз в десять больше.

– Просто я не хотел показаться слишком наглым и испугать тебя, – невозмутимо пояснил он, но по губам скользнула довольная улыбка. – Тогда допиваем чай и отправляемся.

В этот раз каютка сферы показалась Леаттии тесноватой. Она словно очутилась в небольшой двухместной карете, в каких принято ездить по магазинам и белошвейкам.

Зато кресла были мягкими и удобными. И хотя стояли рядом, эта теснота с лихвой окупалась расположенным прямо перед ними широким окном, открывающим вид на едва заметно бледнеющее к востоку звездное небо. С безмолвного согласия спутницы маг убавил яркость магического светильника, и некоторое время они летели молча почти в полной темноте.

Леа наслаждалась ощущением, какое до сих пор было доступно ей только во снах, когда она легким облачком летала над Югретом и Горнео, и не спешила начинать разговор первой. Судя по всему, Вельтон далеко не робкого десятка, и если захочет о чем-то спросить, долго сомневаться не станет.

Он и в самом деле вскоре заговорил, медленно, словно отрываясь от важных размышлений:

– Сначала я хотел бы уточнить... вашу милость не оскорбляет наше правило обращаться к собеседникам попросту?

– Нет, – сразу ответила Леаттия, несколько мгновений подумала и пояснила: – Я вступила в гильдию и приняла все ее законы. Свои порядки в чужом доме не устанавливают.

– Это верно, – задумчиво проговорил Вельтон. – И именно из-за этого я десять лет назад решил войти в гильдию. Хотя темные маги не любят рассказывать о себе и пояснять свои поступки, сегодня мне придется нарушить собственное правило, но об этом я не жалею.

Хранительница в ответ промолчала, понимая, что ему не нужны ни ее вопросы, ни поощрения.

– До этого я года два был учеником черного мага, потом еще года три – одиночкой, – так же неспешно и негромко говорил маг, неотрывно глядящий вперед, и Леа видела слабо освещенный профиль его лица. –

И когда стал учеником темного мага, еще довольно долго сомневался в правильности своего решения, опасаясь, что не до конца извел в себе провозглашенные черными догмы. В нашей гильдии есть такая шутка: белые маги уважают лишь чужие желания, черные – только свои, и лишь темные догадались, что не желания должны править людьми, а люди – ими. И я всегда считал, что темные просто придумали удобное для себя правило. Но лишь сегодня, после того как древний дух счел всех нас достойными своей тайны, вдруг почувствовал гордость за самого себя... что сумел выбрать в жизни верный путь. Но просто интересно – дух мог счесть меня недостойным?

– Я бы сразу об этом сказала, мне все было известно, еще когда мы сидели в сфере, – мягко сказала Леаттия, отлично понимавшая, почему он об этом спрашивает.

Слышала она краем уха разговоры магов, нашедших поодаль несколько аккуратно расстеленных по плитам двора кучек одежды и амулетов, не имевших и малейших следов крови или огня. Все изуверы просто бесследно растаяли весенними облачками, оставив все награбленное. А рядом с этим страшным местом тихо спали пятеро подростков разного возраста, и ни у кого из них магистры не нашли магического дара.

– Но если?

– Не знаю, – честно вздохнула девушка. – Я только после смерти матери стала хранительницей. Но мой отец всегда говорил: «У многих людей бывают моменты, когда до дрожи хочется кого-то наказать, но большинство находит в себе силы справиться со своей злостью и не встать на путь, ведущий в бездну».

– Твои родители были великие люди, – тихо произнес маг, и в его голосе ясно слышались уважение и сожаление. – У меня остался один вопрос, очень нескромный и даже бестактный. Скажи, зачем тебе эти смотрины?

– Какие? – еще недоуменно произносила графиня, но щеки уже вспыхнули жарким огнем понимания. – Но разве...

– Извини за прямоту. Но именно так это видится со стороны. Глава гильдии решил лучше пристроить внезапно свалившуюся на него племянницу и выбрал для нее самых выгодных кандидатов. Я сам, когда получил приглашение, веселился всю дорогу. Эгрис, такой неподкупный и справедливый, его выбирают главой уже девятый год, и вдруг начал искать деревенской девчонке без способностей хорошую партию. Я и ехал только для того, чтобы посмотреть на это собственными глазами.

– Значит, ключи от твоего дома были лишь шуткой? – выдавила Леа, огорошенная и раздавленная неожиданно осознанной справедливостью этого заявления.

– Я никогда не шучу такими вещами, – твердо заявил Вельтон и наконец-то повернул голову к спутнице.

Свет стал ярче, и девушка рассмотрела на его губах неожиданно горькую усмешку.

– Так бывает. Пока не видишь человека, думаешь о нем одно, а как посмотришь... Ты совершенно не походила на глупенькую восторженную дебютантку, которая без раздумий возьмет браслет у самого высокого и смазливового поклонника. И я с первого взгляда почувствовал в твоём поведении какую-то странность или неправильность и тайну. А для темного мага это лакомый кусочек, и, разумеется, я ринулся к тебе первым. Предположений возникало множество, но они сгорали пачками, пока я произносил первые фразы. И все яснее становилось только одно – ты запуталась и ни в каком муже вовсе не нуждаешься. Вот тогда я и поспешил предложить свой дом, надеясь, что сумею помочь тебе разобраться со своими проблемами. Ну а потом понял, как ошибался, но никак не могу сообразить, почему Эгрис так торопит тебя.

– Это не он, – краснея, призналась хранительница. – Это я. Понимаешь, Кайор объявил о помолвке, когда мне было всего пятнадцать, и за эти годы я привыкла чувствовать себя не самостоятельной дочерью знатного рода, а чьей-то половинкой или, скорее, вещью. В его браслете было заклинание подчинения. А когда оно пропало, я вдруг поняла, как ничтожно мало знаю о жизни людей за пределами моей клетки. Потому и просила Эгриса помочь – показать мне обыденную жизнь, отношения людей, негласные правила и порядки. Но вскоре он выяснил, что мне не запрещено связывать судьбу с магами, и... Нет, я не упрекаю его ни в чем, он старается для гильдии. Виновата я сама, ничего не умею и не знаю. Прошлая жизнь рассыпалась слишком быстро, я не успела научиться обходиться без заботливых родителей. И помощи ждать было не от кого, Кайор даже всех старых слуг выгнал, поселив в замке своих соглядатаев.

– Теперь мне все ясно, – помрачнел маг. – Манрех, как обычно, солгал, и его невеста вовсе не сбегала с поваром. Значит, именно его ты ненавидишь и в таком случае не зря вчера испугалась меня. Кайор ведь тоже учился в отрочестве у черного мага, хотя способности у него очень незначительны. Но некоторые замашки у всех черных одинаковы, и теперь я знаю, от чего буду избавляться первым делом.

Он повернулся к окну, убавил свет и словно забыл о спутнице. А она

смотрела вперед, на тающие звезды и непривычно широкую бледно-сиреневую полосу разгорающейся зари, и все отчетливее понимала, как правильно сделал Вельтон, объяснив ей всю неприглядность устроенных главой гильдии смотрин. И пусть Эгрис действовал с самыми благими намерениями, но в том, что никакой любви так найти нельзя, Леа теперь не сомневалась.

Румянец рассвета с каждой минутой становился ярче, и вскоре весь восток цвел нежно-розовым сиянием, отражающимся в тихо спящих водах океана. Казалось, где-то там, за почти незаметной линией горизонта, разом проснулись тысячи жар-птиц и, все ускоряясь, летят в небо. А потом из океана вдруг выскользнул золотой краешек солнца, и от него побежала навстречу сфере светлая дорожка.

– В Давре рассвета еще не видно, – резко разворачивая магическую повозку на север, пояснил маг. – Ты сегодня сможешь посмотреть восход еще раз.

– А нас сейчас никто не видит?

– Люди редко смотрят на небо, у них с утра много дел. А если кто и заметит темную точку – решит, что это птица.

Сфера резко опустилась вниз, к западной окраине города, и оттуда помчалась над крышами домов к центру.

– Вот, – опустив ее на полянку среди ухоженного парка, маг протянул хранительнице на ладони длинную бусинку, висящую на простой нити, – это вестник. Нужна будет помощь – брось в огонь или воду, сломай или раздави каблуком, я сразу приду. И еще... Мой дом всегда для тебя открыт. Иногда человеку нужно отдохнуть, осмотреться и понять, чего хочет он сам.

Леа благодарно кивнула и выпрыгнула на покрытую росой траву.

Сфера тотчас взмыла вверх и через миг исчезла за кронами деревьев. А от дома, достойного звания «дворец», уже мчалась округлая повозка без лошадей, и хранительница начала подозревать, кого именно сейчас увидит.

– Садись! – раздался приказ из распахнувшейся рывком дверцы.

И хотя в голосе мага не слышалось ни суровости, ни холодности, благодушное настроение графини почему-то начало таять, как молодой ледок на весеннем солнце.

– Я хочу прогуляться, – вежливо отказалась Леа, пока не понимая, чем ее задел учитель, но упорно не желая подчиняться.

Отвернувшись и прямо по траве неторопливо направилась к дому.

– Элайна! – через пару секунд догнала ее сфера. – Тебя ждет Санди.

– Зачем я ей спозаранку? – буркнула девушка, почему-то продолжая

упрямиться. – Пусть бы еще поспала.

Сказала и только потом поняла, как оскорбительно это прозвучало. Прикусила губу и сразу остановилась, пытаясь придумать слова, способные скрасить ее грубость, но не успела. Мимо стремительно пронеслась темная тень, и порыв ветра ударил девушку в бок, едва не сбив с ног. Затрепетали зелеными лентами ветви пригнувшихся деревьев, мгновенно высохла на траве вся роса, и только тогда хранительница сообразила, что произошло. Она умудрилась оскорбить человека, которому доверяла во всем этом мире больше, чем всем остальным.

Несколько минут худенькая фигурка с замотанной в харказский платок головой статуей стояла посреди просыпающегося парка, не замечая ни первых лучей обещанного рассвета, ни катившихся по щекам слез. И только окончательно осознав, что идти в дом у нее нет ни желания, ни смелости, а больше некуда, девушка достала из кармана подаренную Вельтоном бусину. Положила на корень ближайшего дерева и с сожалением раздавила каблуком.

Ждать пришлось недолго. Коршуном метнулась сверху темная тень, и узкая сфера замерла рядом с хранительницей.

– Что случилось? – ринулся к ней выпрыгнувший почти на ходу маг.

– Ты звал в гости... – Девичьи губы жалко кривились, пытаясь изобразить улыбку, но он сразу все понял.

Положил одну руку на сферу, перемещая не успевшее растаять кресло, а второй решительно подхватил графиню под локоть.

– Ты правильно придумала, после такой сумасшедшей ночи просто необходимо хорошенько отдохнуть, – согревая девушку ободряющей улыбкой, уверенно говорил он, помогая ей устроиться на сиденье, оказавшемся теперь позади его собственного кресла. – А за Эгриса не волнуйся, я его предупрежу.

Говорить о тех, кто должен был встретить хранительницу здесь, магистр предусмотрительно не стал, сообразив, что всего за несколько минут они успели серьезно обидеть уставшую и вымотанную переживаниями девушку.

– Если хочешь, немного поспи. – Едва сфера поднялась так высоко, что дома за окнами стали казаться кубиками для игры, Вельтон подал девушке мягкое покрывало. – Через пару часов я собираюсь позавтракать в охотничьем домике на склоне одной из гор хребта Тезграу. До Гайртоната отсюда останется меньше половины пути. Там никого нет, дом куплен у охотника как раз для таких остановок. У гильдии много домов и даже замков в разных странах, в сундуках мы деньги не копим.

Он говорил, не оглядываясь, но голос звучал мягко и заботливо, и графиня вдруг поняла, что так задело ее в распоряжении Джарвиса. Не было в его голосе ни тепла, ни радости, словно она уходила не спасать пленников, а на прогулку.

И хотя никто и не должен радоваться ее успехам, наверняка глупо ожидать этого от людей, о которых она всего декаду назад даже не знала, но сохранилось в сердце воспоминание о том, как это было, когда родители ее еще не покинули. Да и люди, живущие рядом и делающие одно важное дело, по представлению Леаттии, тоже должны бы радоваться общей победе. Видела ведь она, как вчера светились добротой и сочувствием глаза магов, бережно укладывающих в постели спасенных ведьм.

Она так и не смогла заснуть, снова и снова мысленно возвращаясь на ту полянку и задавая учителю вопрос, почему-то вовремя не пришедший ей в голову. С горечью признавая, что это именно она не сумела сдержаться, забыла все уроки матери и гувернанток, повела себя как капризная, избалованная девчонка.

И обиднее всего было осознавать, что уже ничего нельзя повернуть назад. Отныне и глава гильдии, и Санди, и Джар всегда будут помнить, какую выходку, достойную несдержанной истерички, а не хранительницы древних тайн, она может совершить в любой момент.

Сфера опустилась вниз плавно и незаметно, и Леа поняла, что они уже прибыли, только тогда, когда дверка мягко распахнулась.

– Идем завтракать? – весело улыбаясь, протянул руку Вельтон, и через миг хранительница стояла на выровненной каменной площадке, с восторгом озирая открывшийся ей вид.

Во все стороны, куда ни глянь, высились синеватые горные вершины и зеленели заросшие лесами склоны темных ущелий. Легкий ветерок приносил прохладу тающих в их глубинах последних снегов и едва заметный аромат подснежников и молодой хвои, весна в эти места приходила намного позже, чем в Гайртон. Стволы сосен, стоявших позади бревенчатого дома, светили янтарем, а выскобленное добела крыльцо украшала яркая харказская циновка.

– Здесь кто-то живет?

– Нет. Просто маги, уходя отсюда, наводят заклинаниями порядок и оставляют какую-нибудь вещицу. Чашку, подушку, корзинку с припасами или просто запасную куртку. И это не просто традиция, мы ходим сюда порталами, и так легче отыскать свой маячок. Ну а дому польза, любой путник всегда найдет здесь и еду, и одежду. Идем? Снизу он кажется

одноэтажным, но есть и второй этаж, прикрытый мороком. И там несколько спален и удобных умывален.

Спустя минуту Леаттия уже обживала небольшую уютную комнатку, с детским любопытством рассматривая содержимое простого дощатого шкафа, и ей все сильнее хотелось снять надоевшую непривычную одежду и надеть одно из простых платьев, заботливо принесенных сюда кем-то из магов.

И она не стала себе отказывать в такой малости, когда обнаружила удобную дубовую лохань и медные краны, щедро выдающие горячую и холодную воду.

А пока графиня купалась и одевалась, ей вдруг, неожиданно даже для самой себя, пришла в голову замечательная идея. Едва застегнув платье и замотав платком еще сырые волосы, она торопливо спустилась на первый этаж, где Вельтон уже сидел за накрытым столом, уплетая румяную ногу жареной птицы.

– Прошу, – приветливо улыбнулся маг, широким жестом указывая на расставленную по столу еду, и отказаться было просто невозможно.

– Вельтон, – перекусив, испытующе глянула хранительница на нового друга, – ты не обидишься на мою просьбу?

– Назад сейчас не повезу, – огорченно отказал он. – Просто не могу. Ученичок у меня проказливый, как обезьяна. Недавно его нашли, не понимает слов «нет» и «нельзя». Думает, ему от жадности или вредности не позволяют хватать все, до чего он может дотянуться. Я его уже раз пять вытаскивал из сенцев своей лаборатории, у меня там стоит несколько разных ловушек. Бесполезно, отлежится и снова лезет.

– Я не прошу назад, – улыбнулась Леаттия, отлично понимавшая заботы мага. – Оставь меня здесь. Дня на два-три... хочется немного отдохнуть от опеки. С каждым днем правила темных магов о личном пространстве нравятся мне все больше.

– Это можно, – подумав несколько секунд, кивнул он. – Еды здесь достаточно, вода из источников течет постоянно, только не подходи близко к обрыву.

– Даже не собираюсь отходить от дома, – уверенно пообещала девушка. – Но ты можешь писать мне записки. У вас же есть способ, я видела, как Эгрис получал письма.

– Кстати, про него. Прости меня, но солгать главе гильдии нельзя, мы клятву даем, – виновато глянул Вельтон и огорченно признался: – Он уже спрашивал, куда я тебя везу. И как только окажусь в Гайртоне, сразу появится. И потребует сообщить, где я тебя спрятал.

– Передай ему, что я решила пожить здесь и гостей пока не зову, – мгновенно разгневавшись, нашла выход Леаттия. – Не затем я вступала в гильдию, чтобы меня всюду водили на цепочке, как диковинную зверушку. Кайор меня не найдет, других врагов я не имею, а если понадобится духу, он везде достанет.

– Хорошо, – твердо кивнул Вельтон, явно приняв какое-то решение. – Тогда я уйду порталом, а сферу оставляю. А пока она свертывается, идем покажу, как разогревать еду. В холодной кладовой продукты хранятся столько, сколько потребуется, но греем мы обычно магией, а у тебя ее нет. Поэтому придется зажигать печь, но на сегодня еду я тебе приготовлю сам.

Он провозился с Леаттией почти полчаса, пока не убедился, что девушка ничего не перепутает и не останется голодной, потом вышел на крыльцо, подмигнул на прощанье и вмиг исчез, только теплый ветерок пронесся.

Графиня постояла на крыльце, с удовольствием вдыхая запахи ранней весны, зевнула, ощутив навалившуюся разом усталость, и отправилась спать, не забыв тщательно запереть двери.

Глава двадцать первая

– Ну где она? – Ирсана, ожидавшая подопечную на выходящей в сад веранде, еще неверяще смотрела на магистра, выпрыгнувшего из стремительно сжимающейся сферы, а душу уже знакомо сдавило нехорошее предчувствие.

– Гуляет, – рыкнул он, пролетев мимо шалым зверем, и исчез, вихрем взлетев по ступеням черной лестницы.

– Где гуляет? – Подобрав юбки, магиня бросилась в сад, костеря всех, кто заварил эту кашу.

Мужа, не пожелавшего ее будить и приславшего письмо всего за пять минут до прилета сферы Вельтона, упрямого напарника, обиженного на всех за то, что не пожелали испортить ему и без того редко выпадавший выходной, и его ученицу, нарушившую главное правило – не ввязываться ни в какие задания или экспедиции без разрешения учителя.

Хотя о том, что все ушли на задание, оставив их вдвоем в роскошном дворце, напарники пока только догадывались. Эгрис на письма ответил коротко, что занят, но к завтраку придет и все объяснит. Кроме него, никто ничего не знал, Джар осведомлялся об ученице очень осторожно, вовсе не желая стать посмешищем для всей гильдии.

Не принято у темных лезть в чужие дела и даже расспрашивать нельзя, если нет уверенности, что друг попал в ловушку.

А у них никаких подобных подозрений и быть не может, раз Эгрис пишет письма, а хранительница летит в Давр с Вельтоном. Осталось лишь непонимание, как могло получиться, что Леаттия больше не желает сжечь пройдошливого мага, по которому в Гайртоне вздыхал целый табун прелестниц.

Санди почти добежала до широкой полянки, оставленной специально для стоянки больших сфер, – в столичных дворцах маги изредка устраивали общие собрания или праздники. Но тут почти у нее из-под носа бесшумно взвилась вверх юркая сфера, облив теплым ветерком, и растущее предчувствие беды стало почти уверенностью.

Уже понимая, что старается напрасно, магиня все же обошла ближайшие дорожки и тщательно осмотрела скамейки и беседки. Но только после того, как случайно заметила на корнях могучего дуба блеск раздавленного вестника, решила вернуться во дворец.

Медленно добрела до небольшой гостиной, где на нее не давила

пышная роскошь парадного зала для приемов и праздничной столовой, и почти рухнула в кресло. Некоторое время сидела, полузакрыв глаза, мысленно перебирая способы, какими можно вернуть явно обиженную подопечную, и не находила ни одного разумного, кроме самого простого, но нежеланного.

А когда четко осознала, как бесполезно искать то, чего не было изначально, и как зря она тянет время, привычно отвесила себе воображаемую пощечину и сняла с пояса почтовый пенальчик, замаскированный под бонбоньерку. Достала крошечный листок бумаги, чиркнула несколько слов и, вложив его в нишу почтового портала, повернула камень, настроенный на мужа.

Затем аккуратно оправила складки юбки, подсушила магией промокшие туфли и приготовилась ждать.

Ответ пришел очень быстро – вспыхнул зеленый светлячок на крышке бонбоньерки, и, едва Ирсана ее открыла, ей в ладони выпал такой же листок. Только почерк был другой, твердый и каллиграфически идеальный, да слов вместилось больше.

«Не волнуйся, любимая, отдохай, приду через час».

Санди немного посомневалась, нужно ли идти к напарнику сообщить ему последние новости, но все же раздумала. Любой человек имеет право на уединение, а темные маги – особенно.

Вместо этого направилась на кухню, большую, удобную и просто сияющую чистотой. Такой, какая может быть только у темных магов, готовящих свои любимые блюда заклинаниями. Но сейчас Санди не хотелось разогревать жаркое или блинчики, не хотелось и холодных закусок или мороженого.

Душа требовала чего-то любимого, но давно забытого, имеющего только одно неоспоримое достоинство – возвращать покой и умиротворение. Оглядев полки с продуктами, знахарка первым делом набрала трав и листьев, насыпала в фарфоровый чайник и в ожидании кипятка отодвинула в сторонку. А сама тем временем споро замесила простое тесто на сметане и поставила греться масло в высоком сотейнике. К тому моменту как в кухне запахло раскаленным жиром, у нее были готовы тонко раскатанные полоски теста, слегка перекрученные самыми разнообразными способами.

Бросить несколько штук в сотейник, через пять секунд перевернуть шумовкой и, подождав еще чуток, быстро вытащить золотисто-румяные, пышные и хрустящие, рассыпчатые печенья. Всего пять минут – и на блюде выросла душистая горка, которую осталось только щедро посыпать

сахарной пудрой. К этому времени из чайника по всей кухне расплылся аромат душицы и ромашки, листьев барбариса и мяты.

Санди успела неторопливо, смакуя, съесть несколько печений, выпить чашку отвара и налить вторую, когда дверь распахнулась и на кухню ворвался глава гильдии. В мгновение ока добрался до жены, нежно, но настойчиво вынул из ее пальцев чашку, опустошил в три глотка и, небрежно отставив в сторону, потянул в объятия изумленно наблюдающую за ним знахарку.

Осыпал ее неспешными, нежными поцелуями, жарко шепнул:

– Соскучился... – и открыл портал.

Рассмотреть, куда они попали, Санди не сумела, не до того было. Как живая ползла с тела одежда, сами мягко расстегивались крючки и пуговицы, осыпались украшения и шпильки. Однако раздевая она себя не ощутила ни на миг, надежно завернутая в горячий шелк объятий и все смелеющих жарких поцелуев, заставлявших забыть обо всем, кроме застарелой неутоленной жажды тепла и ласки.

– Лапушка... – шептал потом муж, – счастье мое заплутавшее... я никогда не собирался признаваться... но сегодня понял... ты должна это знать. Не было около твоей избушки никаких грибных и земляничных полей, когда я нашел тебя той выюжной зимой. И мужичка, привезшего воз дров за горшочек мази, тоже не было. Да и обоз завернул к тебе не по своей воле. Прости, но смотреть, как моя любимая, но упрямая травница экономит сахар, насыпая во отвар только ложечку, и спит на кухне, чтобы не топить печь в спальне, я не мог.

– А зачем вообще смотрел? – возмутилась Санди, припоминая, что он еще мог там увидеть.

– Проклинал себя за слабость, но не приглядывать хоть одним глазком так и не смог, – признался Эгрис, пряча лицо в ее растрепавшихся волосах. – Пойми... я не пережил бы, если с тобой что-то случилось. И потому направил к тебе Джара. А после каждый день сгорал от ревности, хотя он и дал клятву. Но сама знаешь, если молния любви ударит в темного мага, ему нипочем любые клятвы.

– Эгри... – Женщина вцепилась в любимого, со всех сил прижала к себе, только теперь сполна осознав, сколько мук он перенес за эти годы.

Ничуть не меньше, чем она, а может, и больше, ведь осознавал свою вину.

– Лапушка... – снова осыпал он поцелуями любимую, прерываясь лишь за тем, чтобы шептать, – об одном молю... никогда не сбегай... я ведь человек... и могу ошибаться... но никогда тебя не предаю.

– Эгри, – припомнила она, когда муж тихо засопел, засыпая, – а как же Леаттия?

– Прости... – потряс он головой, прогоняя сон, – ночь не спал... С ней все хорошо, но объяснять подробнее тебе одной будет несправедливо по отношению к Арвису. Давай выпьем бодрящего зелья и вернемся в Давр?

– Хорошо, – с несвойственной ей прежде безропотностью согласилась Санди. – А сколько у нас есть времени?

– Примерно два часа, – глянул Эгрис на светлый циферблат висевшего в ногах кровати магического хронометра.

– Тогда еще один вопрос – где мы?

– Дома, в Гайртоне, – расплылся в счастливой улыбке магистр, и Ирсана не удержалась от ответной смущенной усмешки.

Долго же он вел ее в дом, порог которого юная магиня когда-то поклялась не переступать.

– Лапушка, – сразу встревожился Эгрис, – это совершенно другой дом. Тот я продал и построил новый, более просторный и с двумя башнями. Ты ведь захочешь варить какие-нибудь зелья.

И вот эта давно построенная башня, вернее, твердая убежденность, что у любимой должна быть собственная лаборатория, окончательно растопила и без того подтаявший комок горького льда, когда-то засевшего в ее сердце. Санди всхлипнула и поспешила запрокинуть голову, чтобы не позволить предательской влаге вырваться наружу, но растаявший лед уже прорвал годами укреплявшуюся плотину, и слезы ринулись ручьем, смывая все попытки их удержать.

Пытаясь успокоить жену, Эгрис подхватил ее на руки, заметался по комнате, на миг усадил, налил воды и заставил выпить, потом снова схватил и зачем-то потащил в умывальню. Вместе с ней плюхнулся в наполненный водой бассейн и, тихо рыча от досады на самого себя, все смывал и смывал с любимого лица свидетельство горя, которое она вынесла по его вине.

– Ну хватит... – наконец сумела выговорить Санди, поймала руку любимого и слизнула с его ладони пахнущую травами воду. – Мы вроде бы чай пить хотели?

Эгрис ничего сейчас не хотел, но готов был пить чай или не любимый им кислючий харказский молочный напиток, да хоть что угодно, лишь бы она больше никогда так не плакала.

Вскоре они в самом деле сидели в столовой и пили горячий душистый чай с медом и лимоном, с разнообразными сладостями и пирожными. И суровый глава гильдии таял от сказочного, неведомого прежде счастья,

купаясь в волнах тепла и нежности, которые дарили ему сияющие глаза жены.

– Лапушка, – прежде чем открыть проход в Давр, осторожно спросил Эгрис, – меня мучат подозрения... скажи, ты не замечала... Арвис не поглядывает на нашу хранильницу как-то особенно?

– Не уверена, – задумалась она, – но точно знаю, что он изменил свое мнение о ней. Когда Джар ходил к ним в замок под личиной алхимика Белгосто, он считал ее самой заурядной девицей из тех, для кого все счастье заключается в том, чтобы удачно выйти замуж. Но ты же знаешь, как сильно в нем воспитание белых – молча делать все для других и ничем не выдавать собственных чувств.

– Вот и я сомневаюсь, – огорченно вздохнул глава, крепче прижал к себе жену и мгновенно перенес в гостиную своего овертонского дворца.

В доме, где могла бы свободно разместиться большая семья, куча слуг и полсотни гостей, властвовали никем не нарушаемая тишина и какое-то ощущение безлюдности. Слуг темные маги не любили, предпочитая готовить еду магией или заказывать у проверенных поваров, забывая до отказа кладовые любимыми блюдами, которые оставалось лишь разогреть шариком огня. И обычно из кухни доносились очень заманчивые ароматы, но не сегодня, хотя и близилось время обеда.

– Он здесь, – проверив неказистый браслет напарников, огорченно доложила Ирсана и устроилась в уголке дивана, готовясь слушать объяснения мужа, которые он явно неспроста отложил до этого момента.

– Сейчас вызову, – пообещал Эгрис, отправляя вестника, и удрученно вздохнул.

С темными магами всегда значительно труднее договариваться, чем с самым привередливым заказчиком из числа богатых снобов, хотя и с теми непросто. Но их он хотя бы может припугнуть или вообще отказаться от сделки, а с братьями, друзьями и учениками приходится проявлять недюжинное терпение и использовать способность к вызову доверия. Не особенно редкую, нужно признать, но для главы гильдии просто необходимую. И одновременно весьма неудобную, если о ней знают друзья.

Джар появился в дверях намного быстрее, чем ожидал Эгрис, и был одет так, словно немедленно отправлялся в морское путешествие. Светлые полотняные штаны, узкие сапоги и рубаху с распушенным воротом дополняла шляпа с полями, низко надвинутая на лоб. Через плечо был переброшен ремень дорожной сумки.

– Садись, – строже, чем намеревался минуту назад, предложил глава гильдии и, начиная понимать, насколько непростой предстоит разговор, проследил, как маг небрежно прошел к окну и шлепнулся в стоящее рядом с раскрытыми створками кресло.

Словно сообщая, что уйдет в тот же миг, как только разговор покажется ему неинтересным.

– Ну? – откинувшись на спинку и сдвинув этим движением шляпу почти на нос, холодно процедил Джар и нетерпеливо побарабанил по подлокотнику длинными пальцами.

– Разговор очень серьезный, – в который раз пожалев, что снова согласился взвалить на себя нелегкое бремя главы гильдии, сухо сообщил Эгрис. – И сначала я хочу рассказать вам о событиях, произошедших здесь ночью. Когда Арвис отправился развозить по домам девушек, а Ирсана ушла отдыхать, мы остались вдвоем с Вельтоном. Он хотел поговорить, и мы спокойно беседовали, но вдруг в комнату вошла Леаттия. Меня сильно насторожил ее вид, графиня была одета в охотничий костюм и сапожки, голова обмотана темным шарфом. И, разумеется, первая мысль, какая пришла в голову, – девушка на что-то обиделась или испугалась и собралась уйти. Кстати, Вельтон подумал то же самое и всячески старался стать незаметным, даже легкий отвод глаз на себя бросил на всякий случай. Однако она решительно направилась ко мне, и я попытался изобразить дурака. Улыбался, спрашивал, что случилось, куда она собралась, предложил чаю и даже пообещал, что скоро придет Санди. Я и в самом деле намеревался тебя позвать, – виновато глянул на жену магистр, – но она решительно отказалась. И в этот момент я впервые заметил, как резко изменились ее поведение и интонации. Перед нами стояла герцогиня Брафортская, которая была твердо уверена в своем праве распоряжаться. «Лучше Джара» – сказала она, и тут я растерялся, как самый последний ученик, не зная, что ответить. Не объяснять же девушке, что ее учитель впервые за последние месяцы решил ночку... хм, отдохнуть, и потому срочно вызвать его я никак не смогу.

Джар продолжал молчать, только пальцы, до этого расслабленно лежавшие на подлокотниках, с силой вцепились в тисненую кожу.

– Я попытался отвлечь ее от этой мысли, используя все обаяние, – с досадой вспоминая тот миг и свое смятение, хмуро усмехнулся глава темных магов, – почти на задних лапках танцевал, но она тем же королевским тоном осведомилась, можно ли доверять Вельтону. Разумеется, я поручился, и тогда она сообщила, что ей необходимо срочно попасть к источнику. А нам следует отправиться с ней, и неплохо бы взять

еще мага. Я заикнулся про Ирсану и получил твердый отказ. Ее Лайна ни в какую не хотела тревожить, и передо мной встал выбор, попытаться все же найти Джара или вызвать Бензора. И я послал вестника Бену, причем только по одной причине. У нас с ним давно выработан код, и если я отправляю условный сигнал, он точно знает, какие амулеты брать с собой. Он прибыл через пять минут в сфере, с саквояжем, полным артефактов, а мы за это время не узнали ровным счетом ничего нового. Она предпочла выпить чаю, так как не поужинала, и это решение укрепило меня в понимании, что хранительницу ведет вовсе не девичий каприз или обида.

– На что она могла обидеться? – холодно поинтересовался Джар.

– На все. На какую-нибудь мелочь или на любого из нас, – хмуро огрызнулся Эгрис. – На меня – за слишком рьяное вмешательство в ее судьбу, на тебя – за язвительность, которой ты специально изводил ее весь день, чтобы иметь повод оставить наедине с незнакомыми мужчинами. Мы ведь не могли ей объяснить, что выбор должен идти от сердца, а если рядом будет учитель, она невольно начнет оглядываться на него в ожидании подсказки. Могла рассердиться даже на Санди за какую-нибудь мелкую оговорку. У девиц в таком возрасте в голове мешанина из романтических сказок, детских страхов и неисполнимых желаний. Но не будем отвлекаться на предположения, позже все выяснилось. Мне осталось рассказать главное. Леаттия указала, куда лететь, и, как только мы оказались в сфере, я больше не мог думать ни о чем, кроме предстоящего испытания.

– А разве герцогский источник так далеко? – задумчиво пробормотала Санди.

– К нему трудно подобраться, необходимо снимать защиту Зелада, а сам он в это время обычно развлекает герцога и его гостей. Поэтому мы летели к закрытому источнику, затерянному в холмах восточных пустошей, и все больше убеждались, что хранительница каким-то образом общается с духом. Сначала она сообщила о проверке, которую он намерен устроить нам, и это оказался не самый приятный сюрприз. А едва мы подлетели ближе, твердо, словно бывала там не раз, указала направление. Она командовала настолько уверенным тоном, что даже мне не пришло в голову задавать вопросы. Как только мы выбрались из сферы, велела ее свернуть и первой побежала к холму. Там мне посчастливилось наблюдать самое невероятное зрелище из всех встречавшихся до этого дня. На вершине обычного невзрачного холмика внезапно поднялось пронизанное магией круглое строение, точная копия гайртонского алтаря источников. Едва мы туда ворвались, открылся портал и мгновенно перенес нас в Харказ, в крепость Даггера.

– Но ведь она не может ходить порталами, – озадаченно посмотрела на мужа Ирсана.

– Нашими – нет, – подтвердил Эгрис. – А для духа, судя по всему, запретов не существует. Кстати, первым делом он снял с нее все мои амулеты и обереги. Измененную алхимическими зельями внешность тоже исправил, теперь она снова стала сама собой. Как мне думается, ему чем-то мешают все чуждые заклинания, даже самые безобидные. Но об этом разговаривать было некогда. Как только мы оказались возле алтаря закрытого источника, Леаттия открыла суть задания. Оказывается, этот сумасшедший негодяй Даггер собрал в своих подвалах почти полсотни одаренных, травниц, ведьм и с десятков совсем юных девчонок, намереваясь ценой их жизней с помощью ритуала открыть иссякший источник. Духу это не понравилось, и он решил вмешаться. А нам предложил ответить на один вопрос, хотим ли мы помочь.

– Даже не сомневаюсь в вашем выборе, – кивнула магиня мужу и огорченно вздохнула: – Больше никогда не пойду спать раньше других.

– Разумеется, мы не могли остаться в стороне и в один голос сказали «открывай», так как дверей не было, – тихо продолжил он рассказ. – И Леаттия открыла... и выход, и источник. А потом полночи помогала поить бульоном и лекарством узников, они валялись посреди двора в цепях, полуголые, изможденные и избитые...

– А Даггер? – не выдержал Джар.

– С ним дух расправился сам. Осталась только одежда и горсть амулетов и драгоценностей... и еще двенадцать таких же кучек. Старшие ученики спали рядом, но у них больше нет никаких способностей.

– И как же вы втроем... – задумалась Санди, глянула в хмурое лицо мужа и все поняла.

Незачем вызывать подмогу из Давра, когда в Банлее, почти на границе с Харказом, стоит большая старинная крепость Рахарг, доставшаяся темным магам за помощь деду нынешнего короля Тилиреда. И там под присмотром опытных магистров оттачивает свое мастерство пара десятков самых одаренных подмастерьев. Да и в самом Сорбейне живет несколько магов из тех, кто оттуда родом.

– Вызвали всех, кто поближе, – не желая ничьего сочувствия, сухо вато сообщил Эгрис. – Некоторые женщины были очень плохи, а среди нас сильных целителей не оказалось. Менее чем через полчаса прибыли две сферы с помощью, а мы пошли в дом, чистить от ловушек и проклятий верхние этажи и разбираться с каверзной защитой. Часа через два целители закончили работу, оставили дежурных и боевиков и собрались домой, и я

отправил с этой сферой и хранительницу. Разумеется, не одну, а под присмотром Вельтона. Лайна всех, кто прошел проверку духа, считает своими. Вель должен был доставить ее сюда, вернуть сферу Бензору и уйти в Гайртон порталом. Но добраться до дома Бена он не успел. Получил сигнал тревожного вестника, который подарил ей на всякий случай, и вернулся. Как только ты прислала мне сообщение, я написал ему письмо и сразу получил ответ. Они летят в Гайртон и будут там минут через пятнадцать. Мне кажется, нам следует их встретить.

– Ну и встречайте, – буркнул Джарвис и попытался открыть портал, но обнаружил, что накрепко привязан к дому невидимой ловчей паутиной. – Эгрис! Отпусти меня немедленно!

– Магистр Арвилес Легерро! – поднявшись, замер напротив него глава гильдии. – Властью, которую ты дал мне наравне с собратьями и добровольно обязался признавать, я запрещаю тебе отказываться от ученицы.

– Магистр Эгрис Дуарис Тагорно! – больше не пытаюсь подняться, рыкнул в ответ Джарвис. – Поясни при свидетеле, когда я говорил про отказ?

– А куда тогда ты направился, если идти в Гайртон лучше со мной? У меня энергии хватит еще на два перехода!

– Туда, где тебя нет, – невежливо буркнул Джар. – Потому что я темный маг и не люблю жить в чужих домах.

– Этот дом, – преувеличенно оскорбился Эгрис, – только записан на меня, а принадлежит гильдии, и все это знают! И тут хватит места десятку магов, даже если они не хотят ни с кем встречаться. Именно для этого с каждой стороны дома сделаны отдельные выходы, целых восемь штук вместе с центральным!

– Но Бензор почему-то купил себе собственную усадьбу, – бурчал Арвис, не замечая ехидной ухмылки главы гильдии, сразу раскусившего его уловку.

– Бензор купил дом за городом лишь потому, что именно там когда-то прошло его детство, – укоризненно сообщил Эгрис, вздохнул и мягко добавил: – А энергию ты тратишь зря. Мои сети привязаны к шкатулке с накопителями, и там намного больше магии, чем в твоём резерве. И поверь, я никогда бы так не поступил, если бы не был уверен в своей правоте. Леаттия – самое ценное сокровище, доставшееся гильдии за последние сто лет, и тебе она верит больше всех. Ну пойми ты, девочка и так пережила за год столько тяжелых потерь, нельзя же испытывать ее бесконечно. Я тоже не горю особым желанием идти в гости к Вельтону, но ради всех тех

истерзанных женщин и вздрагивающих от ужаса детей, которых мы ночью мыли прямо на камнях двора и заворачивали в воздушные сети, чтобы не причинить новой боли, я готов на коленях стоять перед ней и просить прощения. За все, чего даже не помышлял совершать...

Он сердито стиснул зубы и отвернулся, злясь на Джара за то, что пришлось объясняться, как мальчишке. И тут же почувствовал, как к спине на миг прижалось теплое тело жены и крепкие руки подтолкнули его к двери.

– Не обижайся на мои слова, любимый, – заявила она, уведя мужа в соседнюю комнату и позволив обнять себя так, как ему нравилось, – но с ним нужно по-другому. А тобой я горжусь. Немного найдется среди темных магов смельчаков, готовых ради дружбы открыто рассказать про свои ошибки и сомнения. Хотя лично я у тебя ни одного серьезного промаха не вижу. По себе знаю, когда вдруг оказываешься в совершенно незнакомой ситуации, просто невозможно всего предусмотреть и предупредить случайные недоразумения и чужие обиды. Со стороны судить легко, когда все уже закончилось и можно спокойно подумать о друзьях и семьях. А у вас и мига не было на рассуждения, только выбор – шагнуть наугад и получить доверие духа или остаться и всю жизнь чувствовать себя трусами. И думаю, немногие выбрали бы проверку, не зная, чем она закончится. А теперь выполни мою просьбу, посиди тут пять минут, я сама поговорю с Джаром. Все же не один год напарники, успела изучить характер.

– Ты стала мудрой, любимая, – печально вздохнул Эгрис и нехотя отпустил ее из объятий. – Иди. Но сеть пока не сниму, иначе он из простого упрямства удерет. И не забудь, времени осталось мало.

В гостиную Санди шла как на плаху, хотя и знала, что другого способа распутать узел непонимания, вдруг затянувшийся смертельной петлей, у них нет. Можно лишь, как гнойный нарыв, прокалив нож, проткнуть и выдавить грязь вместе со слезами и стонами. И лишь потом, обложив тряпицами, пропитанными целебным бальзамом, испытать невероятное облегчение.

Джар сидел, расслабленно опустив руки, и не мог не слышать шагов, но и не подумал поднять с глаз шляпу и взглянуть, кто пришел. Знахарка налила в стакан воды, капнула ромашковой настойки и медленно выпила, потом сделала вторую порцию, присела на соседнее кресло и тяжело вздохнула, ясно осознавая, как нелегка взятая ею на себя миссия.

– Ну что ты пыхтишь, как ежик? – не выдержал Джар и резко сбросил шляпу. – Что в стакане?

– Ромашковый настой, – кротко ответила травница.

– Давай. – Он одним махом проглотил зелье, посидел, задумчиво глядя в никуда, затем язвительно усмехнулся: – Вот за что я тебя люблю – ты никогда не лукавишь и не обманываешь. Но слишком оправдываешь своего мужа.

– Зеленый ты еще рассуждать о таких вещах, – радуясь, что напарник заговорил таким тоном, шуточно огрызнулась Санди. – А его я не оправдываю, он не преступник. Просто стараюсь понять, хоть на миг встать на его место и мысленно пройти его тропой. И теперь твердо убеждена: все те, кто не считает нужным понимать своих любимых, а намерен гнуть их под себя, никогда не будут счастливы по-настоящему.

– Во-первых, ты забыла, что моложе меня на два года. Во-вторых, до понимания этой истины созрела лишь недавно. И зови уже сюда своего мужа, пока он не позеленел от ревности. Разговаривать я буду только на равных.

– Если я за четыре года зеленым не стал, то теперь уж точно не буду, – входя в комнату, проворчал Эгрис. – И раз уж начали этот разговор, то хочу сказать, что давно считаю тебя родственником, других у меня, к сожалению, нет.

– Ошибаешься, – лукаво улыбнулась Ирсана. – Теперь у тебя есть тесть, теща и полный набор остальных родичей. И сегодня вечером я намеревалась показать им мужа.

– Что, серьезно? – неподдельно растерялся глава гильдии, вызвав понимающие усмешки на лицах напарников. – Или ты так мстишь?

– Я вообще женщина не мстительная, – не выдержав, обняла его магиня, – но традиции нужно чтить. После – хочешь дружи с ними, хочешь просто посылай подарки по большим праздникам, на твое усмотрение. Но первое знакомство обязательно, и как можно скорее. Мы и так с ним немного запоздали. Представь, что почувствуешь ты сам, когда подрастет дочь, заявится однажды домой и сообщит, что три дня назад вышла замуж.

– Убью, – помрачнев, прошипел ее муж. – Не знаю кого, но прибью непременно.

– Сначала меня отпусти, убийца, – буркнул Джар, пряча смех.

– Да сеть давно растаяла, я пошутил насчет кристаллов, это шкатулка с пустыми, – еще сердито сверкая глазами, признался верховный магистр и мрачно предложил: – Давай бей уже, ради праздника я все стерплю.

– По-твоему, я резко поглупел или от весны шалею? – вставая с кресла, едко усмехнулся Арвис. – Не беспокойся, все я понимаю. И отлично знаю: когда появляется срочное дело, ни один нормальный темный маг не станет

беспокоиться, надуется там кто-то или нет. Хотя и обидно... но злюсь лишь на самого себя. Я ведь вернулся, еще когда вы с Велем вино пили, просто прошел мимо. Спать хотелось, а не выслушивать его жалобы. А сейчас открывай портал, дома договорим.

Глава двадцать вторая

В Гайртоне портал привел их в дом Эгриса, в кабинет на втором этаже, предназначенный для деловых визитов. Большинство из гостей магистра дальше этой комнаты не попадало. Для тех, кто еще не умел приходить порталом и управлять сферой, на первом этаже имелся другой кабинет, и входная дверь в него вела прямо из прихожей. Соединялись кабинеты небольшой винтовой лестницей, искусно спрятанной за книжным стеллажом. Джар отлично знал этот секрет, но даже не подумал бежать вниз.

И вообще никуда бежать не собирался, пока не посмотрит на все своими глазами. Сел на неудобный стул, красноречиво намекавший посетителям своим жестким сиденьем, что засиживаться здесь не положено, и устался на главу гильдии, уже снявшего колпак с обзорного шара и набравшего код кабинета Вельтона.

– ...ты же из деревни? Объясни мне, что будет с мускусным утенком, если посадить его в лужу?

– Сдохнет, че, – обреченно буркнул кто-то в ответ ломающимся баском.

– А если взрослую утку туда пустить?

– Ниче не будет, она ж в пере.

– Верно замечено, – съязвил Вельтон, и Джар наконец увидел собрата, сидящего перед столом, заваленным какими-то травами. – Тогда ответь, что будет с новорожденным теленком, если его пустят в стадо?

– Ниче не будет, – пренебрежительно фыркнул подросток. – Какой дурак до этого додумается?

– Ну, допустим, появился человек, у которого до этого не было коров с телятами, и купил себе такое... счастье.

– Ну соседи же ему скажут! – свысока смотрел на учителя парнишка.

– И он послушается? – слишком восхищенно поразился маг.

– Ну да, – помрачнел ученик, явно заподозрив в этом деланом восторге какой-то подвох.

– Так почему тогда ты, – голос Вельтона зазвенел от возмущения, – попав в город магов, не слушаешь ничьих советов и не выполняешь простейших правил? Сегодня я буду просить главу гильдии, чтобы тебя забрали в лягушатник на месяц или два, пока не заучишь как слово «мама», что в домах магов ничего нельзя брать без разрешения! Особенно в башне!

– Я ее там не вижу, – закрыв шар, хмуро сообщил Эгрис и достал почтовый пенальчик. – Придется звать его сюда.

Отправил письмо, сел рядом с женой на маленький деревянный диванчик и незаметно поморщился.

Однако, припомнив, для чего тут такая мебель, менять ничего не стал, им здесь долго сидеть не придется.

– Может, сразу перейдем в гостиную? – словно угадала его мысли Санди, но договорить не успела.

На балкончике появился сердитый и встрепанный Вельтон.

– Все тут? – хмыкнул, мельком оглядев присутствующих, прошел к столу, не обращая никакого внимания на жест хозяина, приглашающий сесть, и заявил: – Я, конечно, скажу вам, где Леаттия, но сначала хочу услышать, чем можно было так обидеть сияющую от восторга девушку, чтобы через три минуты она заливалась горькими слезами? Или мы теперь, как черные маги, начнем воспитывать в учениках страх и беспрекословное почитание учителей? А вы не задумались, куда потом будем девать темных магов с рабскими душами?

– С какой стати тебя волнуют ее слезы? – нахмурился Эгрис, покосившись на закаменевшее лицо друга.

– Забыл? – изумленно поднял бровь Вельтон. – А разве не ты пригласил меня познакомиться с племянницей? С далеко идущими намерениями, между прочим? Вот я и ухаживаю... Она пока не против.

– Об этом поговорим позднее, – сухо отрезал Эгрис. – Сейчас я хочу знать, зачем ты ее спрятал?

– Хорошая идея, – одобрительно кивнул Вельтон, достал из воздуха подушку, бросил на стул и сел, явно не собираясь отвечать на вопрос однозначно. – Но немного запоздала, нужно было подать ее мне ночью, когда велел доставить хранильницу в Давр и просил обращаться с ней как можно деликатнее. «Девочка устала, переволновалась, она ведь впервые исполняет пожелания своего духа. Да и насмотрелась на жертв... зрелище даже для меня было тяжелым...» – Я ничего не пропустил?

– Нет, – проскрежетал Эгрис. – Но спрашивал я не о том.

– А я хочу поговорить именно об этом. Если мне позволили ухаживать за твоей «племянницей», провожать ее и заботиться, значит, рассматривали меня как возможного жениха. И я решил попытаться, поэтому не могу не волноваться, когда застаю свою почти невесту в слезах. Для чего тогда нужны женщинам женихи и просто поклонники, если не защищать и оберегать? Как всем известно, только черным отшельникам важнее всего их собственные желания, до чувств женщин им нет никакого дела.

– Вельтон! Ты не все знаешь и потому ошибаешься. – Ледяным взглядом главы гильдии можно было птиц на лету замораживать. – И я последний раз требую ответить мне на простой вопрос – где Лайна?

– Не знаю такой, – нагло ухмыльнулся маг. – А вот графиня Леаттия Брафорт сейчас спит. Но прежде чем сказать тебе, где именно, я должен передать ее слова: «Скажи ему, что я решила пожить здесь и гостей пока не зову, не за тем я вступала в гильдию, чтобы меня всюду водили на цепочке, как диковинную зверушку».

– Где она это сказала?

– В домике на перевале Тезграу.

– Откуда ты знаешь, что она спит? – вмешалась в разговор Санди. – Если девушка обижена, она может решиться на любое безрассудство.

– Ну я же не белый маг, – словно невзначай кольнул Вельтон, – и не новичок. Разумеется, я оставил следящее заклинание, и пять минут назад убедился, что она спокойно спит в своей спальне. Но если вы мне не верите, можете убедиться сами.

– Я тебе верю, – заявил Эгрис, – но оставить ее без присмотра не могу, извини. Мне внуки не простят, если с ней что-нибудь случится.

– Ну, до внуков... – еще бурчал маг, а сам уже стоял возле малого шара, предназначенного для таких случаев.

Привычно вставил на место напоенный силой камень, нашел по своему маячку бывшую охотничью заимку, призвал висящую в укромном уголке следилку и провел ее сквозь стены в спальню на втором этаже. Окна были небрежно занавешены, и в комнатке властвовал полумрак, но все склонившиеся над шаром маги отлично рассмотрели спокойное лицо мирно спящей графини.

– Хватит! – резко прервал связь со следилкой Вельтон. – Энергии у меня было маловато, я уходил порталом.

– Значит, ты здесь уже больше часа? – мгновенно подсчитал глава гильдии. – Почему не написал?

– Ждал, – нахально ухмыльнулся тот. – Если бы я написал, то высказать вам все в лицо мне бы не удалось.

– Я домой, – тихо процедил Джар и исчез, даже не встав со стула.

– Что он тебе сделал плохого? – вздохнула Ирсана, укоризненно глядя на Веля.

– Пока ничего, – с неожиданной печалью ответил тот, очень внимательно вглядываясь в хмурое лицо магистра, которого хорошо изучил за последние годы и хотел бы называть другом. Тайком вздохнул и строго, почти жестко заявил: – Просто я успел понять, сколько неприятностей и

боли могу получить, если не ударю первым.

– Что? – нахмурился глава, поерзал на жестком сиденье и предложил: – Пойдем в гостиную?

Отказываться никто не стал, и через минуту, удобно устроившись в мягком кресле возле столика, на котором стояло огромное блюдо с фруктами, Эгрис требовательно уставился на гостя.

– Вы частенько забываете, – ухватив кисть прозрачно-розовых винных ягод, усмехнулся Вель, – где мы учились использовать магию.

– Я прекрасно помню, что ты ушел от черного, а Джар – от белых, – сухо сообщил глава гильдии.

– Но не учитываешь одной мелочи. Хотя мы давно приняли ваши законы и следуем вашим правилам, в чем-то всегда остаемся мальчишками. И в отношении к вещам, событиям и людям сначала следуем тем правилам, которые вбиты в нас первыми учителями, и только чуть позже начинаем действовать как темные маги. Вот посмотри на моего ученика, он самый старший в довольно бедной семье. И привык точно знать, что, сколько и где лежит в доме. Его тревожит все непроверенное и неподсчитанное, потому что он приучен все держать под присмотром, в большой семье иначе нельзя. Иначе один съест весь сахар, а второй рассыплет соль или муку. И в лягушатнике его хвалили, потому что там нет лаборатории с ядами и кислотами. А я мучаюсь, хотя и привык, на минуту выйдя из башни, активировать все ловушки. Но самые простые из них он уже научился разряжать.

– Скажи Бензору, чтобы дал тебе артефакт с големом, – мгновенно решил проблему Эгрис, – и переходи уже ближе к делу.

– Подожди, я, кажется, поняла... – нахмурилась Санди. – Ты хочешь намекнуть, что черные маги всегда сами выбирают женщин, а у белых зачастую наоборот?!

– А вы не знали, как он женился в первый раз?

– Вот эта черта в тебе тоже от черных, – вздохнула магиня. – Запоминать о собратях по гильдии все, о чем узнаешь случайно, вплоть до несущественных мелочей.

– Потому что черные маги любят править и ради власти играют судьбами людей как им заблагорассудится. Но для этого мало заклинаний и зелий, нужно знать слабые места жертв, их желания и многое другое. – Вельтон мрачно ухмыльнулся и процедил сквозь зубы: – Потому я и сбежал, едва понял, что для мастера я не человек, а вещь. Но мы не обо мне.

– Знаю я про его жену, – нехотя буркнула Санди. – Позвала взрослая

женщина семнадцатилетнего парнишку помочь шкаф подвинуть... Там он и остался, пока из гильдии не выгнали.

– Вот! – с победным видом посмотрел на нее Вельтон. – Он жил у них почти семь лет и привык, что зачастую первыми делают шаг к сближению девушки. Нет, бывает и обоюдная любовь, но обычно мужчинам некогда ухаживать. Они целыми днями пашут как лошади, а садясь к столу поужинать, видят рядом принаряженную заботливую и веселую девицу. У них там по вечерам нередко праздники, хмельной мед, танцы... мы же люди взрослые, понимаем, к чему это приводит.

– Но Джар... – задумался глава и оглянулся на Санди: – А ведь я сомневался!

– Да? – ехидно фыркнул Вельтон. – А разве он не при тебе вчера в нее вцепился? Ты его лицо рассмотрел?

– Он тебя спасал! Ее защита может любого ошпарить как цыпленка!

– Если ты кого-то спасаешь, то первым делом хватаешь на руки нападающего? – Вель с наигранным изумлением уставился на Эгриса, и тот от досады стиснул зубы. – Мне казалось, в этом случае нужно было брать меня и уводить порталом хотя бы в соседнюю комнату. Короткие пути получаются мгновенными, это знают даже ученики.

– Вельтон, хватит! Ты прав, – не выдержала Ирсана, пересела ближе к мужу, обняла напряженные плечи. – Тут больше всех виновата я – недоглядела. Но теперь мы попытаемся все исправить, я сама пойду просить у нее прощения.

– За что? – Гость рассерженно бросил назад кисть, и прозрачные ягоды покатались во все стороны. – Ты-то в чем провинилась? С ума вы посходили, что ли, или это весна на всех так действует? Кстати, Леаттия тоже считает себя виновной, похоже, это заразно.

– Спасибо, Вель, – кивнула ему магиня. – Ты просто молодец, сумел увидеть самое главное. Мы как-то замотались за последнее время, жили в лачугах, всего опасались. Теперь будет по-другому.

– Моя жена права, – вынырнув из тяжких раздумий, твердо заявил глава гильдии, – я должен тебя за все поблагодарить. И о том, что дух тебя признал, тоже помню. Буду просить старших магистров выбрать тебя в совет. А к хранильнице больше не ходи, раз сам все сообразил.

– Спасибо за понимание и повышение, – вставая, очень учтиво раскланялся Вельтон, – но я обещал Леаттии ее навещать и изменять собственным словам не собираюсь.

Вернулся в кабинет и ушел порталом, провожаемый ошеломленным молчанием молодоженов.

– Вот же жук... черный, – возмущенно фыркнул Эгрис. – И попробуй угадай теперь, что у него на уме!

– Остается только ждать, – мягко погладила его по плечам Ирсана. – Решай, когда к ней пойдем.

– А мы вроде... – покосился на окно магистр, – к теще должны?

– Если сегодня не получится, к ним пойдем завтра, – спрятала огорченный вздох знахарка.

До сих пор она была у родителей, как говорят, гвоздем в туфле. Старший брат, имевший более сильный дар, стал целителем, имел свою клинику и солидных клиентов, младшая сестра, обладавшая способностью предсказателя погоды и магии воды, которые почти всегда сопутствуют, вышла замуж за небогатого, но очень достойного человека, третьего сына старинного баронского рода. У них было имение, куда очень любили приезжать в гости все остальные родичи. Кроме Ирсаны. Тяжело смотреть на чужое счастье и ловить на себе сочувствующие взгляды близких.

Которые теперь, несомненно, затаив дыхание ждали, подтвердятся ли слухи, разносившиеся по темной гильдии со скоростью магических писем.

– Нет, – тотчас принял решение Эгрис, – на ужин мы обязательно пойдем. А на перевал заглянем по пути – поставить защиту и занести продуктов и голема. Или лучше служанку, как ты думаешь?

– Думаю, слуг она может и не принять. Сочтет шпионами. А все остальное правильно, только отправиться туда лучше заранее и на сфере.

– Вельтон там оставил сферу, – напомнил глава. – А вот платье ей на всякий случай, если захочет пойти в гости с нами, нужно захватить. Да и у тебя нет здесь одежды... Вызовешь торговца или отправимся в Сорбейн? Там самые лучшие модистки.

– Сначала на перевал, – решила знахарка, – а потом посмотрим по обстоятельствам. И чем тебе не угодило это платье?

– Любимая, для меня ты лучше всех в любом наряде. И была всегда, даже когда ходила в старой юбке и косынке травницы. Но твоей матери наверняка захочется видеть тебя в этот день самой нарядной.

– Спасибо за то, что подумал о них, – благодарно коснулась щеки любимого Ирсана, – и обо мне. Насколько я успела изучить мужчин, одной половине все равно, в чем ходит жена, а остальные хотели бы, чтобы на праздниках она была невзрачнее всех, не дай боги, кто-то обратит внимание! Тогда пойдем на перевал. Раз там есть сфера, мы можем устроиться неподалеку от дома, хотя я и уверена, что про гостей она сказала в запале. Но сначала поговорим с Джаром.

– Его нет в Гайртоне, – мрачно сообщил Эгрис и нехотя признался: –

На вас стоят маячки, привязанные к моему амулету. Но учти! Это секрет! И Джару о нем пока говорить не стоит, знаешь ведь характер дагорца. Он почти сразу ушел куда-то далеко.

– Как куда-то? – охнула Санди. – На перевал, больше некуда.

– Ну и пусть немного погуляет, а мы пока сходим в Сорбейн.

– Нет, – заупрямилась его жена, – оставить напарника я не смогу. А платье выберу в Давре, там полный шкаф... не помнишь, кто их туда натаскал?

– Любимая, – Эгрис притянул жену на колени, крепче прижал и горько вздохнул ей в плечо, – мне до сих пор не верится, что ты больше никогда не уйдешь и не будешь вечерами зашивать дыры на старых тряпках.

– Ты думаешь, – растроганно засопела Санди, нежно глядя его непокорные русые пряди, – что у меня не хватило бы денег на новое платье? Просто нельзя было рисковать, я ведь изображала совсем слабую травницу.

– А я шел и покупал, – тихо выдохнул он, – и мечтал, как ты наденешь... А теперь их лучше раздать, большая часть вышла из моды.

– Ни за что никому не отдам и пояска, это все кусочки твоей любви и заботы, – решительно отказалась Санди и лукаво усмехнулась: – А кроме того, я давно поняла, что «писк моды» – это всего лишь писк наивных бабочек, летящих прямо в паутину жадных паучих. Это ведь хозяйки модных лавок и модистки в погоне за прибылью вдруг объявляют, что весной будет моден бирюзовый шелк, а осенью – кобальтовый бархат. И лишь редкие посвященные знают, с чего это вдруг подорожают ткани как раз такого цвета. Все просто – торговец от мануфактуры, пришедший из Харказа с большим обозом, привез шелка и парчу именно этих оттенков.

– Уговорила, – сдался Эгрис. – Идем на перевал. Но мне нужно полчаса – написать пару писем и распоряжений. А ты пока осмотри дом, если интересно.

– Лучше башню, – выбрала Санди. – Какая моя?

– С другой стороны дома. А моя – рядом с кабинетом, за стенкой, там потайная дверь. Потом я тебе покажу.

– Не нужно, я же потомственная темная магиня, а не деревенский пастушок, в котором вдруг проснулись способности, – насмешливо фыркнула знахарка, ускользая из его рук.

Глава двадцать третья

Невидимый, но внимательный собеседник доброжелательно и терпеливо разъяснял и рассказывал, отвечал на вопросы и угадывал невысказанное. Он был Леаттии давно знаком, хотя припомнить, кто именно разговаривал с ней таким порывающимся, полным внутренней силы голосом, она так и не смогла, пока не проснулась.

Зато потом, вспоминая необычайно отчетливый сон и намертво врезавшиеся в память пояснения, даже на миг не усомнилась в их реальности. Как и в том, кто смог, преодолев расстояние, дотянуться до ее разума и вложить в него новые распоряжения. Или скорее наставления, какие не успели или поостереглись выдать ей связанные клятвой родители.

Глянув на окно, за которым, теряя яркость красок и четкость теней, тихо угасал день, взамен обретая зыбкую расплывчатость ранних сумерек, девушка заторопилась. Нужно было привести себя в порядок и выпить хоть чашку чая, прежде чем вызывать Вельтона. Хотя она с большим удовольствием позвала бы Санди, но та не догадалась выдать подопечной своего вестника. Считала, что и без этого всегда сможет оказаться рядом, или не умела такие делать, теперь выяснять поздно.

Выбрав в шкафу одно из лучших платьев, Леаттия переоделась, свернула скрученные жгутом волосы в узел, единственную прическу, которую за последний год она научилась быстро делать сама, и направилась на кухню. Лучи угасающего солнца светили прямо в окна комнаты, служившей одновременно и столовой, и сразу захотелось распахнуть их настежь, такое мягкое, светлое очарование сквозило в каждом замершем перед сном кустике.

Вместе со свежим воздухом и ароматом первоцветов донесся запах дыма и жареного мяса, заставив Леа на миг насторожиться, недоумевая, откуда он мог тут взяться. Но почти сразу припомнила недавние пояснения, поглубже вдохнула и уверенно направилась к выходу.

С крыльца открывался ошеломляющий вид, и девушка ненадолго замерла, разглядывая четко врезанные в розовое небо острые вершины гор, пышные облака, румяные, как крем на малиновом торте, и светлую струйку дымка, текущую вверх за ближайшим поворотом тропки.

Утром она спросила Вельтона, куда ведет эта дорожка, и он, усмехнувшись, сказал, что теперь – никуда. И пояснил: после того как домик купила гильдия, в лиге отсюда случился оползень, унесший большой

кусоч тропы, и теперь даже самому отчаянному охотнику не придет в голову прийти сюда на ночлег. «Значит, это могут быть только маги», – невесело усмехнулась Леаттия, подхватила подол и решительно направилась в ту сторону.

Не имеет никакого значения, что несколько лет она жила в клетке и потому, несмотря на неплохое образование, не знает самых обыденных вещей. Не обладает даже каплей опыта в политических, финансовых и любовных делах, не умеет кокетничать, флиртовать и не может разгадать смысла многозначительных взглядов и улыбок.

Зато с каждым днем все чаще вспоминает слова родителей и отчетливее понимает, насколько тяжкий и ответственный груз лег на ее плечи после их ухода. И все яснее осознает, что никогда не сможет жить так, как живут сотни девушек ее возраста, думая только о новом платье к балу да о том, кто пригласит ее на танец, хотя где-то в глубине души им чуточку завидует. Но уже идет своей, особенной тропой, которую выбрали для нее когда-то очень давно удивительные существа, навсегда покинувшие этот мир.

Хранительница спокойно брела к костру, обдумывая, какие слова лучше сказать своим спасителям, и с огорчением понимала, как непросто будет просить прощения, хотя она и признаёт свою вину. И почти придумала, с чего начать, как из-за кустов торопливо выскочила Санди, непривычно нарядная и с роскошной прической, и бросилась к подопечной:

– Как хорошо, что ты проснулась! Мы с Эгрисом идем сдаваться моим родителям, и опаздывать неприлично. Поедешь с нами?

– А Джар? – Отказаться от своего нелегкого решения Леа не могла.

– Тоже с нами, дремлет в сфере.

– Уже не дремлю. – Синие глаза появившегося рядом с напарницей мага в упор смотрели на хранительницу. – Элайна, я тебя обидел...

– Нет! – не дала ему договорить Леа. – Не нужно брать на себя мою вину. Я уже не наивная девчонка, какой была еще два месяца назад, и даже не та испуганная беглянка, которую ты прятал в ящике для рыбы. И хорошо знаю, что твоей вины в случившемся нет. К тому времени как Вельтон привез меня в Давр, я успела отдохнуть и успокоиться и не должна была давать волю своим детским обидам.

– Спасибо, – хмуро усмехнулся ее наставник и твердо заявил: – Я ценю твое благородство, но сейчас ты очень убедительно доказала мою вину. Это я как учитель должен знать все происходящее с моей ученицей и помогать ей в трудную минуту, а не оскорбляться, что меня оставили дома. Поэтому прошу прощения и предлагаю отправиться в гости, поддержать

молодоженов. У Ирсаны много родственников, и отбиться от них вдвоем будет нелегко.

Он махнул рукой, и кусты расступились, открывая незаметную тропку к сфере, спрятанной под причудливо изогнувшейся сосной.

– Конечно, – глянув в ожидающие глаза знахарки, кивнула Леа и подала учителю руку. – А Эгрис где?

– Ждет нас внутри, – пояснила Санди, оглянувшись и лукаво шепнула – И тоже считает себя самым виноватым. Темные маги не любят, когда за ними следят, вот он и не стал предлагать Джару булавку с маячком. Тогда бы знал, что Арвис давно вернулся домой и был в своей комнате. Как и я, между прочим.

– Это я не разрешила тебя будить, – серьезно глянула на травницу ее подопечная. – Извини. Дух предупредил, что, возможно, придется воевать с Даггером и его учениками, и потому нужно звать только самых сильных магов.

– Да я не в обиде, – отмахнулась Санди. – Просто все прошли проверку... ну и ладно.

– Не стоит об этом волноваться, – ободряюще улыбнулась ей хранительница и, не выдержав, намекнула: – Дух дал мне новое задание, и на него мы пойдем все вместе.

Усадив Леаттию в сферу, маги заскочили внутрь так быстро и ловко, словно удирали от врагов или, наоборот, спешили кому-то на помощь. Видимо, решили, будто к духу придется идти прямо сейчас, сообразила хранительница, досадуя на себя. Не нужно было говорить о делах заранее, невольно вводя магов в заблуждение.

Хотя их готовность немедленно отправиться навстречу испытаниям и опасностям согрела ей сердце, и на душе стало как-то по-праздничному светло. И пусть они делают это не ради самой Леа или помощи духу, в большей степени маги стараются для родной гильдии. Но такая осознанная самоотверженность не может не вызывать искреннего уважения и признательности.

– Я хочу еще раз сказать всем вам большое спасибо, – произнесла графиня, сообразив, что благодарности много не бывает и это пока единственное, чем она может отплатить спасителям за все сделанное. – И желаю, чтобы вы знали: несмотря ни на что, сама я тоже выбрала бы для себя именно этот путь спасения.

– Но другого не было, – еще грустно усмехался Эгрис, а в его взгляде уже зажглось сомнение, быстро переходящее в понимание. – Или... все же был?

– Был, – нехотя призналась Леа, вовсе не желая передавать им пояснения духа.

Но все яснее понимая – теперь уже промолчать не удастся. У спасителей и так горел в глазах огонек предвкушения, а теперь и вовсе разгорается пожар любознательности.

– Мы ничего лучшего не нашли, – честно признался Джар. – Портал, как теперь выяснилось, не сработал бы. И графиня Расельена другого способа не знала.

– Знала, – помрачнела Леаттия. – Но матушка боялась, что Кайор придумает какую-нибудь хитрость. Он очень изобретателен... вернее, его сообщник. Потому и выбрала самый ненадежный план – откуда ей было знать, что я могу внезапно прозреть?

– И какой же был выход? – не выдержав, оглянулся Эгрис, выводивший сферу из лабиринта ущелий и скал.

– А что вы там жарили? – вспомнила Леаттия аппетитный запах, и горящие любопытством взоры спутников тотчас разочарованно померкли. – Я объясню... но есть хочется.

– Корзинка под сиденьем, – заторопилась Санди. – Ты нас извини. Просто мы уже наелись, а нас еще угощать сегодня будут. Вот мясо, приправы, овощи и хлебцы.

Мисочки с едой, которые она расставляла по столику, и в самом деле не выглядели нетронутыми. Леа внезапно припомнила, из-за кого они не вошли в дом, а жевали мясо, сидя вокруг костра, и начала краснеть. За последние пять лет, с тех пор как проклятый Кайор навязал ей свой браслет, Леа еще никогда не бывало так стыдно за собственный поступок. Просто потому, что никаких весомых причин убежать и ссориться с ними, да и просто плакать, у нее не было.

– Ешь, – сунула ей в руку вилку Санди. – А я пока расскажу тебе про свою семью. Все они темные маги, родители, их братья и дети, кроме зятя и двух тетушек. И все хорошие люди, насколько это применимо к темным магам. Но я встречалась с ними очень редко, не было желания, потом времени. Поэтому не удивляйся, если кто-то начнет меня упрекать в невнимании, это заслуженно.

– Ничего подобного, – тихо, но веско рыкнул Эгрис. – Никакого права тебя поучать они не имеют. И, надеюсь, не станут испытывать мою доброту.

– Не вздумай! – всерьез встревожилась магиня. – Лучше просто помалкивай, я давно научилась переводить все в шутку.

– Шутница, – горько усмехнулся магистр и поспешил отвернуться, на несколько минут забыв про всех.

Сидящий рядом с ним Джар тоже смотрел вперед, задумавшись о чем-то своем, и Леа, поспешно прожевав несколько остывших кусочков мяса и запив кисло-сладким взваром, решила наконец открыть спутникам свой секрет. Не весь, разумеется, – насколько она знает, такие вещи лучше сообщать не сразу, а понемногу.

– Всем в Брафортском герцогстве известна незыблемая традиция сыновей и дочерей нашего рода, – отодвинув миску, тихо проговорила она, – вступать в священный союз перед алтарем главного источника, расположенного в подвалах герцогского замка. Но лишь хранители знали почему. Дух не допустит в семью недостойных, лживых и алчных. С теми, кто не прошел проверку, могло случиться все что угодно, в зависимости от величины их проступка. И теперь дух считает, что я могла спокойно дожждаться свадьбы и войти с Манрехом в святилище. Оттуда он бы не вышел, так много сделал за жизнь зла. А я бы получила незаконно занятый его предками трон. Мои родители, несомненно, помнили об этом испытании, но боялись, что Кайор не пожелает заходить в алтарное хранилище. Слишком много наших тайн стало ему известно в последнее время. К тому же, вскоре после того как Кайоры заняли замок, они перестали пускать к алтарю источника моих предков. С тех пор он иссяк, главный вход закрылся, и уже двести лет никто не может туда войти. Хотя хранители все же бывали там каждый раз, как кто-то женился или выходил замуж.

– Теперь я понимаю, как именно они это делали, – пробормотал Эгрис и оглянулся, – и полностью с тобой согласен. Когда дело касается Манреха, лучше не рисковать. Он откуда-то даже знал, какой браслет на тебя надеть. А что за дело нашел нам дух? Хотя бы намекни?

– Он считает, что развитие магических ремесел в нашем мире за последние столетия понемногу свернуло с верного пути. Когда-то, желая, чтобы наш мир не стал со временем выжженной пустыней, а жители – стадом озверевших нищих тварей, древние расы проделали неимоверно огромную работу. Вначале тщательно просчитали все запасы магии и предусмотрели любые случайности. А потом не один десяток лет работали не покладая рук, строя подземные резервуары и сеть источников, запирая энергию и выдавая ее ровно столько, чтобы людям на многие тысячелетия хватило на мирную жизнь и поддержание природы, тоже зависящей от магии. Именно поэтому они и увели отсюда всех магических существ, какими когда-то был богат наш мир. Русалок, водяных, дриад и прочих. Всех, кто тратил слишком много энергии.

– Темный лес! – ругнулся помрачневший глава гильдии. – Как жаль,

что мы не знали всего этого раньше. Вернее, намеки в старых книгах были, но их столько раз переписывали и каждый писарь непонятные ему места правил по своему разумению. Я сам недавно такое обнаружил, когда велел ученику выучить правило сохранения энергии. Через несколько дней я задал вопрос, и он начал нести несусветную чушь. Разумеется, я его отчитал, но парень упорно отстаивал свою правоту. И я понял, что ругаю не того, лишь когда увидел новенькую книжку, где все это было написано черным по белому. Пришлось переводить на другую работу писаря, имеющего очень четкий, аккуратный почерк и твердую уверенность, что он исправил найденную в старинной книге ошибку.

– И как именно дух собирается возвращать нас на путь истинный? – хмуро поинтересовался Джар.

– Сначала он должен поговорить с вами и с теми, кого уже проверил. С нами должны пойти Бензор, Вельтон и еще старшая целительница, которая приходила вчера ночью в крепость. Но я не помню ее имени.

– Миралина. Главный лекарь Рахарга, – тотчас подсказал Эгрис и пояснил: – Это наша крепость в Банлее.

– Вельтон мне это говорил. Ты сможешь ее позвать?

– Конечно. И когда нам нужно идти и куда?

– Завтра в полночь. В хранилище, расположенное во дворце герцога Овертонского.

После этих слов хранительницы в летящей на юг повозке повисло дружное молчание.

– Но... – наконец прервал его глава гильдии, – как мы теперь тебя туда проведем? Ведь герцогские соглядатаи мгновенно поднимут тревогу. Или можно снова изменить твою внешность?

– Только лицо, и без применения магии, – сообщила Леа и виновато улыбнулась.

Больше она не могла ничего сказать, и хотя это была лишь половина правды, вторую дух намерен был объявить добровольным помощникам сам.

Маги каким-то чутьем поняли, что сейчас лучше ее не расспрашивать, и занялись своими делами. Санди достала шкатулочку с пудрами и помадами и принялась за работу, а Джар взял на себя управление сферой. И прежде чем их повозка замерла на полянке возле ярко освещенного двухэтажного дома, Эгрис успел написать и отправить несколько писем.

– Где мы? – тихо шепнула Леаттия, с любопытством вглядываясь в мелькавшие в окнах тени.

– Это дом моих родителей, – как-то неуверенно пробормотала Санди,

сразу став лет на двадцать моложе, чем дала ей графиня, увидев в первый раз.

– Иди сюда! – Эгрис мигом оказался рядом с женой, ласково обнял, заглянул во встревоженные глаза. – Я сам все скажу, просто помалкивай и кивай.

– А мы пойдем первыми! – Выпрыгнувший из сферы Джарвис подхватил ученицу и поставил на короткостриженую травку. – Нас ругать не за что, да мы и не позволим. Ну и где хозяйева? О! Вон появились. И пирог тащат.

– Что с ним нужно делать? – заволновалась Леа.

– Нам – ничего. Это для молодоженов, проверка. Кто первый кусок ухватит, тот и будет главой семьи.

– А если Санди не хочет быть главой?

– Значит, немножко помедлит и позволит мужу отломить первому.

– Как хорошо, что ты все знаешь, – рассудительно вздохнула девушка, во все глаза рассматривая степенно шествующую им навстречу процессию. – Не забывай мне подсказывать. Я всегда боялась на подобных праздниках сделать что-нибудь не так.

– Тогда держись крепче за мой локоть и никому не позволяй себя украсть, – посоветовал учитель, пряча лукавую усмешку.

– Поняла, – шепнула она серьезно и на самом деле вцепилась в его руку, настороженно взирая на приостановившуюся перед ними компанию.

Все очень нарядные, но совершенно не так, как одевались на балы и приемы модницы ее родного герцогства. У здешних женщин не было гроздей украшений стоимостью в поместье, сверкающих бриллиантами на невероятно белых шеях и оголенных плечах знатных красавиц, не было и вычурных причесок, обильно перевитых жемчужными бусами и увенчанных алмазными диадемами. Зато платья и накидки поражали количеством тонкой вышивки и вкусом, с каким были подобраны узоры. А вместо простых драгоценностей каждая носила замысловатые амулеты, и теперь Леаттия даже не сомневалась, что таких нет ни у одной графини и даже герцогини. Потому что этим женщинам их делали мужья и отцы.

– Позвольте узнать, – чинно осведомился Джарвис, учтиво кивнув мужчине в строгом костюме с вышитым на плече знаком лекаря, – туда ли мы попали? Мы ищем родичей прекрасной невесты, которую мой друг уговорил разделить с ним остаток жизни, детей и внуков.

– Ну если вы скажете имя...

– Вчера ее звали Ирсана Кангери. А сегодня имя уже другое, но сказать его мы можем только ее родителям, – уверенно улыбнулся Джар.

– Видите ли, – шагнул вперед лекарь, – имя Ирсана Кангери нам знакомо. Однако родители у нее не так уж молоды – если им не понравится новое имя дочери, могут расстроиться, заболеть... Давайте сделаем так. Вы называете имя, мы советуемся и решаем, «радовать» родителей сейчас или немного позже.

– Видите ли, – очень похоже передразнил его Джар, – в том, что муж у Ирсаны самый лучший, я уверен. Но называть вам его имя не буду, первыми знакомиться с зятем должны его новые родители. Давайте сделаем так. Вы попытаетесь успокоить родителей и уговорить познакомиться с новым родичем, а мы пока немного отдохнем.

Он даже сделал вид, будто собирается вернуться в сферу, но тут в разговор вступила немолодая улыбчивая и бойкая родственница невесты:

– Не нужно спорить. Вы с дороги, да и мы как раз ужинать собирались... Пойдемте посидим за столом, выпьем по бокалу осеннего вина, закусим чем духи послали, да и решим, как поступить.

– За приглашение большое спасибо, но никуда мы не пойдем, – отказался маг, улыбаясь ей так широко, словно услышал самую радостную новость. – Солнце садится, а мы еще родичей невесты не нашли. Может, они вовсе и не здесь, мало ли похожих имен в королевствах.

– А что же ты все сам решаешь, жене своей и словечка сказать не дашь? – Мигом забыв про него, женщина все внимание перенесла на Леаттию: – Идем, с нами, милая, умоешься с дороги, выпьешь холодного взвару, попробуешь наши угощения.

Хранительница оторопела от такого предложения и запаниковала, не зная, как полагается отвечать в таких случаях. Однако Джар не дал ей и слова сказать.

– Во-первых, это моя ученица, – сурово рыкнул он, – а во-вторых, я темный маг. Думаю, больше ни у кого не будет вопросов?

– Не обижайтесь, гости незваные, – так же строго ответил стоящий посреди толпы мужчина средних лет, – мы вас не знаем, а представиться вы не хотите. Но если вы маги, то можете показать себя так, как положено по старинному закону. Ставьте купол, а мы посмотрим, на что вы способны.

– Нет! – тотчас сообразив, что может произойти, властно крикнула Леаттия и, с огорчением глянув на учителя, тише добавила: – Извини, но это невозможно. Не хочется испортить им весь праздник.

– Простите, дорогие хозяева, – сочувственно глядя на ошеломленных родичей напарницы, развел руками Джар, – но это была не самая удачная идея. Да и не можете вы не догадываться, что никому из вас мой купол не пробить, не говоря уж о куполе жениха. И сразу предупреждаю: если

попытайтесь напасть на мою ученицу, не спасет никакой амулет. Гвелос может подтвердить, он такой эксперимент уже проделал. Поэтому лучше сразу несите нам подарки за радостную весть и получайте своих молодоженов.

– Но так неинтересно, – разочарованно буркнул из задних рядов кто-то из молодежи.

– Мы ее столько лет хранили для счастливого жениха, – ехидно поддакнула не видная из-за родичей молодка, – а они стараются схитрить.

– А разве мы первые начали?.. – притворно нахмурился Джарвис, но больше ничего сказать не успел.

– Мы себя покажем по-другому, – шагнул вперед обозленный подколкой Эгрис и резко махнул рукой.

Нарядная толпа с визгом взмыла вверх пучком разноцветных перышек, потревоженных шаловливым ветерком, и, медленно кружась, с тихим шипением, ахами и бранью начала плавно опускаться на полянку. Прямо на появившиеся на траве ковры и подушки, окружающие низкий широкий стол, заставленный блюдами с различными горячими блюдами и закусками.

– Так вот, уважаемые родичи, – в голосе главы гильдии не было и грана теплоты, – объясняю первый и последний раз. Моя жена, Ирсана Дуарис Тагорно, – самая лучшая женщина на свете, и я уверен в этом уже много лет. И в том, что все эти годы она жила в хижине травницы, а не в моем доме, немалая вина ее родителей. Я говорю не о том, что не научили ее не верить злым наветам. Ей в то время было трудно разобраться, где ложь, где правда. Но вы, такие опытные и умные, почему не поговорили со мной начистоту, когда я к вам пришел? Почему солгали?

– Вот вырастишь дочку, дашь ей клятву не вмешиваться, тогда сам и ответишь на свой вопрос, – огрызнулся отец невесты, вздохнул, провел по лицу рукой и мирно усмехнулся: – Но теперь я больше всех рад, что вы наконец помирились. И раз угощаешь ты, то вино ставлю я.

Подав знак, и из-за кустов выскочили слуги с графинами, кувшинами и бутылками, засуетились вокруг севших во главе стола молодоженов и хозяев.

– Фух, легко отделались, – еле слышно выдохнул Джар, устраиваясь вместе с ученицей напротив Эгриса. – Я думал, до полуночи за стол не сядем.

– А мы надеялись до утра праздновать, – кокетливо улыбнулась магу сидевшая неподалеку хорошенькая девица. – Музыкантов пригласили.

– Кто же вам мешает? – ответил приторной усмешкой Джарвис, узнавший ехидину по голосу. – Танцуйте и веселитесь, повод очень

веский.

– Без гостей скучно, – надула она губки.

– Пригласите соседей, – глянула на родственницу Санди. – У тебя там вроде жених был.

– И откуда только знает? – помрачнела та, но ее настроение никого не взволновало.

Хозяева и гости, уже выпившие за счастье новой семьи по бокалу игристого вина, потянулись за закуской, слышались смешки и шутки, праздник наконец-то вошел в обычное русло. К полуночи все уже были веселы и раскованны, плясали прямо на лужайке и на веранде дома, и некоторые парочки уединились на дальних скамейках сада. К этому моменту родичей Ирсаны прибавилось, незаметно появились немолодые женщины и старики, подростки и совсем малыши.

Леаттия поглядывала на них с огромным интересом, только сейчас сообразив, что в последние годы видеть детей так близко ей не приходилось. Их не было ни в ее родном замке, ни во дворце Кайора, а больше она нигде почти не появлялась. И сейчас хранительница с удовольствием подобралась бы к ним поближе, но помнила слова учителя и ни на миг не выпускала из пальцев рукав его рубахи. А когда порозовевшая от вина племянница Санди пристала к Джару с настойчивым приглашением на танец, вцепилась в учителя еще сильнее.

– Я пообещал ученице сегодня не танцевать, – нахально солгал тот, – и не могу нарушить слова.

– Не думала, что ученики могут требовать такое от учителей, – уходя, возмущенно пробормотала та, но маг только надменно усмехнулся.

Ни один магистр не станет рассказывать о методах и тайнах обучения темных магов своим родным, тем более родственникам своих друзей. Глупо устраивать всенародное обсуждение этого сложного и деликатного процесса, и особенно нельзя, чтобы подростки, приходящие в Гайртон, знали все уловки и хитрости учителей. Тогда добиться от них внимания и послушания будет в разы труднее.

Леа с облегчением выдохнула, когда Эгрис, круживший в танце молодую жену, вдруг остановился, одним взмахом руки заставил смолкнуть инструменты и подозвал сферу.

– Всем большое спасибо за этот праздник, – вежливо поблагодарил он, посадив в повозку Ирсану, и кивнул Джару: – Сядете впереди.

А через несколько мгновений они уже стремительно летели на запад, не оглядываясь на залитый огнями сад.

– Незачем было так шиковать, – буркнула Санди. – Потерпел бы еще

минут десять.

– Через десять минут я бы там уже что-нибудь поджег, – устало фыркнул прилегший на диван Эгрис и завожился, устраиваясь рядом с ней поудобнее. – А сейчас расскажи мне подробнее, кто кем кому приходится и почему та девчонка со слабым даром очарования вела себя так нахально.

– Забудь про нее, – усмехнулась знахарка. – Она всего лишь племянница моего зятя. И привыкла в своем городишке к мужскому обожанию. А рядом с моими родителями живут только маги, и ее чары ни на кого не действуют. Вот и пробует силы на всех, кто попадаетеся на глаза.

– А она правду сказала, – подумав, нерешительно спросила графиня, – что мы... вы... сделали не по правилам?

Эгрис возмущенно фыркнул, но ответить не успел, опередила жена:

– Откуда ей знать наши порядки, если она даже не ученица? Темные маги ни в чем не придерживаются категоричных традиций, важнее всего для нас главный закон: жить так, как хочется, но при этом не мешать братьям делать то же самое и не причинять вреда всем остальным.

– Первыми, – спокойно добавил Эгрис, – прощать обидчиков не станет ни один темный. А я сегодня и так долго терпел – понимал, что ему не хочется слушать пересуды кучи родичей.

– Не будем об этом, – перебила мужа Санди, – лучше поспи. Пока доберемся до Давра, резерв как раз восстановится до приличествующего главе состояния.

И грозный, неподкупный глава темных магов послушно положил голову ей на колени и вскоре сопел счастливо, как человек, наконец-то обретший главную ценность в жизни.

Глава двадцать четвертая

– По-моему, ничуть не похожа, – задумчиво бормотала Ирсана, обходя по кругу свою подопечную. – Лично я бы ни за что не узнала.

– Я тоже, – поддакнул появившийся в дверях Джарвис, и Леа согласно кивнула.

Она и сама не узнавала себя в тоненькой юной девушке, изумленно смотревшей на нее из зеркала фиалковыми глазами. Краски и ловкие руки травницы сотворили чудо.

Больше не было строгой белокожей синеглазки, одетой в серебристые платья, осыпанные бриллиантами и отороченные лебяжьим пухом. Эти наряды присылались из герцогского дворца к большим праздникам и приемам и хранились в особом шкафу за надежными замками.

Сейчас все было иначе. Пепельные волосы не были подняты в сложную многоярусную прическу, вошедшую в моду в последние сто лет, и из них не торчало ни одного перышка или цветочка. Не было на них и бус, и сверкающей камнями диадемы, и вычурных заколок.

– Волосы слишком приметные, – заявила магиня, берясь за расческу. – Поэтому мы их спрячем.

В тот момент это показалось девушке невыполнимым намерением, но вскоре она убедилась, что для опытной знахарки невозможного почти нет.

Санди скрыла волосы очень просто: свернула заплетенную косу графини венком и закрыла густо усыпанным крошечными изумрудами убором из серебряной сеточки. Лоб и виски были прикрыты обрамляющими убор изумрудными подвесками. Затем травница долго колдовала над лицом Леаттии, высветляя ресницы и брови, обвела малахитовым карандашом глаза, бывшие от природы бледно-синими, и они стали казаться зеленее. Потом нанесла несколько веснушек, скрыла молочную белизну кожи персиковой пудрой. Довершали образ провинциальной графини закрытое васильковое шелковое платье и скромное изумрудное кольцо.

И никого из них, ни темных магов, ни саму Леаттию, ни грана не волновало, как оценят этот неброский наряд придворные дамы, считающие себя знатоками и законодательницами мод.

– Пора, – объявил Джарвис, одетый в строгий костюм сапфирового цвета и васильковую рубашку с тонкой вышивкой, подчеркнувшую синеву его глаз и схожесть с «сестрой».

– Иду, – послушно положила ладонь на его локоть графиня.

– Только я хотела сказать... – Ирсана запнулась, закусил губу и неожиданно для всех покраснела.

– Что? – Немного подождав, графиня вернулась к смущенной наставнице и заглянула ей в глаза: – Санди, почему ты замолчала?

– Это... Джар, выйди и не подслушивай. Эгри... ты тоже.

Леаттия проводила взглядом покорно покинувших комнату магов и нахмурилась: судя по всему, знахарка намерена открыть ей какую-то из особенностей даврского этикета, о которой забыли упомянуть мужчины, два часа объяснявшие подопечной негласные правила. Или не решились в силу деликатности вопроса?

– Во дворце не нужно постоянно держаться за руку учителя, особенно с таким видом, как вчера.

– А какой у меня вчера был вид? – ошеломленно села на стул графиня.

– Такой... очень решительный... – несчастно кривя губы, выдавила Ирсана и вдруг, отважившись, выпалила: – Так цепко держатся за мужчин только неудачницы, случайно отхватившие самого завидного жениха и во всех видящие злобных соперниц. Это слишком бросается в глаза, недаром тетушка назвала тебя женой.

– Но это же Джар, – вспоминая вчерашний вечер, растерянно пролепетала графиня, – велел мне держаться покрепче и никому не позволять увести... Я ведь совсем не знаю правил.

– Что? Ну жук! – ахнула магиня, вмиг превращаясь в бойкую знахарку. – А я-то сегодня весь день голову ломаю, и дома за тобой следила, не сводя глаз. Думала, ты посмотришь вблизи на рядовых магов, поговоришь, потанцуешь, повеселишься...

– Не переживай, мне и так все понравилось. Особенно дети. Если бы я знала, обязательно пошла бы с ними познакомиться.

– Вы еще долго? – приоткрыв дверь, заглянул Эгрис и припугнул: – Нужно поторапливаться. Они и так будут в очереди чуть ли не последними.

– Все, она уже идет! – Магиня легонько подтолкнула подопечную к двери. – Теперь я спокойна.

Леа кивнула магистру и уверенно вышла из гостиной, превращенной ими в будуар. Так же спокойно вернула на место свою ладонь и потаенно усмехнулась, не узнавая саму себя. Почему-то слова знахарки не вызвали того стыда, от какого еще месяц назад хранительница сгорала бы, услышав про свою оплошность. А сейчас не было никакого желания обвинять в чем-то учителя, явно знавшего, как расценят ее поведение родичи Ирсаны. Зато становилось понятно, почему он так резко перебил расторопную тетушку и

почему разговаривал с ней таким тоном. Ну а мнение племянницы, явно пытавшейся поймать рыбку покрупнее, Леаттию и вовсе не волновало.

До дворца они добрались быстро, но сразу за воротами застряли в длинной очереди медленно ползущих к вожделенному крыльцу таких же открытых колясок. Сидевшие в них дебютантки мгновенно подняли над собой лес кружевных и атласных зонтиков, пряча белизну кожи и украшающие прически живые цветы от лучей уходящего на запад светила.

У Леаттии зонтика не было, да и солнца она не боялась, поэтому сидела спокойно. Однако Джар, как выяснилось, считал иначе и немедленно подвесил над коляской прохладное облачко. Зачем он так беспечно открыл всем свои способности, хранительница узнала очень скоро, едва их коляска поравнялась с ведущей вбок аллеей. Ее охраняли герцогские гвардейцы, и их командир молча сделал вознице знак свернуть в ту сторону.

Один из воинов сел рядом с кучером, тот подстегнул лошадок, и коляска резво покатилась вперед, чтобы очень скоро оказаться перед центральным входом во дворец.

Джар легко соскочил на ступени, подал «сестре» руку, помогая спуститься, и неторопливо повел наверх под изучающими взглядами толпившихся на крыльце придворных и женихов всех рангов.

– Граф и графиня Габрони! – внимательно осмотрев приглашение, зычно прокричал встречающий их в распахнутых настежь дверях дворецкий, и стража расступилась, пропуская гостей внутрь.

– Барон Омолер и графиня Лонске! – раздалось вслед через полминуты.

Под эти почти равномерные выкрики они пересекли огромный холл и устроились на одном из маленьких диванчиков, расставленных вдоль стен и в нишах. Здесь гостям предстояло провести не менее часа, пока соберутся все дебютантки и откроются двери тронного зала. Леаттии был знаком этот порядок, но до сих пор входить во дворцы таким способом не приходилось. Вернее, в один-единственный дворец, принадлежащий когда-то ее предкам. Туда ее и родителей всегда привозили заранее, а потом улыбчивые фрейлины развлекали их и поили чаем в уютной гостиной до тех пор, пока не наступало время устроиться на тронном возвышении вместе с самыми верными приближенными Манреха.

– Ненавижу, – тихо выдохнул вдруг Джар, искоса глянул на ученицу и хмуро пояснил: – Ненавижу тратить время на бесцельное ожидание. И на такие вот приемы – тоже.

– Можно было отправить со мной Вельтона, – пожала плечами она, не собираясь ему сочувствовать.

Сам вызвался, когда решали, кому сопровождать ее на прием. Теперь поздно сожалеть о собственном выборе. Ведь остальным магам попасть сюда не так-то просто, лишь Ирсана с целительницей приедут по приглашению придворного мага. Остальным, вместе с главой гильдии, придется пробираться во дворец под отводом глаз, пристроившись рядом с кучерами или на запятках.

– Твой учитель я, а не Вельтон, – огрызнулся маг на дагорском.

– Я этого не забываю и менять наставника не собираюсь, – Леа тоже перешла на редкий в этих краях язык, – но не знаю ни одного полезного занятия, которое поможет скрасить время и не насторожит гостей герцога.

– Я тоже, – хмуро буркнул он. – Лучше бы еще полчаса посидели дома.

– Может, погуляем по залу? – не понимая внезапной мрачности мага, предложила хранительница и огорошенно замерла, услышав тихий скрип его зубов.

А в следующий момент рядом с ними остановилась парочка, и Леаттия с изумлением узнала в девушке, опиравшейся на руку полноватого мужчины с пронзительным взглядом маленьких глазок, свою недавнюю спутницу.

– Элайна! – слишком живо обрадовалась та. – Какая встреча! Знакомьтесь, это господин Боларж, брат моей подруги. Он сопровождает меня вместо приболевшего кузена. А это граф Габрони и его сестра Элайна, они приехали с нашей компанией.

Мужчины учтиво раскланялись, хотя радость цвела только на лице спутника Милоны, и Боларж важно поцеловал руку Леаттии, заверяя, что ему очень приятно познакомиться с такой хорошенькой девушкой. Хранительница скупно улыбалась в ответ, все яснее понимая, как напрасны были все ее прежние надежды встретить на таких вот многолюдных приемах того, кто станет ей опорой в жизни. Даже если тут и есть достойный мужчина, рассмотреть ее среди сотен красавиц у него нет никакого шанса. Зато можно не сомневаться, у нее не будет недостатка в охотниках за приданым вроде этого Боларжа.

А он уверенно устроил на соседнем диванчике Милону, сел сам и завел легкомысленную светскую беседу о погоде, новых указах и самых значительных происшествиях, не забывая очень проницательно задавать новым знакомым волнующие его вопросы.

Большое ли имение у Джарвиса, хорошие ли земли и что на них растет.

– Всё, – уверенно заявил маг. – У нас благодатный край. Но выгоднее всего кофейные и чайные плантации да душистые приправы. Дед поставил сушилку и небольшую фабрику, всего человек на полста, они как раз справляются с переработкой зерен и листьев. Всем хозяевам кофейен и магазинов приправ известно наше клеймо, буквы «АГ», выдавленные на чайном листе.

– Мечтаю посмотреть, как растут кофейные деревья, – восхищенно прошептала Милона.

– Так за чем дело стало? – изумился Джар. – Вот поедете назад, и как доберетесь до Сиапы, глядите налево. Там вдоль дороги несколько кофейных рощ. Когда мы ехали сюда, они как раз цвели.

Дебютантка обиженно надула губки, но ее спутник очень ловко перевел разговор на другую тему, осторожно, как паук, опутывая новых знакомых хитроумной сетью посулов и обязательств. И когда все в зале зашевелились, каким-то неведомым Леаттии чутьем предугадав открытие заветной двери, девушка уже почти не сомневалась, что ей придется подарить этому прохиндею за любезность один танец. И обреченно сжалась, услышав безукоризненно вежливое приглашение. Однако ответить не успела – перед ней словно по волшебству возникла толпа видных молодых мужчин.

– Первый танец очаровательная госпожа Элайна обещала мне, – нагло заявил ослепительно улыбающийся Вельтон и получил в награду полную признательности улыбку.

– Я помню, – облегченно выдохнула она.

– А второй – мне, – с изысканным изяществом склонился к ее руке Сейнон.

– А третий – мой, – широко улыбнулся всем присутствующим Лаберт, протягивая Леаттии роскошную синюю розу.

– Четвертый обещан мне, – строго сообщил подтянутый, как офицер, Одерз и лукаво подмигнул девушке.

– А пятый – снова мой, – категорично заявил Вельтон, подозрительно рассматривая Боларжа, и тут же спросил у него напрямую: – А вы не в герцогском сыске служить изволите? Амулетик у вас приметный... и сапожки казенные.

Ответить Боларж не успел – двери в тронный зал распахнулись, и толпа дебютанток устремилась внутрь. Им положено было встать по обе стороны широкой ковровой дорожки, вдоль которой проследует к трону герцог с сыновьями, обязанными выбрать себе пару на первый танец.

Позже они могут не танцевать, если не пожелают, но открыть бал – их

долг и привилегия.

– Скажи, – шепнул Вельтон на ухо хранительнице, уже вставшей, чтобы последовать за остальными девушками, – ты очень хочешь тут танцевать?

– Нет, – мгновенно ответила она и с надеждой уставилась на друга: – Но разве есть способ?

– Мы тебя окружим и кастуем на себя отвод глаз. Проверено: того, кто стоит посередине, никто не видит.

– Давай, – кивнул ему Джар, подталкивая ученицу в центр маленького кружка. – Куда идем?

– В левом углу маленькая дверь для слуг, там ждет ученик Зелада, – торопливо шептал Вельтон, видимый Леаттии словно сквозь туман. – Чуть левее... сюда.

Однако на узкой лесенке их встретил не ученик, а сам придворный магистр, и рядом с ним стоял Эгрис.

– Все прошло удачно?

– В такой толпе и сотня гостей пропадет, никто и не заметит, – отмахнулся Вельтон. – А на сыскаря я мигрень нагнал, через час свалится и завтра ничего не вспомнит.

– Может, он не сыскарь? – робко попыталась защитить незнакомца Леа, но маги необидно заухмылялись.

– Им амулеты герцогский казначей заказывает в нашей гильдии, партией дешевле. Ну а мы для себя ставим маячок, очень невинный и незаметный, всегда полезно знать заранее, с кем имеешь дело, – объяснил Эгрис. – И всем магам известен этот секрет.

– А девчонку он завербовал, – хмуро подтвердил Джар. – У нее тоже амулет, попроще. Когда мы ехали сюда, его не было.

– Вот и мой кабинет, – облегченно вздохнул Зелад, открыв мрачную тяжелую дверь, защищенную коваными накладками и загадочными знаками. – Сюда никто не войдет. Я готов вас выслушать, но в полночь уйду, герцог заказал салют.

– Нет, ты пойдешь с нами, – тихо, но твердо объявила Леаттия, с огорчением понимая, что это всего лишь начало длинного и непростого пути.

Еще не раз и не два ей придется вот так же смотреть в темнеющие от гнева глаза уверенных в своей правоте магистров, не готовых терпеть никаких указаний наглой бездарной девчонки. Но обижаться на них за такое отношение она не станет, да и не имеет права.

Им ведь пока неизвестно, что магию необходимо срочно спасать, и это

именно ее обязанность и предназначение, изменить которое хранительница не может.

Да и не желает.